

Бордерлајн република

Copyright © 2026

Эта книга может свободно распространяться и распространяться в коммерческих целях при условии, что её содержание не изменяется и указывается имя автора.

Автор не поддерживает употребление наркотиков и не употребляет их. В данной книге наркотические вещества используются исключительно как художественный символ упадка и смерти.

Все сцены и персонажи данной книги являются вымышленными. Любые совпадения с реальными событиями или людьми являются случайными.

Из Сербии с любовью.

Часть первая
Перспектива

1.

— Я Господь, и нет иного; кроме Меня нет Бога; Я Господь, и нет другого, создающий свет и творящий тьму, утверждающий мир и производящий зло. — Было ровно 20:32, когда всем в один и тот же момент показалось, что именно это она сказала. Да, именно это она сказала. Не было сомнений, что она это сказала. Зрачки чёрные и блестящие, как тараканы, глаза, впалые в самодовольную серость лица, она встала уверенно и заявила то, что действительно думает, на Национальном телевидении. И в прайм-тайм новостей! А все, как обычно, сделали вид, что ничего не услышали и что во всём виноваты помехи частот, испорченные слуховые аппараты, техническая ошибка или, возможно, даже сам телевизор.

Этот телевизор находится в психиатрическом институте «Доктор Тарр и профессор Фетер», но это ничего не значит, потому что проблема не в этом телевизоре. Этот телевизор не виноват в необычной откровенности Национального телевидения. То, что произошло в этот момент, начало набирать обороты несколько месяцев назад: а именно, мировые могущественные лица и государственные лидеры иногда говорили правду в СМИ ровно тридцать секунд. Это был тренд, порождённый новой геббельсовской пропагандистской идеей, то есть докторской диссертацией под названием «Скажи правду, чтобы не пришлось говорить правду». Речь идёт о процессе, который Геббельс в течение своей долгой карьеры тщательно исследовал, а затем свёл к знаменитой и всем известной мантре политического маркетинга: «трижды повторённая правда становится ложью». Новая стратегия мировых властителей заключается в следующем: каждый месяц они выбирают тридцать секунд в прайм-тайме и перед всей нацией или даже всем миром произносят чистую, необработанную правду. То, что Геббельс и предвидел, когда предложил внедрить эту стратегию в рамках медиакомпании всех стран, даже маленьких, порабощённых, — это реакция зрителей, которые ожидаемо будут делать вид, будто ничего не услышали и будто всё совершенно нормально. Эта политическая антистратегия вызвала несколько анекдотов, касающихся различных половых сношений в международных судах и на заседаниях парламентов, но чистая правда, в отличие от того, что мы все с нетерпением ожидали от истины, когда она наконец появится, не вызвала абсолютно никакой реакции.

Хелена Вайс тогда сидела прямо перед телевизором в психиатрическом институте «Доктор Тарр и профессор Фетер», пытаясь усмирить свои бунтующие тёмные волосы, которые буквально взбрыкивали, когда неожиданность парализовала её. Она наконец это сказала! Истина ушла в необратимость эфира, и теперь, как твёрдо верила Хелена Вайс, месмерический сон последователей телевизионного культа будет прерван, и они проснутся через четыре, три, два...

— Ты это слышала? — спросила Хелена восьмидесятилетнюю старуху, сидевшую рядом с ней, прямо перед телевизором. — Дазмона Маридадь,

немецкий канцлер. Только что на Национальном телевидении, обращаясь к нашему премьер-министру Владимиру Горду, она сказала, что она наш бог и мы не должны иметь другого бога.

— Эта баба? Она никакой не канцлер. Канцлер — Адольф, — сказала старуха.

— Адольф мёртв. Сейчас 2016 год. Адольф, Черчилль, Гиммлер, Рузвельт... все умерли ещё в начале тысячелетия. Только Геббельс жив. Ему, наверное, уже сто шестьдесят восемь лет. Интересно, он всё ещё выглядит так, будто ему всего тридцать пять...

Пока Хелена говорила, старуха вскочила на неё и начала рвать ей волосы, крича: — Он не мёртв! Не мёртв! Когда узнает, что они делают, он придёт и арестует их! Он всех нас спасёт! —

Санитар подбежал, пока старуха всё ещё вырывалась и, убеждённая в единственной истине, кричала:

— Он нас всех спасёт! Всех нас спасёт! —

Так Хелена Вайс, держа в руке внушительный прядь своих до сих пор бессмертных волос, усвоила, что упоминать правду не очень-то разумно. Точнее, вовсе не разумно упоминать правду, если только она не является частью пропагандной стратегии Йозефа Геббельса.

То, что Хелена в тот момент упустила из виду, было то, что она находится в психиатрическом институте и что старуха, к которой она обратилась, страдает антероградной амнезией. Последний момент времени, который помнит эта старуха, — первое января 1933 года, когда она, девятилетняя девочка, увидела того смешного человека, баллотировавшегося в канцлеры Германии. Он улыбнулся ей и протянул свёрток, поздравив с Рождеством и новогодними праздниками. В свёртке было то, что тогда было больше всего нужно черноглазой девочке: хлеб, мука, масло, сахар, а также кукла, произведённая в Китае для американского рынка и отбракованная как брак, потому что у неё не было руки. Почему антероградная амнезия наступила именно в этот момент, было неясно, но было одновременно и странно, и грустно наблюдать эту старуху, которая уже полвека помнит нацистского палача только по его предвыборной кампании.

Старуха из психиатрического института не помнила войны, вспыхнувшей в 1939 году. Не помнила и того, как её эвакуировали из Германии на территорию тогдашней Югославии, когда Берлин был сравнен с землёй. Не помнила и того, как постнационал-социалистическое правительство, не зная, что делать с руинами Берлина, из обломков и камня построило стену. Самая бессмысленная деталь её амнезии состоит в том, что она не помнит даже того, как в 1945 году, во вспышке напалмовой бомбы, родилась Великая Югославия.

А именно, Великая Югославия родилась совершенно случайно — как федерация восьми государств, которые не знали, что делать с самими собой. Всё началось во время Blitzkrieg войны: популярные шоколадные конфеты «Pervitin» со вкусом кофе, так называемые «Kafabon», которые раздавались

армии как замена кофеиновому магическому напитку, вкус которого напоминал им свежий ветер сияющего рассвета, всё ещё рождающегося над родиной, содержали в себе одно вещество, случайно просочившееся между карамельной начинкой и шоколадной глазурью. Это был мет. Пока Черчилль и Гитлер были заняты дипломатическими переговорами, политическая элита Балкан пожирала шоколадную глазурь Blitzkrieg-конфет и непреднамеренно вводила в своё сознание солидное количество метамфетамина. В порыве эйфории, вдыхая бессмертие и держа самого бога за большой палец, лидеры подписали соглашение о федеративном объединении шести балканских государств. Позднее к ним присоединилась и седьмая — Республика Амия. Поскольку по древним языческим верованиям славян число семь считается несчастливym, федеральная власть согласилась называть Амию восьмым государством и постоянно подчёркивать именно число восемь, утверждая, что всё равно никто не станет считать.

Причина, по которой на нестабильной почве Балкан смогла родиться страна братства и единства, заключалась в том, что Гитлер и Черчилль были заняты послевоенным диалогом. Япония воспользовалась этой ситуацией, чтобы стать гигантской угревой рыбой порноиндустрии, Голландия работала над патентованием собственных шоколадок Kafabon, американцы и русские играли в холодную войну, а Балканы, вот так, совершенно случайно наслаждались последствиями первитина, эйфории и всеобщей любви. Премьер-министры европейских стран предупреждали Рузвельта ещё в самом начале, что «дикари создают Югославию, страну, которая опасно приблизится к сообществу, где социализм и рок-н-ролл стоят плечом к плечу», но Рузвельта это не пугало. Его наследники знали, что будет достаточно просто лишить команду, строящую утопию, первитина — абстинентный кризис приведёт их в состояние паранойи, в котором ими будет совсем легко манипулировать, и они будут таять под любыми пальцами, как горячий пластилин.

Хотя в 1945 году все при желали, чтобы Германия признала поражение, чтобы гордая Красная Армия вошла в Берлин, неся знамя мира и единства, и чтобы Гитлер, Гиммлер и самый отвратительный из всех — маленький маркетинговый маг с зажатой улыбкой и влажными ладонями Йозеф Геббельс — совершили коллективное самоубийство, этого не произошло. Война продолжалась бесконечно, все бомбили всех, все жгли всё, пока Гитлер и Черчилль не решили по взаимному согласию прекратить всеобщий хаос.

Ровно в полдень, двадцать четвёртого сентября 1945 года, Адольф Гитлер угостил Уинстона Черчилля бутылкой отличного ирландского виски и сказал буквально следующее:

— Мы можем продолжать воевать, пока все не перебьём друг друга и на свете не останутся Адам, Ева и два бункера, полных «Хайнекена», VHS-кассеты шведской порнографии, фирменным знаком которой являются золотые сандалии с толстой пластиковой подошвой, и небольшая куча консервов с долгим сроком хранения. Возможно, это был бы не такой уж плохой мир, если не учитывать кризис нехватки видеоплееров и консервных ножей. Но всё равно рискованно. Можем так, а можем и закончить это по соглашению. —

Черчилль считал, что мир всего с двумя людьми и большим количеством алкоголя — вполне неплохой вариант. Однако он никогда не был поклонником «Хайнекена», и именно это в тот момент стало главной причиной того, что война закончилась без чьего-либо поражения и без чьей-либо победы. Обе стороны предложили отвести войска и начать соглашение. Диалог и раздел власти между мировыми державами продолжались следующие пятьдесят с лишним лет. Говорят, что в 1989 году в историю вмешался сам Бог.

— Чёрт бы вас побрал, тех, кто вас создал, — ругался Бог на самого себя.

— Нужно лишь, чтобы все были скромны и брали только столько, сколько им необходимо, — сказал он.

— Каждый человек имеет право на достойную жизнь, — утверждал сам Бог.

Маркетинговая команда Адольфа Гитлера заподозрила, что дух Карла Маркса спустился на землю, чтобы создавать проблемы там, где всё под контролем и новая система вот-вот будет установлен. Правда, под словами «новая система» имеется в виду рабовладельческая дистопия, но ни одна маркетинговая команда не должна обременять себя такими мелочами, когда основной причиной кризиса является проблемный дух, который без приглашения ворвался на встречу и при этом ничего не понимает в бизнесе. Пряча грязные руки в карманы чёрных пальто из ягнячьей кожи, они отрицали возможность того, что их посетил сам Бог. Отец вселенной был единогласно изгнан с заседания по перераспределению власти и территорий планеты Земля.

В январе 1990 года соглашение было достигнуто. Югославия распалась, а Адольф получил в подарок Республику Амию. Вскоре после подписания договора о колонизации Амии метамфетамин, судьба и закопанные запасы АК-47 восстали из мёртвых. Голуби мира осыпали землю братства и единства белым дерьмом, из которого её не вывела бы даже сама Красная Армия. Так одна империя ушла в небытие, а растерянной старухе, которая теперь жила в Амии, была диагностирована антероградная амнезия в психиатрическом институте «Доктор Тарр и профессор Фетер».

Многое из молниеносной войны не могли ясно распознать даже те, кто не страдал амнезией. По всей Восточной Европе люди видели огромные фабрики, закованные в цепи, над которыми было написано, что труд освобождает. Эти фабрики были обвиты проволокой, пыльными стенами и призраком тайны, и никому не было ясно, почему они стоят пустыми и заброшенными. Многие жители Амии говорили, что в условиях такого экономического кризиса эти фабрики должны снова открыться, потому что молодёжь должна где-то начать работать, вместо того чтобы целыми днями бездельничать.

Жители Амии долго не могли понять, кто в той войне кому был союзником, а кто врагом. И действительно, геополитические отношения были крайне запутанными. Из-за этого незнания амийцы долго опасались договора о колонизации с Постнационал-социалистической Республикой Германия. Они боялись, что новый оккупант введёт санкции, вызовет гиперинфляцию или через своих соратников, клептоманов и военных спекулянтов, доведёт их до безумия нищетой и голодом. Когда в начале нового тысячелетия пост канцлера Германии заняла Дазмона Меридадь, все ожидали, что дивизия СС будет

бомбить их своими стальными соколами. К всеобщему счастью, этого не произошло. Оказалось, что даже нацисты не такие уж скоты.

А возможно, всё это не произошло потому, что Амия ничем особенно не была интересна. В остальном мире роботы уже ходили по улицам, водили такси, работали на фабриках и предлагали секс за деньги. Роботы, так называемые боты, были настолько технологически развиты, что им поручали все те профессии, которые люди больше не имели нервов выполнять. Боты были повседневностью развитого мира. Но Амия не произвела ни одного. Она получила несколько в подарок в виде иностранных донатов из России и, поскольку у неё не было ни одной функциональной отрасли экономики, такой как промышленность или туризм, где она могла бы задействовать своих ботов, Амия назначила их редакторами ежедневных газет, журналистами, редакторами телевизионных программ и магами политического адвертайзинга. Премьер Горда поблагодарил за эти пожертвования на беглом русском, скрывая, что «большое спасибо» — единственное, что он выучил на братском языке, так же как единственное, что он выучил на английском для нужд американо-амийской дипломатии, было: “We are very sorry for whatever the reason for being sorry is.”. Немецкий язык, если не считать умения кланяться, премьер Горда не выучил, что делало нас ещё более скучными на геополитической сцене.

Единственным ресурсом, который мог бы быть интересен в Амии, была голубая гора, обнятая льдом, разделявшая Амийскую равнину от холодных русских степей. Разумеется, амийцы, в своём естественном недостатке оригинальности, назвали эту гору Урал, хотя в географии мира уже существует одна гора с таким названием. Если бы они назвали эту величественную каменную даму, скажем, «Клык перворождённого вампира», толпы туристов первого мира, подталкиваемые скукой экзистенциального благополучия, прилетели бы посмотреть на эту достопримечательность. Туристы наверняка были бы готовы заплатить пять долларов, чтобы сфотографировать обычный зазубренный камень, поросший сухим мхом и вонючими грибами. Но помощь государственной экономике была слишком тяжёлой темой для амийцев. Для амийцев экономические принципы полностью следовали принципам кабака — как и всегда, о новой бутылке водки они будут думать только тогда, когда существующая будет выпита, а и тогда у них не будет много тем для размышления, потому что кто-нибудь уже упрсит один из братских народов подарить им ещё одну. Большое спасибо!

Если всё это принять во внимание, остаётся открытым вопрос, зачем немецкому канцлеру понадобилась одна маленькая и тощая страна, такая как Амия. Любому, кто знает географию, это было ясно как день: на самом востоке Амийской Республики тянулась длинная граница, чистая, как горизонт, за которым гордо, в танце тумана и кристального снега, стояла непобедимая Россия. Распятая между Россией на востоке и Германией на западе, Амия была проклята лишь своим положением. Запад, в духе вечного дерби, через Америку хотел добраться до Востока. Но почему канцлеру, если эта смешная страна уже была ей нужна ради высших стратегических целей, было выгодно поддерживать в Амии безработицу на уровне более пятидесяти процентов — это уже не было вполне ясно. Вероятно, это была психологическая игра по снижению стоимости труда. Нужно приучить людей к заработку ровно такому, чтобы из Амии

сделать новое рынок нищеты, на котором можно было бы распродать запасы книг Дипака Чопры и «Монаха, который продал свой Феррари», хотя автор книги о монахе, продавшем свой Феррари, уже заработал на ней достаточно, чтобы купить Феррари, что и было его первоначальной целью.

Страна Амия была идеальной территорией для развития одного аккуратного, прибыльного рынка нищеты, потому что это страна, в которой бабки — святыня. Всё продаётся: идентичность, любовь, докторские диссертации, дипломы медицинского факультета, кресла в парламенте, души и задницы. И все, абсолютно все были готовы продать душу или зад, при этом категорически утверждая обратное и безуспешно продавая честность. Но ничто из этого не проходит на рынке нищеты.

На рынке нищеты проходят только громоздкие машины, способные каждый день изрыгивать на цветные полки супермаркетов миллионы и миллионы ненужных потребностей. Например: iPod. Бронзер. Lip plumper. Президентские выборы. Искусственная вагина. Должность в комитете по культуре. Wonderbra. Позитивное мышление. Комедийный сериал о повседневной жизни обычной супружеской пары. Силиконовые груди. Радикальный национализм. Голливудский блокбастер о конце света, нашествии инопланетян или об акуле. Демократическая революция. Пятьдесят оттенков тумана. Самый большой мусор вселенной на распродаже. Двадцать процентов скидки. 1+1 бесплатно.

Хелена Вайс не была вполне уверена, что именно делает людей настолько лабильными, что они готовы тратить свою и без того жалкую зарплату на эти плацебо-продукты. Тем не менее этот консюмеристский джанки-эффект был главной причиной ежедневной толпы в психиатрическом институте «Доктор Тарр и профессор Фетер». Хелена Вайс была клиническим психологом и волонтером в молодёжном отделении института и с первого дня своей практики не видела ни одного человека с нормальным психиатрическим заболеванием из тех, о которых она читала в своих толстых университетских книгах. Повсюду, как призраки потерянного времени, бродили вполне функциональные люди, впадавшие в отчаяние из-за денег. Девяносто процентов нации бунтарей, воинов и героев страдали консюмеризмом в эпоху, когда нации были особенно нужны воины и герои. Однако Хелену Вайс это не слишком беспокоило. Методы лечения консюмеризма, хотя в данном случае они менее эффективны, те же самые, что и методы лечения чего угодно с «Ф»-отделения.

Если верить статистике психиатрического института «Доктор Тарр и профессор Фетер», лицо Амии в начале нового тысячелетия выглядело как лицо Януса, у которого одна сторона смотрела в прошлое и страдала депрессией, а другая сторона смотрела в будущее и страдала тревожностью.

— Думаю, во всём виновато одно событие в моём детстве... — начинала свой рассказ типичная пациентка института в один типичный понедельник.

— Ради бога, ваше детство в порядке. Ваша мать в порядке, ваш отец в порядке, ваши домашние животные в порядке. Вы говорите о своём детстве так, будто оно в чём-то виновато. Только те, у кого нет будущего, смотрят в прошлое и

ищут в нём причины. Ваша вина, ошибка в воспитании, слишком много любви, слишком мало любви, черты личности, невротизм... всё это одно большое дерьмо. Вас используют, госпожа Татьяна. Вас используют, эксплуатируют и не дают вам вашу долю мира, которая по рождению и по божьей справедливости вам принадлежит. Поэтому избавьте себя от этого дерьма и попробуйте немного поспать. — говорила Хелена крайне нетипично и непрофессионально, но в большинстве случаев весьма эффективно.

— Не отправляйте меня к этим... этим... к ним! — говорил типичный молодой человек из института в один типичный вторник. — Эти психи, они самые умные со своими нейротрансмиттерами. Когда хочешь кого-то убить, говорят — у тебя избыток дофамина. Когда хочешь покончить с собой — тебе не хватает серотонина. Когда не можешь спать или нервничаешь — это третий трансмисмиттер, норадреналин. Я в таком случае мог бы развалиться в кресле и позволить этим трансмисмиттерам всё делать вместо меня, а? «Личность инфантильна, с низкой силой эго, с депрессивными реакциями в ситуациях, которые интерпретирует как конфликт вследствие неадекватного разрешения отношений с первичным объектом в детстве» — мать твою, Вайс, что это за дерьмо? Сначала они хотят сказать, что я нейротрансмиттер, теперь я ещё и духовный инвалид. Думаю, Вайс, если за всё, что происходит в моих нейронах, отвечают калий и натрий, зачем вы вообще таскаете меня по кабинетам целый чёртов день? Я нейротрансмиттер. Я калий-натриевая помпа! Не знаю, почему вы все, великие умы психиатрического института, не убьёте нынешних и не сделаете лучших людей из калия и натрия, а?

— Ну, мы планируем... ждём только одобрения масонской ложи рыцарей из Сиэтла, — говорит Хелена.

— Видишь, Вайс, как это просто: берёшь банан, который является природным источником калия, плюс хлорид натрия. Солишь банан — и половина дела сделана. Вот насколько это просто! Вот насколько бог постарался. —

— Может, ему мало платят? — спрашивает его Хелена, пока уголки её губ растягиваются в улыбке.

Молодой человек улыбается и говорит, что и наш бог, наверное, работает на немецкого канцлера Даэмону Маридадь. Говорит, что богу в эти дни тоже нелегко. Его настроение заметно улучшается. Он начинает смеяться, сначала застенчиво, а затем всё громче и громче.

— Ты действительно освежение этого места, Вайс, — говорит молодой человек. — У меня есть для тебя подарок. —

Молодой человек протянул Хелене маленький чёрный ежедневник, украшенный золотой вышивкой и красной ленточкой сбоку. Это был один из тех ежедневников-напоминателей для деловых людей, которыми больше никто не пользуется и которые теперь раздают бесплатно на промо-акциях кетчупа. У ежедневника было два раздела. Первый раздел представлял собой место для телефонного справочника, где каждая страница соответствовала букве алфавита. Второй раздел был своего рода ежедневным расписанием или планером,

задуманным для пользы людей, которые, в отличие от Хелены, иногда имеют какой-то план.

Хелена назвала свой маленький чёрный ежедневник «чёрной тетрадью погибели» и использовала его для того, чтобы записывать мысли, которые ежедневно её тяготят и ни к чему не служат, зная, что её тетрадь всё равно закончится на региональной свалке вместе с пустыми пакетами из-под чипсов, пластиковыми бутылками кока-колы, вчерашними газетами и лопнувшими китайскими презервативами, которые прошлой ночью предали чьё-то доверие.

Хелена Вайс давала всем советы, которые пыталась давать себе самой и которые на неё не действовали даже как лёгкий стимул. Все эти люди, чьи книжные полки были заполнены названиями вроде «Победите тревожность в 10 лёгких шагах», «Природой против депрессии» и тому подобным, постепенно находили свои маленькие вселенные. Они находили что-то, из-за чего их по утрам будил не пронзительный будильник и ругань, а радость и возрождение. Постепенно они заменяли книги о болезнях на полках фотографиями своих семей, поэзией Маяковского, которая их воскрешала, или скульптурами, которые они сами создавали.

Полки Хелены Вайс были пусты. Не то чтобы она не пыталась пережить воскресение, но её сердце отказывалось чувствовать что-либо, кроме аритмии и тромбоза. Ночами она глотала сотни тысяч слов литературных гигантов, в то время как поэзия Матюша в ритме современного панка звучала в её комнате, через которую проходили гашиш, экстази, плохие парни и хорошее вино [Скорее было наоборот — хорошие парни и плохое вино, но мы не можем утверждать это с уверенностью, поскольку вывод о том, какие парни, во многом зависит от самого вина (прим. авт.)].

Ни Толстовское воскресение, ни рыболовные навыки Эрнеста Хемингуэя, ни солёная Африка камюевского королевства, ни кафкианский таракан — ничто, ничто не могло заполнить ту пустоту в душе, в которую выросла холодная сибирская ночь. Потому что в конце каждой книги, каждой поэмы и каждого фильма, в конце каждого опьянения или транса, перед её утром стояла коррумпированная и изъеденная кариесом Амия как хитро расставленная медвежья ловушка, от которой никто не может уклониться.

Иногда в институт «Доктор Тарр и профессор Фетер» приходили и люди, которым ничего не было нужно. Они приходили к Хелене лишь для того, чтобы о чём-то её спросить. Поскольку психиатрический институт находился в маленьком городе Малоград на самом юго-востоке Амии, к Хелене Вайс приходили люди, которые из того же Малограда никогда не выезжали и были любопытны услышать что-нибудь о мире, который они никогда не увидят.

Хелена была одной из немногих студенток, которым выпала привилегия закончить шестой год обучения в Санкт-Петербурге, если это вообще можно было назвать премией. Жители Малограда приходили к ней, чтобы услышать, какая она — эта Великая Россия — вблизи.

— В Великой России, — говорила им Хелена, — зима длится с июня по июнь.

— Аууу... — удивлялись они, вытирая тяжёлый пот амийского лета с тоской по запаху снега и сосен.

— В Великой России на дорожном знаке «железнодорожный переезд — 100 м» нарисована Анна Каренина.

— Вааау! — восхищались жители Малограда.

— В Великой России существует только одна экзаменационная сессия, и пересдачи нет.

— Оооо! — благоговели они.

Разумеется, Хелена не имела ни малейшего понятия о России. Большую часть времени она проводила за книгами, толстыми как коровы, всё больше понимая, что ни один город или страну невозможно узнать без денег. Без бабла ты всем чужой. Из всей России Хелена помнила только экзаменационные сессии и голубые стены съёмной комнаты с большими белыми цветами на обоях. И, конечно же, алкоголь.

— В Великой России, — говорила она, — ром не добавляют в чай, ром добавляют в ром. —

Жители Малограда смотрели на неё с выражением благоговения, жаждая услышать что-нибудь величественное. Истина заключалась в том, что и в России не было героев, о которых они хотели услышать. Герой Красной Армии и рыцарь гордого, стального Ленинграда, вероятно, напивался спиртом в кабаке и носил форму лишь для того, чтобы подцепить официантку, застрявшую на бессмысленных курсах банковского дела и потерянную на рынке нищеты, которая пьёт «cuba libre» за чужой счёт и стреляет сигареты и траву. А если официантка и уходила с ним домой в тот вечер, ему было совершенно безразлично, уйдёт ли она утром или переедет к нему и останется навсегда. Люди там были такими же, как и у нас, такими же были фильмы, экономика, алкоголизм и жизненные истории.

И всё же Хелену, как и других жителей Амии, при упоминании Великой России охватывала серьёзная сентиментальность, будто предвещавшая, что судьба двух государств могла бы иметь иной ход, чем утопание в болоте консюмеризма и дикой экономики периферии. Причина этой сентиментальности заключалась в том, что в то же время, когда была оккупирована Амия, Россия проиграла холодную войну, и две страны могли лишь обняться, ограбленные и в заплатах, как старший брат обнимает младшего и говорит ему, что всё будет хорошо. Всё это было бы трогательно, если бы в данном случае младший брат, то есть Амия, не был клиническим идиотом.

Учитывая это, всю нацию наверняка сильно воодушевило бы, если бы премьер Горда хотя бы раз вышел к медийным камерам и с патриотической уверенностью сказал:

— Государство — это я. —

2.

Это был совершенно обычный день в институте «Доктор Тарр и профессор Фетер».

Понедельник, 27 июня, 8:45. В стационар поступает пятидесятивосьмилетняя женщина, которая каждый день смотрит реалити-шоу. Один её сын подсел на спид, а другой — гомосексуалист. Она в отчаянии. Она всегда хотела внуков. Что ей теперь делать, кроме как смотреть документальную передачу о людях, которые едят штукатурку или наполняют голову салом, чтобы походить на куклу Bratz?

Возможное решение: Поместить людей в камеры и поддерживать их в состоянии гибернации. На потолке камеры установить маленький телевизионный экран, на котором двадцать четыре часа в сутки будет транслироваться реалити-шоу. Так люди вместо того, чтобы развлекаться, есть или жить, будут смотреть на более красивых, чем они сами, которые развлекаются, едят и живут, и это наполнит их сердца ощущением жизненной реализованности при минимальных затратах.

Понедельник, 27 июня, 10:28. Санитары приводят худую девушку с платиновыми волосами. Она хватается кожу на локте, показывает, как она полна жира, и кричит: я толстая. Толстая. Тооолстая. Свинья. Хряк. Пустите меня блевать. Пожалуйста, мне нужно блевать, иначе я никогда не выйду замуж за богатого бизнесмена, который ездит на джипе.

Возможное решение: Инновации, благодаря которым джип будет усовершенствован настолько, что у него разовьётся минимальная свободная воля и правоспособность, включая разрешение на заключение брака. В этом случае водитель джипа как посредник в данной ситуации может быть устранён как ненужный, чем он, по сути, и является, а амбициозная девушка сможет выйти замуж напрямую за джип.

Понедельник, 27 июня, 11:15. Приходит Илия Бароуза Медяков.

Возможное решение: Его нет. Это Илия Бароуза Медяков.

— Я её убью! — говорит Илия, и белки его глаз краснеют, как две раскалённые огненные сферы. — Я её убью, и от неё не останется ни крошки!

— Опять? — спрашивает его Хелена.

Илия Бароуза Медяков имеет индийское и русское происхождение и сам не понимает, как вообще оказался в амийском городе Малограде, из которого уже годами пытается сбежать на север Канады. Человек, которого он хочет убить, — финансовый директор фирмы «Melver», где Илия работает, и у неё необычное и запоминающееся имя польского или чешского происхождения — её зовут Петра Шучуревка. Шучуревка — одна из тех нарциссических психопатов с красными ногтями, высокими каблуками и наивным взглядом приличной пожилой дамы. Шучуревка, как описывал её Илия, низкая и тонкая, как берёза, с бледной кожей

и чёрными волосами, всегда тихая и сдержанных движений, но настолько коварная, что способна убить человека кофейной ложечкой. Илия Бароуза Медяков приходит в институт каждый месяц как минимум дважды и орёт, что отрежет ей голову. Конечно, Илия и сам знает, что он лишь зря пугает мух и что, окажись он лицом к лицу с Шучуревкой и охотничьим ножом в руке, всё закончится тем, что он будет обмахивать хозяйку веером, пока она тем же ножом поправляет свою лобковую причёску.

— Она садистка. Она воскресший вампир графини Батори в нью-эйдж окружении. Идеальный провинциальный фашист. Идеальный менеджер. Вы даже представить не можете, все вы... она — сам дьявол. Она — опасная тишина девятого круга ада. Эта женская дьяволица... я опять следил за ней до дома. Смотрел на неё через окно, и она была совершенно спокойной, холодной, тихой. А потом вдруг закричала и швырнула зеркало. Мелкие осколки разлетелись по застоявшемуся воздуху той ледяной комнаты. Я знаю, почему она это сделала. Зеркало не хочет с ней разговаривать. Зеркало не сказала ей, что она самая красивая в мире. Она стареет, а не может вынести, что станет бабкой и что у неё не будет рабов. Ей нужно вонзить соломинку в чью-то вену и сосать молодую кровь. Я её не убил — свет был слишком яркий. Но завтра я её убью, точно убью. Она это заслуживает. Лихварка, шлюха и скотина! — кричал Илия Бароуза Медяков.

Илия каждый месяц как минимум трижды убивал Шучуревку. Каждый раз что-то мешало: то кто-нибудь появлялся, то выпадал снег, то он не мог взломать дверь, то его отвлекал лай уличной собаки. Изю дня в день план откладывался. Шучуревка продолжала жить, как и Ильина одержимость. Его жизнь продолжалась всё с тем же смыслом — с частой бессонницей и периодическими визитами в стационар ради бесплатной дозы легальных наркотиков.

Пока он размышлял о том, как незаметно убить бабу, его преследовала мысль, что этого недостаточно.

— Нужен потоп, истребление, ад, — говорил он. — Нужен бог, чтобы в нас эволюционировало то, в чём мы отстали. Нужен Нерон, чтобы сжечь Малоград, этот улей ос, которые пожирают друг друга. Говорят, что мы страдающий народ, что мы уязвимы и безумны, и потому дикие язычники. Говорят, что амийские чернозёмы издавна пропитаны кровью и что никто не знает ни когда, ни почему произошла первая битва. Говорят, что мы такой народ потому, что много воевали. Скорее наоборот: мы воевали потому, что мы такой народ. Что в крови рождается, в крови и умирает. И человек, и цивилизация, и церковь, и Югославия. Я даже не уверен, что другие народы лучше, и всё больше верю, что весь мир — это одно большое безумие и кровь, и что только преступление и зло — универсальные, демократические и вечные категории, которые делают нас всех равными. —

Илия Бароуза Медяков был из тех, кого можно только слушать молча, словно наблюдаешь современную версию Раскольникова и его старухи-процентщицы, понимая, что любое вмешательство в исход его проекций было бы слишком большой ответственностью. Поэтому в институте, после отчёта, который

Хелена поспешно писала лишь для формы, Илии вводили внушительную дозу бромазепама иглой прямо в вену.

Даже если Илия Бароуза Медяков по всем правилам современной медицины считался патологическим случаем, Хелена записала имя «Петра Шучуревка» жирными буквами в свою чёрную тетрадь гибели, не зная, что делать с этим именем, но твёрдо решив его зафиксировать — так, как новаторские люди фиксируют серьёзные проблемы, требующие быстрого и радикального решения, чтобы позже понять, что речь идёт о вековой проблеме и решения нет, то есть что необходимость решения и масштаб проблемы обратно пропорциональны возможности её решения.

— Я Господь, и нет иного; кроме Меня нет Бога; Я препоясал тебя, хотя ты Меня не знаешь. Чтобы узнали от востока солнца и от запада, что нет иного кроме Меня; Я Господь и нет другого, создающий свет и творящий тьму, утверждающий мир и производящий зло... — снова шептал телевизор в институте «Доктор Тарр и профессор Фетер».

Проблема с телевизорами в местах коллективного бытия была похожа на проблему с людьми в коллективных сообществах — их нельзя выключить. Усиленный звук телевизора разбудил Илию Бароузу Медякова. Сонными глазами он посмотрел на экран и нахмурился.

— Лучше бы я умер, чем смотреть на эту Дазмону. Что дальше, Владимир Горда? —

Это были последние слова Илии Бароузы Медякова, когда изображение ухоженной канцлерши сменилось безумным лицом премьер-министра Республики Амии Владимира Горды.

Илия Бароуза Медяков во вторник, 28 июня, покончил с собой, выстрелив себе в рот.

В среду, 29 июня, рано утром, у Шучуревки случился сердечный приступ со смертельным исходом.

Хелена открыла свою чёрную тетрадь гибели и вычеркнула её имя.

В день смерти Шучуревки директор отдела кадров любезно пригласил Хелену в свой кабинет, который уже в семь утра пах виньяком и табаком. Несколько минут неловкой тишины заставляли её нервничать. Он пытался набрать несколько букв на ноутбуке, по клавиатуре которого были разлиты уксус и абрикосовый джем.

— Да к чёрту и фирму, и государство! — нервно ругался он, закуривая сигарету и, в привычной амийской манере, используя театральную нервозность как повод не делать работу.

— Смотри, Вайс, дело обстоит так, — объяснял ей директор отдела кадров, — я должен тебя уволить.

— Из-за Илии Медякова? — спросила Хелена.

— Из-за кого?

— Илии Бароузы, того, который покончил с собой?

— Ты про ответственность? Да нет. Люди совершают самоубийства каждый день. Не в этом дело. Мне нужно принять на работу племянницу председателя парламента. Но посмотри на это с более светлой стороны, Вайс, по крайней мере какое-то время сможешь жить без будильника. Эти будильники — ужасы цивилизации. Их делают по образцу комбинации сирены воздушной тревоги и бормашины для лоботомии. И вообще, что тебе делать честно? Кто сегодня вообще работает честно? Есть и лучшие способы выжить.

— Какие это способы?

— Политика, например. Все люди, которых я устроил на хорошие должности за последние три года, пришли по рекомендации какого-нибудь уважаемого малоградского функционера. Только в бухгалтерии у меня работают три тётки бывшего мэра.

— Всё это прекрасно, но я ничья тётка.

— Тогда стань им другом, — понизил он голос, будто сообщал ей древнюю тайну.

— И как же?

— Сначала нужно знать, какие люди с тобой работают, Вайс. Как и в любом деле, Большой Босс никогда не продвигает лучшего работника. Он всегда продвигает того, кто больше всего похож на него самого. Или хорошего актёра. Ты умеешь играть, Вайс? Ничего, я тебе помогу. Смотри, честные и умные люди в Амии точно не у власти, потому что честный человек не может пить Earl Grey с оккупантом, а это входит в должностные обязанности. Виньяк, может, и можно, но Earl Grey... спорно. Честные люди, которые не умны, больше не существуют — они были в первых боевых рядах в прошлой войне и все погибли. Умные люди, которые не честны, сбежали в Канаду ещё до войны. Значит, остаются только дураки без чести. Вот они сегодня и у власти. —

— Хорошо, а я должна притворяться дураком без чести или стать дураком без чести? — спросила она его с недоверием.

— Это не так сложно, как кажется. Это как проституция. Проститутка продаёт любовь, а скажи мне, Вайс, когда проститутка кого-нибудь любила? То же самое и с политикой. —

— Я не совсем понимаю этот концепт.

— Первое, что нужно понять, — то, что мы не смогли победить Гитлера, не имеет никакого отношения ни к чему. Даже если бы произошло нечто, что для нас сейчас немыслимо, скажем, если бы Советы вошли в Берлин, а Адольф вместе с Гиммлером и Геббельсом покончил с собой, и Третий рейх навсегда исчез под красным сапогом армии союзников, весьма вероятно, что по сути мало что изменилось бы. Вместо Дазмоны Маридадь нас оккупировала бы американская либеральная рабовладелица по имени, скажем, Маделина Олрайт. Возможно, и она, как и канцлерша, притащила бы на наш рынок все те забытые брелоки с Микки Маусом, у которых на животе есть кнопка, и когда на неё нажимаешь, у Микки загораются зелёные глаза, и он начинает петь «Хава Нагила». Разумеется, до нас эти брелоки дошли бы после того, как на Западе ими уже пресытились, затем их сначала выбросили бы на распродажу, потом в склад лет на шесть-семь, затем в Россию, Украину и Афганистан, после чего вернули бы в Китай и оттуда снова, через Ватикан, доставили бы на наш рынок. Наш народ, такой, каким он себя уже доказал, ринулся бы покупать отброшенные брелоки детской мечты, которая уже не интересна ни одному рынку, и при этом восхищался бы так, будто видит нечто совершенно новое и сенсационное. Но ладно, нас и осуждать не стоит — это фашистские времена...

— Это постфашистские времена, — поправила его она.

— Фашистские, постфашистские — одно и то же, называй как хочешь. Я хочу объяснить тебе то семя, из которого фашизм каждый раз снова вырастает. Основной элемент существования современной экономики, который и является её фундаментом, — это экономика потребления. Потребление и прибыль — по сути одна и та же переменная, назовём её переменной S (S как *spending*, или S как счастье, например). Переменная S — единственное, что в современной экономике нужно максимизировать до немыслимых пределов бесконечности. Всё остальное, говорят специалисты, должно быть минимизировано — сократить издержки, ресурсы, рабочую силу, налоги, администрацию, пространство, время, пространство-время. Всё остальное действительно сокращается, а если предположить, что целью любого сокращения является ноль, то есть несуществование, можно предположить, что всё, кроме переменной S , то есть потребления, может и не существовать.

В этом и кроется главная причина краха амийской экономики. В Америке, когда люди пресыщаются обычными книгами и переходят на электронные, падает потребление закладок для страниц. Фабрика закладок на грани банкротства, рабочие получают увольнения, впадают в отчаяние, менеджмент в кризисе, мораль рушится, стратегия гниёт, а миссия и видение становятся абстракциями, находящими своё место лишь в стереотипных кабацких анекдотах. Однако американская экономическая политика такова, что при первых признаках этого сценария фабрика закладок превращается в фабрику чехлов для iPod, Kindle или планшета. Переменная S таким образом остаётся на том же уровне, скажем, 700 миллионов единиц потребления в день, независимо от того, что эта цифра уменьшилась на пять тысяч закладок и увеличилась на пять тысяч чехлов для iPod.

В случае Амии сценарий разворачивается иначе. Люди перестают читать обычные книги и выбирают электронные. Фабрика закладок разоряется, люди

получают увольнения, конкурсный управляющий пьян, государственный аудитор находится в психиатрической клинике, стратегия заключается в отсутствии стратегии, плана никогда и не было, а менеджмент сидит в кабаке. Потребители в переходном вакууме, когда у них нет ни электронного, ни обычного книжного рынка, понимают, что прекрасно могут жить и без них. Оба рынка рушатся, банкротятся фабрики чехлов, сумок для iPod, сумок для ноутбуков, закладок, полок для домашней библиотеки, очков и диоптрических линз. Тот же процесс повторяется с каждым существующим продуктом, а переменная S падает вниз по лестнице краха.

К тому же существует проблема технологии и роботизации. Самая большая проблема современных роботов в том, что они не могут стоять на месте, и если ты не можешь инвестировать в их движение вперёд, они неизбежно начинают скользить назад. То же самое и с людьми. Сидя вот так, не делая абсолютно ничего, они вместе с диваном, в котором устроились, возвращаются назад не только в измерении пространства, но и в измерении пространства-времени (которое неотделимо от измерения пространства), и вместе с диваном и ведром чипсов незаметно и медленно возвращаются в пещеру. И вот тут на сцену выходит политика. Политика служит для того, чтобы замедлить это движение назад, потому что хорошо известно, что время идёт медленнее, когда кто-то повторяет одни и те же скучные вещи в условиях одного и того же скучного пространства-времени. —

— Но вы уже преувеличиваете... а если и не преувеличиваете, это та политика, которую вы мне рекомендуете? —

— Хорошо, Вайс, у тебя есть идея получше? — спросил он заметно раздражённо, затем поспешно вышел, унося какие-то пустые бумаги, изо всех сил стараясь выглядеть занятым и оставив Хелену без ответа.

Не имея ни малейшего представления, что делать, Хелена Вайс записывается на всевозможные семинары и тренинги по управлению рисками в современном бизнес-среде и внедрению европейских ценностей в современный бизнес. Она замечает, что нигде не упоминаются главные источники капитала: офшоры, организованная преступность и белые конверты. Не имея ни малейшего представления ни о чём, Хелена Вайс подаёт заявки на все возможные вакансии, которые может найти в объявлениях.

— Значит, ты работу хочешь, Анамария? — спрашивает её Боб Бабет на собеседовании. Боб Бабет — владелец небольшой сети магазинов, которые продают всё, и потому каждое утро в них стоит отвратительный запах выпечки, смешанный с моющим средством «горный ветер и свежесть».

Боб Бабет носил фиолетовый спортивный костюм, из манжеты которого выглядывала золотая острошская чётка. Чётку он купил в девяносто втором году, когда два симпатичных лысых парня научили его, что бизнес делается исключительно с одной пятой оборотного капитала. Эти симпатичные парни объяснили Бобу Бабету основные правила ведения бизнеса, привычно «перевоспитав» его, когда он спросил, что происходит с остальными четырьмя пятыми оборотного капитала.

— В наше время работу не так легко получить, Анамария, — говорил Боб Бабет.

— Я не Анамария, а Хелена, — поправляла его Хелена Вайс, а Боб Бабет не любит, когда его поправляют.

— Да какая разница. Не нужны мне эти умники — доктора, терапевты, астронавты. Приходят ко мне со своими англистиками, географиями, чёрт знает чем. Какая ещё англистика, мать её. Это Амия, нам здесь нужны настоящие работники. Ну-ка, посмотрим, как быстро ты печатаешь?

Она печатала медленно, а Боб Бабет качал головой и хмурил брови.

— Вы, молодые, хотите бумажки перекладывать, чтобы вам за это платили. Приносят мне какие-то mD, PhD, а не отличают стиральный порошок от стиральных гранул. Вот этому вас должны учить в ваших школах! Практическим знаниям! Чтобы с закрытыми глазами на ощупь отличать пачку золотого «Мальборо» от красного. И по цвету раскладывать чипсы на полках. Зелёные веганские — наверх, под ними острые, потом с паприкой, с луком и в конце — classic. Толстые ломтики — слева, тонкие — справа. Вот что единственно важно в жизни. Вот что сегодня делает жизнь! Я председатель совета директоров, мой рабочий час стоит четыреста евро, и я всё равно знаю, где какие чипсы лежат! —

Так говорил Боб Бабет, успешный малоградский предприниматель.

На следующем конкурсе на должность accountant CPRP management assistant организатора Хелену интервьюировал руководитель финансового сектора компании по производству консервантов для джемов и соков из органически выращенных фруктов, господин ДеВита.

— Ты должна понять, — говорил ДеВита, — что в реальной работе используется только одна пятая оборотного капитала.

— А остальной оборот? — спросила Хелена.

— Вторая пятая оборота капитала перечисляется в инвестиционный фонд для нужд загробной жизни. Каждая нация, уважающая себя, должна думать о будущем, а будущее состоит в ответственном индивиде, готовом отказаться от всего, чтобы копить на период после смерти, когда он уже не сможет зарабатывать и производить. Инвестиционный фонд, конечно, пуст, но это временно, потому что капитал превращается в несуществующую материю при переходе из одной формы в другую. Пока капитал находится в состоянии несуществующей материи, его стоимость уменьшается из-за инфляции, поэтому третья пятая служит покрытием этих потерь. О четвёртой пятой не говорят. Пятая пятая не существует. Ходят слухи, что где-то скрыты и шестая, и седьмая пятая капитала, но это всё непроверено, и я бы сейчас не стал заниматься такими поверхностными догадками, — объяснил ей господин ДеВита.

Учёт оборотного капитала оказался гораздо сложнее, чем Хелена ожидала. На банальном примере проводки пяти евро, как объяснил господин ДеВита, после вычета четырёх пятых капитала, перечисляемых в генеральный инвестиционный фонд, фирме остаётся один евро. Затем этот один евро снова делится на пять равных частей, из которых четыре пятых перечисляются в государственный инвестиционный фонд. Оставшиеся двадцать центов снова делятся на пять частей, а четыре пятых перечисляются в межгородской инвестиционный фонд. Остаётся четыре цента, которые снова делятся, и после перечисления в местный инвестиционный фонд окончательный расчёт составляет 0,8 цента. После оплаты текущих расходов остаётся 0,1 цента, который выплачивается работнику как компенсация реальной стоимости.

— И потом ты подписываешься! — закончил ДеВита своё объяснение.

— Подписываюсь? Типа как ответственное лицо? — спросила Хелена.

— Ответственное лицо, а как же. Кто-то должен быть ответственным лицом, — нахмурился ДеВита.

— Но как я могу быть ответственным лицом, если я понятия не имею, в каком межпространстве находятся деньги, которые я принимаю?

— Здесь таких вопросов не задают, — объяснил ей ДеВита. — Впрочем, будешь или нет? У меня нет целого дня, чтобы объясняться с одним кандидатом.

После неудачной попытки вести учёт Вайс решила пройти испытательный срок в маркете Боба Бабета. Боб утверждал, что в бизнесе очень важно иметь цели. Разумеется, эти цели не должны простираться дальше ближайших выходов. «Любой долгосрочный план, — повторял Боб как мантру, — заранее обречён на провал на таком нестабильном и флуктуирующем рынке». В современном бизнесе «нестабильный и флуктуирующий рынок» — это просто приукрашенное название хаоса, который уже никто не способен контролировать. Конечно, успешный амийский предприниматель вроде Боба Бабета никогда не умел правильно произносить слово «флуктуирующий», но никто не смел его поправить. Исправлять Боба Бабета и исправлять бабетизацию вообще было смешно и бессмысленно: в конце концов, Боб Бабет — единственный, кто действительно стал тем, кем хотел стать, когда вырастет.

«Когда я вырасту, хочу стать писателем», — ностальгически записывала Хелена в свою чёрную тетрадь. — «Это было первое, что пришло мне в голову, когда учительница спросила, кем мы хотим стать в жизни. Я хочу быть создателем истории о чёрном коне, который мчится к горизонту, один и свободный. Все смеялись. Так я отказалась от идеи писать автобиографические басни и на следующий год, на тот же вопрос, ответила, что хочу стать водителем подводной лодки. Хочу сидеть в камере под землёй, ничего не делать три месяца и получать за это деньги. Люди, которые работают под давлением, на больших высотах, в космосе или под водой, получают специальные три таблетки, которые в течение дня заменяют им еду: розовая таблетка — завтрак, жёлтая — обед и синяя — ужин. Мой одноклассник Иван говорит, что его мама тоже пьёт таблетки, заменяющие еду, а она не пилот. Иван говорит, что его отец

тоже ничего не делает три месяца, и он тоже не пилот. Впрочем, учительница говорит, что все подводные лодки, как и ракеты и военные самолёты, имеют автопилот. На следующий год я снова передумываю. Когда вырасту, хочу стать богатой. Что ещё нужно в жизни? Учительница говорит, что только успешные люди богаты. Учительница врёт и ей не стыдно. Успешные люди, говорит она, с малых лет знают, чем хотят заниматься в жизни, и не меняют решение каждый год. Я правда стараюсь дать удовлетворительный ответ на её вопрос, говорю ей, но вопрос сложный, потому что прежде всего я вообще не хочу взрослеть. Никто на самом деле не становится космонавтом или президентом, когда вырастает. Мы становимся мусорщиками, кассирами, бухгалтерами, бюрократами и официантами. Мы становимся слугами более успешных, чем мы сами, а потом из-за этого становимся алкоголиками, шизофрениками и ВИЧ-положительными. Единственное, в чём мы становимся профессионалами, — это обман. —

Меня зовут Хелена Вайс, и я очень зла.

Мне восемь лет, и я хочу стать космонавтом и улететь в небо.

Мне семнадцать, и я хочу стать старлеткой.

Мне двадцать два, и я хочу стать дипломированным инженером.

Мне двадцать пять, и я хочу хорошую работу.

Мне двадцать восемь, и я хочу любую работу.

Мне тридцать, и я хочу, чтобы все остальные стали космонавтами и улетели в небо.

Мне сорок два, и меня тошнит от вашего дерьма, которым вы травите меня всю жизнь.

Мне сорок пять, и я хочу, чтобы вы все отъебались.

Я не знаю, сколько мне лет, и я ничего не хочу.

Просыпаешься однажды утром — тебе тридцать, или сорок, может даже сорок пять, ты не уверен — и понимаешь, что проснулся мёртвым. Холодным, распухшим, серым как птица и молчаливым как бог. «Что я сделал со своей жизнью?» — спрашиваешь ты, чувствуя себя виноватым, смешным и лишним. Вместо того чтобы выстрелить себе в голову, как это делает любое осмысленное существо, стремящееся физически достичь своей духовной смерти, ты делаешь то, что убьёт сотни и сотни поколений после тебя. Ты покупаешь. Покупая и покупая и покупая, ты кормишь машину, которая постоянно делает тебя несчастным, чтобы могла продавать тебе счастье, чтобы ты снова покупал, покупал и покупал. Ты кормишь машину, которая делает из тебя лузера, чтобы потом продать тебе книгу мантр под названием «То, что ты не победитель, не делает тебя лузером — сила позитивного мышления». Купи сейчас за 0,99\$. Подписчики Kindle читают бесплатно.

Меня зовут Хелена Вайс, и я очень зла.

Меня зовут Хелена Вайс, и моя жизнь — это туман. Со мной происходит всё и не происходит ничего. У меня нет завязки, действия, синопсиса, плана. Работы приходят и уходят. Люди, как орда чужаков, сменяют друг друга в тумане токсичного зелёного света. Blitzkrieg-отношения, www-секс, Facebook-друзья.

Меня зовут Хелена Вайс, и я знаю, что и в твоей жизни нет цели, от которой кровоточат пальцы, нет басов, от которых дрожит желудок, нет победителя, который напишет историю. Панк мёртв. Есть только утренний будильник, быстрый бутерброд и список для супермаркета. Минута новостей, минута пюре и минута кофе. Ты шизоидный, депрессивный, и это нормально, потому что у тебя и не было больших планов на себя. Ты холодный, апатичный, тебе всё похуй. Тебе хочется спать, и тебя не волнуют первые летние черешни, дисторшн, поднимающий дикую пыль забвения, ни пьяные звёзды в новогоднюю ночь. Ты ненавидишь свою работу торгового представителя, свою высшую школу менеджмента, которую окончил, потому что обучение было недорогим, ненавидишь то, что видишь зеркало в каждом человеке, идущем тебе навстречу на улице, — несостоявшемся и обманутом. Ты ненавидишь то, что всё равно любишь свою страну, хотя всё её население своим подхалимством перед провалившимися вождями, своим примитивным страхом, а больше всего — своей рабской покорностью решило тебя убить. Потерянный и апатичный, ты каждый вечер читаешь новости о событиях на Ближнем Востоке и инфантильных, извращённых интригах империй, недостойных называться этим именем. А потом однажды утром ты просто просыпаешься злым.

— Меня зовут Хелена Вайс, я очень зла и я не одна.

Хелена Вайс снова перечитала всё, что написала в своей чёрной тетради гибели, затем вырвала лист и выбросила его в корзину. «Мы очень злы, и кого это волнует?» — подумала она. По сути, всё, что она могла сказать, и сам способ, которым она это говорила, был всего лишь приукрашенной и трагикомичной манерой признаться, что она лузер и ей стоит выпить крысиный яд.

Боб Бабет её не взял на работу. Он взял блондинку с красивой причёской — чего нельзя было сказать о причёске Хелены Вайс. Пряди её волос были вырваны в нескольких местах (дело рук старухи с антероградной амнезией, стилиста психиатрического стационара «Доктор Тарр и профессор Фетер»), а одна прядь была сожжена до корней как воспоминание о вечере, когда она напилась текилы и поднесла зажигалку к волосам вместо сигареты.

Боб Бабет считал, что не так уж страшно, когда у тебя на голове хаос. Страшно, непростительно страшно, когда тебе наплевать, что у тебя на голове хаос. Так же, утверждал Боб, завтра ты разовьёшь непрофессиональную незаинтересованность к его чипсам, а затем и ко всему остальному, что действительно важно в жизни в городе Малограде на юго-востоке страны Амии.

Поэтому Боб Бабет, успешный малоградский предприниматель, её не взял.

Она устроилась рабочей на производстве упаковки в фирме «Ache daad» на работу, настолько тупую, что машина не умеет её выполнять. Её задачей было складывать пластиковые бутылочки в большую картонную коробку. В одну коробку помещается 25 бутылочек. Коробка закрывается и клеится ровно двадцатью двумя сантиметрами скотча. Триста пятьдесят тысяч картонных коробок спустя ты получаешь зарплату в размере 32 евро в неделю. 0,82 евро в

час. Ты работаешь два дня, чтобы купить текилу. Выпиваешь текилу. Поджигаешь волосы. Материшься.

С Хеленой работали Даниел и Диана. Даниел был двадцативосьмилетним дипломированным архитектором, который по выходным читал популярную психологию. «Я окей, ты окей. Всё окей». Это была жизненная философия Даниела. Оу кей — слово, возникшее на войне как короткий знак, которым генералу сообщали, что военная операция прошла с нулём погибших. Ноль убитых. Но и ноль выживших. Совершенная война против одной страны — это не война огнём, а психологическая война. Совершенная война — это не убить ни одного её жителя, но сделать так, чтобы никто из них не чувствовал себя живым. Даниел этого не знал; для него «оу кей» означало «в порядке». Даниел многого не знал, а популярная психология помогала ему не знать ещё больше.

Диана, рыжеволосая молодая женщина, которая каждый день отрезала ровно 22 сантиметра скотча за 0,82 евро в час, заканчивала обучение по креативному письму, будучи уверенной, что однажды станет успешной поэтессой, хотя этот «однажды» давно прошёл, ей было 38 лет, у неё был ребёнок, о котором нужно заботиться, и биполярное расстройство.

Все работали на дерьмовых работах и все были уверены, что это временно.

Нет. Смерть — временная. Абсолютный ноль — временный. Банановая республика — вечна.

Во время обеденного перерыва Диана вслух читала своё стихотворение. Она спрашивает, настоящая ли это жизнь или просто фантазия. Is this the real life? Is this just fantasy? Спрашивает, можно ли убежать от реальности. Caught in a landslide, no escape from reality. Звучит как Фредди Меркьюри. Промах. Никто больше не слушает Фредди, и Хелена изо всех сил пытается ей это объяснить. Она ведёт Диану к радио и говорит ей:

— Слушай!

— Что слушать? — спрашивает она.

— Текст песни, Диана, текст:

— Тряси задницей, уeah уeah, oh oh, тряси, тряси. Тряси своей задницей, уeah уeah, oh oh. Тряси, тряси. Задницей. Тряси. —

— Слушай, — говорит Хелена, — вот такие тексты продаются.

— Но не все это слушают. Некоторые любят и Фредди Меркьюри, — возражает Диана.

— У тех, кто слушает Фредди, нет денег. Те, кто платит, платят за это. Когда успешный малоградский предприниматель занюхает дорожку, он не спрашивает, реальна ли это жизнь или фантазия. Ему на это плевать. Он хочет жрать. Пить. Хочет, чтобы им восхищались. А чтобы им восхищались, всё вокруг него

должно быть глупее него, чтобы не выделялось. А это нелегко. Поэтому всё вокруг должно быть сиськи-жопа, даже в моменты, когда секс его вовсе не интересует. Или жопа-сиськи — без разницы. —

— Да мне плевать, я гений! — кричит она.

— Я этого не отрицаю. Тот факт, что ты клеишь коробки ровно двадцатью двумя сантиметрами скотча за 0,82 евро в час, лишь увеличивает вероятность того, что ты гений, потому что постнационал-социалистическая бизнес-политика такова, что во всём слепо следует показателям валового роста, выраженным через кривую национальной производительности. На кривой производительности, которая на самом деле даже не кривая, а прямая линия, гений показал себя столь же малопродуктивным, как и умственно отсталый, а может быть, даже ещё менее продуктивным. Поэтому гений сейчас находится на дне социальной лестницы, и нет никаких признаков того, что в ближайшем будущем, если таковое вообще существует, что-то в этом изменится. —

Диана смотрела на неё совершенно потерянно.

И тогда Хелена вспомнила, как может ей помочь: где-то в кармане у неё было старое эссе «Основы современной литературы в условиях кризиса капитала для начинающих» китайского гуру Линг Чи П. Данга. Хелена была уверена, что эссе написал русский и что Р означает «Петрушков», но китайцы заплатили ему пару тысяч долларов, чтобы он подписался как Линг, чтобы русские снова не оказались самыми умными, что и является первоначальной причиной того, что все, кто с ними хоть как-то связан, включая амийцев, с самого начала по-настоящему поимели.

Эссе Линг Чи выглядело примерно так:

«Вся современная литература имеет одну общую характеристику, и речь здесь не о потреблении, а о её стремлении к сингулярности. Поскольку сингулярность в контролируемом сознании молодого человека, жаждущего долларов, не может быть достигнута без освобождения от индоктринации, мы сталкиваемся с ключевой проблемой: в современном обществе освобождение на самом деле является составной частью индоктринации и не может быть достигнуто так, чтобы одновременно не быть утрачено. Это почти как взбираться по канату, второй конец которого прикреплён не к потолку, а снова к полу.

Автор сначала должен преодолеть эту непреодолимую проблему, а поскольку это невозможно — так же невозможно, как доказать клише о том, что кошка одновременно жива и мертва (человек, который и жив, и мёртв, так называемый нежить, — наша повседневность, но с кошкой всё несколько сложнее, и именно простота её жизни, сводящаяся к сранью и писанью, является наибольшим усложнителем всего концепта в данном случае) — у него остаётся только два выхода из этой ситуации. Эти два выхода не исключают друг друга, и их можно использовать параллельно.

Первое — освобождение через полный конформизм, то есть вообще не начинать своё восхождение по канату. Если вы уже начали, а весьма вероятно,

что начали ещё в ранние двадцатые, уничтожьте все рукописи, которые написали к тому моменту. И ни в коем случае не сжигайте их, потому что сжигание имеет прямо противоположный эффект и почти гарантирует, что они увидят свет. Уничтожение лучше осуществлять электронным способом, как и само создание, потому что неосвязаемость е-измерения придаёт всему процессу мистический тон и ощущение, что ничего из этого на самом деле не произошло. Что, если говорить прямо, и не должно было произойти, как и большинство вещей, которые мы наблюдали ежедневно на протяжении всей цивилизации.

Второе — ЛСД. Вся современная литература, и не сомневайтесь в этом, создана под воздействием ЛСД. Единственные исключения из этого правила — дистописты и Владимир Набоков. Все остальные, будьте уверены, клеймят себя кислотой и позволяют ей, вступая в реакцию с ионами калия и натрия в глубинах нейронного отчаяния, выполнять всю работу вместо них.

Основная проблема литературы, созданной под воздействием психоделического опыта, заключается в том, что ей удаётся существовать, несмотря на очевидное отсутствие цели. А главная причина этого в том, что всё вокруг неё — бесцельность. Литература сегодня, как и все сферы жизни миллениалов, — это набор слов, которые мессия среди лузеров адресует другим лузерам. Сами слова здесь не имеют значения; важно космическое излучение надежды, передаваемое в виде ожидания, что остальные лузеры станут такими же, как верховный мессия, то есть лузером с долларами.

Если эта магия и случается, аксиома бесцельности, которая как воображаемый идеал выглядит точно так же, как мы представляем себе сингулярность, настолько глубоко укоренилась в лузерской традиции, что на самом деле ничего не происходит, а уж тем более никакой магии. Единственное, что происходит, — это то, что заработанные доллары снова тратятся на ЛСД, и процесс начинается заново, двигаясь, не сдвигаясь ни на шаг с исходной точки.

Единственное, что действительно происходит во всём этом процессе превращения праха в прах и пепла в пепел, — это трансфер капитала. А это единственное, что и важно.»

Учитывая это, к литературе, как бы благородно и древне ни звучало это слово, сегодня можно применять те же принципы, что и к любым другим отраслям трансфера капитала. Основные правила таковы:

1. Необходимо, чтобы главный герой был лузером. Мессия сегодняшнего дня не особенный — он это мы все. Чтобы он был всеми, он должен быть глупым, занятым и смертным, по крайней мере в начале. Под занятостью здесь подразумевается работа с девяти до пяти или с семи до трёх, желательно ещё и по субботам. Нет более сказочного способа превратить несвободу в свободу, чем жестоким массовым убийством всех рабочих понеделеньников и заведённых будильников — будто стальными яйцами убиваешь судьбу, казавшуюся вечной и непреодолимой.

2. Осуществляйте американскую мечту, всё время отрицая существование американской мечты. Это единственный принцип, полностью совпадающий с

первым принципом государственного управления и международной дипломатии: необходимо зарабатывать большие деньги, всё время отрицая, что эти деньги вообще существуют.

3. Похороните мёртвых. Мёртвым является всё то, что не связано нейронной сетью с капиталом и что, оторванное от центральной системы капитала и кровотока его трансфера, не способно выжить. В литературном смысле мёртвым является всё то, что больше никто не хочет читать — даже на факультетах сравнительного литературоведения. Мёртвым является всё, на что больше никто не обращает внимания. В основном речь идёт о поэзии, но также о жанрах вроде эссеистики, немного кино, честности, чести, брака и любви и других подобных формах выражения, способных найти свой путь лишь в сторону местного крематория.

4. Тема может быть затёртой. В целом тема уже четыре тысячи лет одна и та же и абсолютно не важна, а подлинность достигается за счёт обработки этой одной и той же темы деталями. В действительности и детали всегда одни и те же. Различается только их комбинация. Возьмём, к примеру, инструмент для колки льда, потому что ледорубы имеют совершенно разную коннотацию в зависимости от того, являются ли это чёрные шипы с надписью «Nike» в рюкзаке уральского альпиниста, старый ледоруб-мультиинструмент в руках Рамона Меркадера или тонкая элегантная игла в ухоженных руках Шэрон Стоун.

5. О цвете, стиле и дескрипции вообще не нужно думать — за вас это делает ЛСД. Если вам припишут что-нибудь с приставкой «шизо», тем лучше. У вас будет постоянный источник чистого и природного допамина, так называемого допа. Не придётся тратить деньги на синтетическое дерьмо с улицы, смешанное с разбавленным спидом и стиральным порошком.

Единственное, что отличает литературу от других отраслей трансфера капитала и единственная причина, по которой она всё ещё существует, несмотря на то что является вялым и слабофункциональным экономическим ресурсом, — это её дешёвый доступ к массовому контролю. Если, следовательно, молодой автор-лузер, о котором здесь идёт речь, сумеет привлечь внимание общественности и стать их пророком, он очень легко может превратиться в искру в луже общенародного бензина, если не будет следить за тем, что говорит. Поэтому государство должно позаботиться о том, чтобы он всё-таки следил за тем, что говорит.

Известно, что у каждой службы государственной безопасности есть свои индивидуальные методы, в которые международное сообщество не вмешивается. В Америке существует система «спасения буриданова осла», где автору предоставляется вполне ясный выбор: слева — пистолет, справа — чемодан, набитый долларами. Эта модель возникла по образцу сталинской, только в советской версии слева был ГУЛАГ, а справа — тоже ГУЛАГ. В демократической России эту проблему решают так: автора сажают в «Спутник» и отправляют на Луну на несколько лет — посидеть и подумать, после чего он возвращается либо просветлённым православным буддистом, либо не возвращается вовсе. В Амии же, что и является любимой моделью контроля

антипропагандной пропаганды у автора, на автора просто не обращают внимания. Это называется «метод межпромехностного клеймения», и его используют все: государство, издатели, спонсоры и даже читатели.

Под влиянием эссе Линга Диана входит в депрессивную фазу. Хочет выпрыгнуть из окна. Хочет выпить целый флакон «Ривотрила». Говорит, давление упадёт настолько, что сердце само остановится, и она заснёт. Конечно, быстро переходит из депрессии в эйфорию и забывает заснуть. Через пару недель снова решает умереть. На этот раз по-настоящему. Без шуток. Всё кончено.

Я окей, ты окей.

Глядя на Диану, понимаешь, что все художники биполярны. В один момент им кажется, что они создали магию, способную изменить мир, в следующий — уже думают, что окажут своему произведению услугу, если вытрут им задницу. Иногда они берут лист, вытирают задницу и вставляют это в рамку. А потом прославляются, потому что богатым людям в странах первого мира в данный момент скучно и им нужна сенсация. Эта скука — единственная надежда Дианы, только она никак не может этого понять.

Диана каждую вторую неделю объявляла нервный срыв. Ломается. Больше не выдерживает. Теперь точно конец. Больше нет смысла. Однако до этого нервного срыва так никогда и не дошло. Молчаливый, выносливый Даниел, крепкий как сама Германия, сломался раньше неё. Это было в субботу, 29 февраля, когда Даниел разгромил свою квартиру. Йогурт, горчица и «Фанта» текли по шерстяному ковру. Перья из подушки прилипли к кетчупу вчерашней пиццы. Виньяк разлился на CD с величайшими хитами Guns'n'Roses, а соседи недоумевали, что с ним случилось — он всегда был таким тихим и хорошим парнем.

— Дени, чего ты так сорвался? — спросила его Хелена после того, как он, получив увольнение из «Аche daad», просто беспомощно сидел в комнате и смотрел в одну точку на стене.

— Понимаешь... мне вообще уже на всё насрать. Пусть все сдохнут — ни слезы не уроню. Похуй. Да здравствуют и четники, и усташи, и евреи, и тибетцы — пусть все подохнут, мне всё равно, понимаешь... если и я с ними — мне тоже похуй... Больше ничего делать не буду. Никому больше не хочу быть примером. Сегодня вот смотрю на людей — и они мне противны, только пришёл, глянул — людей до хрена. Лучше бы не видел. —

Так, по образцу Заратустры, говорил Даниел Л. Сунт по прозвищу Дени.

3.

Хелена с ностальгией вспоминала своих пациентов.

Персона А. Женщина, 39 лет. Dg: major depression. Замужем за провинциальным врачом, но тоскует по романтике древних романов, по сладкой вате, прогулкам в зимнем тумане и сбывающимся снам. Чувствует непрерывную пустоту. Провинция её душит, и она бежит в фантазию.

Персона В. Мужчина, 44 года. Dg: параноидная шизофрения. Утверждает, что банкиры просверлили отверстие в затылочной доле президента Амийской республики и сделали ему лоботомию, из-за чего тот не способен связно говорить. Банкиры сделали это, чтобы Президент не мешал назначению Владимира Горда премьер-министром. Владимир Горд — их человек, и, помимо того что за сто евро готов продать и мать, и государство, он позволяет странам высшего порядка использовать Амию как свалку медицинских отходов, неразлагаемого пластика и заключённых из Гуантанамо.

Все журналисты, поддерживающие Горда, уже не живы и заменены устаревшими роботами, которые иногда стереотипно повторяют слова, путают кириллицу и латиницу или просто отключаются. Последнюю речь, которую они произнесли, написали в девяносто первом, и с тех пор крутится одна и та же плёнка с тем же текстом о великом амийском процветании, которое вот-вот у нас под рукой, сопровождаемая одной и той же двадцатипятилетней фотографией данного журналиста.

Вот, например, Дон Мики, директор телеканала «Ред» — уже пятнадцать лет он не стареет, не теряет волосы, а в новостях крутят всегда одну и ту же его фотографию. Это же настолько очевидный бот.

Персона С. Мужчина, 32 года. Dg: шизоидное расстройство личности. Говорит, что татап сегодня умерла. Он не плакал. Пошёл в кино. Ему всё равно. Сам он никогда бы не пришёл в психиатрический институт, потому что считает, что с ним всё совершенно в порядке. Его направил суд для установления вменяемости после совершённого преступления.

Найди лишнего.

Лишний — персона В. Персона В говорит правду.

Взросление — это процесс исчезновения, утраты смысла, а безумие яростно сопротивляется этому процессу.

Безумие — это состояние, противоположное среде, в которой находится человек. Безумие — это хаос в системе, у которой есть порядок и правила. Это ясно. Но что происходит, когда разумный человек оказывается в системе хаоса, хорошо видно на примере государства Амии.

Амийя — бордерлайн-государство с безумными идеями величия. К тому же Амийя — манипулятивный, угодливый слизняк, тонуший в долгах, и разумный человек просто обязан потерять себя — часть за частью, конечность за конечностью,

чувство за чувством, — пока не станет достаточно апатичным, чтобы принять Амию, или достаточно злым, чтобы сжечь её дотла.

Процесс утраты себя очень медленный.
Первое, что ты теряешь, — это стыд.

Сначала тебе не стыдно носить одежду, которую кто-то до тебя выбросил на помойку. Поэтому вместо торговых центров по всему Малограду вырастают блошинные рынки под открытым небом, где рынок нищеты достиг своего ироничного поворота: в таких местах капитализм медленно отмирает, потому что там снова продают вещи, которые уже однажды были проданы. На рынках продаётся мусор, выброшенный людьми, которые «стоят дороже» в странах первого мира: их поношенная одежда и обувь, устаревшие телевизоры, гнилой мебельный хлам, пижамы, в которых кто-то уже однажды умер, фотографии побеждённых лидеров, выброшенные игрушки, книги, которые никто не читает.

На таких рынках процветает серая экономика.

Малоградский рынок — это запущенное пространство, похожее на луг, который когда-то был популярным теннисным кортом югославской империи. Корт всё ещё покрыт мелким красным гравием и шлаком, а в бетоне до сих пор виден отпечаток подошвы президента Югославской империи Й.Б.Тито, который однажды играл теннис в нашем скромном Малограде.

Й.Б.Тито, как народ пересказывал годами, страшно разозлился, когда его итальянские кроссовки прилипли к свежему бетону у теннисного корта, не осознавая, что только что оставил отпечаток вечности.

Малоградцы когда-то очень гордились этим отпечатком. Говорили, что бывший президент умел проигрывать в теннис и никогда не злился. В конце концов, когда он окончательно проиграл и матч, и государство, это оказалось правдой.

Его инициалы стали интернет-аббревиатурой JBT, а отпечаток вечности теперь находился прямо посреди рынка и обычно был прикрыт грудой старых, выцветших футболок ФК «Байер Леверкузен», которые уже месяцами никто не хотел покупать.

Блошинный рынок открывается каждый день на рассвете, где-то между пятью и семью утра, пока солнце ещё не припекает и дует приятный ветер. Цыганка с едва заметными женскими усиками выгружает фургон, набитый второсортной подержанной одеждой, нелегально привезённой из какого-нибудь немецкого или австрийского контейнера. Цыганка вставляет сигарету на место только что вырванного переднего зуба, поджигает её спичкой и кричит:

— Пятьдесят центов за штуку, цена упала, цена упала, пятьдесят центов за штуку!

Какая чудесная рубашка! Ну и что, пятно от лимонада или от спермы — отстирается. Дыра на рукаве — заштопается.

Блошинные рынки — это маленькое сокровище. Однако есть товар, который разумнее обходить стороной. Лучше не покупать технику — скорее всего, она подобрана на местной свалке и не работает. Избегать вибраторов, анальных бусин, использованных шприцев и рыбных паштетов с истёкшим сроком годности — само собой разумеется.

На блошином рынке существует подпольный рынок лекарств и оружия.

Хелена купила на рынке бежевую рубашку с глубоким вырезом за 0,25 цента и надела её в тот день, когда наконец отправилась вступать в партию Владимира Горда — Партию Прогрессивных Сил.

Как именно Хелена решила сделать последний шаг — от утёса бесполезного сопротивления к пропасти продажи своего существа за мелочь, — было неясно. Кажется, была ночь. Деньги, оставленные под подушкой «на чёрный день», таяли. Холодильник был пуст. А Амия всегда была государством партократии и nepотизма. Партия — амийский бог, и всё, что она замыслила, она способна осуществить, а значит, способна, как думала Хелена, устроить её на какое-нибудь приятное место в пирамиде неолитической бюрократии.

Партия Владимира Горда в Малограде всё ещё находилась в оппозиции. В Малограде у власти — Партия Демократических Сил. Но менее чем через шесть месяцев — выборы, и ожидается, что Горд, как чума или проказа, продолжит распространяться и захватит Малоград.

Так Хелена занялась политикой.

Ей надели на голову кепку с надписью: «Владимир Горд — Амия в надёжных руках!» и выдали листовки и зажигалки, чтобы раздавать людям «от двери к двери».

Принцип работы был прост: сначала звонишь в дверь, малоградская наджак-бабка открывает; смотришь ей прямо в глаза уверенным, но вежливым и тёплым взглядом, улыбаешься и суёшь в руки листовку с лицом Горда; если она не спускает на тебя бешеную собаку и не подаёт в суд за нарушение частной жизни, ты её оцениваешь, болтаешь с ней, убеждаешь голосовать за Горда; бабка утверждает, что давно знает — только Владимир Горд может спасти её от ядерной войны, нашествия саранчи и орды взбесившихся тараканов; ты награждаешь бабку товарным подарком, точнее зажигалкой, потому что нет ничего дешевле и при этом пригодного для печати гордого, патриотичного лица Владимира Горда в высоком разрешении.

Бабка счастлива, ты счастлив, начальник малоградского филиала ППС счастлив, все счастливы. Счастье разливается по небу, как праздничный фейерверк.

Нет ни малейшего сомнения — первое, что ты теряешь, это стыд.

Хелена не почувствовала потерю стыда как отрыв куска своего существа или сути, скорее как облегчение в данных обстоятельствах. В мире, который

восхваляет тех, кто пляшет нагими на крови, которой не видит, как салемские ведьмы на кладбище в глухую ночь, стыд — вообще лишняя эмоция, если её вообще можно назвать эмоцией.

Потеря стыда для Хелены была скорее шагом к возвращению к корням, чем каким-то духовным раком, предвещающим грядущие метастазы. И всё же она ощутила горечь, которую изо всех сил подавляла. Это была орвелловская горечь — ненависть к Большому Брату, который требует смотреть на него как на бога и дубинку, хотя никакого бога там нет. Впрочем, есть ли бог или нет — было неважно. Есть дубинка. И дубинка вполне справилась бы со своей задачей и сломала бы даже дух Хелены Вайс, если бы в ней не пробудилась орвелловская горечь.

Эта горечь всегда была для цивилизации изначальным зерном творчества; ею штукатурили будущее те, кто не умел строить стены. Проще говоря, те, кто не умел ничего другого, писали книги.

Но зачем сегодня писать книги?

Хелена всегда считала, что книги — это письма бунтующего человека растерянному одиночке в будущем. Книги — это письма, адресованные другому веку, отправленные человеку среди нелюдей, которому петля одного и того же серого дня уже затягивает шею смертью; письма друга, которого ты не знаешь, и которые преодолевают не только пространство, но и время.

В серости, нависшей над небом смога и тяжёлых металлов, Хелена поняла всё значение, которое настоящая книга может иметь для человека, который один — полностью, навсегда, бесконечно один.

И всё же оставался открытым вопрос:
кому писать письмо в стране, где будущего не существует?

«Подлизываться к среднему читателю, — писала Хелена в своей чёрной тетради, — это высшая форма траты времени в худший исторический момент, который, больше чем любой другой в истории, страдает от нехватки времени. Ничто так не может сбить тебя с пути, как средний читатель, потому что средний читатель — это тот же самый человек, что и средний потребитель или, ещё хуже, средний избиратель.

Средний читатель размахивает поверхностными критиками, нередко морщится от ругательства или высказывает претензии к глагольной форме, в которой написана истина. Он жалуется на слишком мало прилагательных и жалуется на слишком много прилагательных, на простоту — потому что банально, на сложность — потому что непонятно.

Критика — это игра для детей, которые думают, что выросли; способ приписать собственную инфантильность кому-то другому; желание управлять чужим трудом. Зная, что они не способны сделать и десятой доли того, что сделали великие умы, они способны настолько согрешить против творца, что приписывают, как Льву Толстому, женоненавистничество, когда он на самом

деле искренний феминист, или, как Иисусу, постхумную клерофашистскую диктатуру, когда он всего лишь праведник.

Но в один момент все они откроют глаза, увидят, что находятся в сифилитической чёрной дыре города Малограда, под резиновой подошвой сапога Владимира Горда, и последнее, что они увидят, пробудившись таким образом, — будет белый свет атомной бомбы, этого империалистического вибратора, который проникнет в инфицированную дыру безнадёжности, называемую их городом и их государством, точно так же, как консюмеризм проникал в их отравленные умы все эти годы».

Вот какие слова приходилось терпеть тетради с промо-акций производителя кетчупа «Merimark», которую выдавали бесплатно при покупке 500 граммов продукции с истекающим сроком годности.

«Но читатель — наивный ребёнок по сравнению с низостью того, кто готовит ему пищу, — продолжала Хелена своё издевательство над чёрной тетрадью, — писатель, писатель — величайший мошенник и манипулятор. Всё, что он делает, он делает ради денег или славы, и это одновременно глубоко отвратительно и чрезвычайно соблазнительно, так что ты одновременно презираешь его и завидуешь ему. Ужасное проклятие амбивалентности!

В тот момент, когда книга — единственное, что может тебя спасти, этот проклятый, самовлюблённый писатель начинает блуждать по просторам своего финансового благополучия, тонет в философии комфорта, складывает ненужное слово к ненужному слову и не даёт тебе ответа, как вырваться из роковой минуты своего существования, повторяющейся до конца вечности.

Всё, что скажет тебе этот проходимец, — что, кроме Библии, не существует литературы для бедных. И как бы ты ни хотел приблизиться к его великому бытию, ты вспоминаешь, что твоё образование дешёвое и скудное, твоё географическое положение крайне неблагоприятно, а твой опыт ограничен. Это почти как умственно отсталый мальчик — или, в данном случае, девочка — которая пытается подражать великому творцу, не зная ни трудов Шопенгауэра, ни жизненного дела Франца Листа.

И это чувство тошноты, отвращения, когда в каждую мысль просачиваются деньги, — вот тот момент, когда ты просто хочешь уйти в монастырь и освободиться от всего и всех, а особенно от этих претенциозных писателей, которые видели и Париж, и Лондон, и космос, и престижные университеты, лучших женщин и лучшие наркотики и которые почему-то Богу гораздо милее всех остальных, вынужденных работать как волы, запряжённые в плут бесконечной транзycji».

Как только она это записала, Хелена вырвала страницу и бросила её в мусор. Глубоко осознавая бессмысленность своего существования, она задавалась вопросом, почему бы просто не произвести роботов, работающих на топливе или солнечной энергии, и тем самым раз и навсегда не остановить гиперпродукцию людей-волов, потому что сводить человека к подобному существованию не только садистично, но и в высшей степени избыточно.

Вся нация, весь мир — это лишь масса депрессивных зомби, которые кое-как доживают свои дни, осознавая, что они всего лишь глупые воны и умрут безымянными.

И какая тогда вообще разница между искусством и политикой, между стихотворением и политикой, между жизнью и политикой, если претенциозная новая эпоха, словно назойливый клоп, забралась повсюду — даже в межпространство между телами двух любовников, которые больше не хотят прикасаться друг к другу, злясь из-за неоплаченных счетов и накопившихся долгов?

Чем бы мы ни занимались, в самой сердцевине всего — политика. И тогда уже неважно, занимаемся ли мы ею прямо или косвенно.

Эта философия послужила Хелене идеальным оправданием её квазиполитического активизма. Истина была гораздо проще. Хелене нужны были деньги. Нужно было как-то выживать (хотя выживание в наши дни сильно переоценено, но тогда Хелена этого ещё не знала). А поскольку политические партии своим активистам, расклеивающим плакаты, до сих пор всегда находили работу, это казалось ей единственным возможным путём.

Она, как и большинство членов партии, макая кисть в обойный клей и приклеивая к трансформаторной будке лицо Владимира Горда, патетически склонённое над амийским флагом в духе давно истёртого китча, не знала двух вещей.

Первая — что расклейка плакатов будет самым лёгким и самым красивым делом, которое ей придётся делать для партии, как бы унижительно это ни выглядело со стороны. Важно помнить: все остальные задания куда хуже.

У любой партии на самом деле два назначения: изобретать ненужную и бессмысленную работу, чтобы держать членов занятыми, и тем самым гарантировать, что никто не найдёт времени для объединения, способного угрожать власти тех, кто правит.

Вторая — что партию не интересуют ни чьи знания, ни чей интеллект, ни чей вклад. Последнее, что интересуется власть, — это благополучие тех, над кем она властвует.

Партия занимается по сути одной задачей — проверкой послушания.

Послушание членов находится под постоянным тестом: партия всё время передумывает. В один момент она поддерживает какую-то идею или людей, в следующий — яростно атакует тех же самых людей и те же самые идеи.

И дело тут не в самих идеях, а в рекрутировании. В политике продвинуется только те, кто передумывает с той же скоростью и в том же направлении, что и партия, тем самым доказывая, что у них нет собственной позиции — а это

первое условие политического роста — и что они готовы принять партийную идентичность как свою собственную, какой бы нестабильной она ни была.

Никакой идеологии не было. Ни плана. Ни программы. Ни цели.

Единственная идеология современной партии — деньги.

Чем больше денег в распоряжении и чем сильнее они централизованы, тем больше паранойя Великого Вождя и тем чаще партия будет менять курс.

Из мыслей Хелену вырвала молния, вонзившаяся в облако, когда из трещины в небе начала моросить лёгкая дождь. Она решила больше не думать об этом — эти темы всегда завораживающе закручивают по кругу. А если уж и кружиться голове, то лучше от ракии.

В конце концов, когда ты продаёшься партии, которая с блаженной улыбкой Смердякова и пустыми глазами пышногрудой народной певицы смотрит на фальшивый блеск Запада, пытаясь его имитировать и демонстрируя при этом высший дефицит и ума, и таланта, — думать и срать становится одним и тем же.

4.

— Хелена, каким ты представляешь идеального мужчину? — спросил какой-то молодой человек, пожирая Хелену своими зелёными глазами и полупьяной эрекцией в андеграунд-баре «Mauricijus».

— Я ищу мужчину с бункером, полным консервов. Тунец, томатные супы, кукуруза, спаржа. Так у нас будет что есть в течение четырёх месяцев постапокалиптического хаоса после ядерной войны. Ты знаешь, что после ядерной войны четыре месяца подряд будет зима и ночь?

Та-да-а-а! Эрекция исчезла за долю секунды. Зеленоглазый уходит.

— Куда ты пошёл? Я тебе тут говорю вещи принципиального значения для грядущего периода апокалиптических катастроф, а ты не слушаешь! — кричала Хелена ему вслед. Некоторых людей действительно ничему не научишь.

— Хорошо, что с тобой не так? — допрашивала её Тамара, девушка, которую Хелена знала недостаточно хорошо, чтобы назвать подругой, но в чьём обществе она сейчас по случайности оказалась, попивая очень хорошее красное вино с звучным македонским названием. — Почему ты просто не устроишься? — наивно спросила Тамара.

— Ты правда думаешь, что один член решит все наши проблемы? — ответила Хелена вопросом на вопрос. Тамара молчала и отмахивалась рукой.

— Твой смысл жизни — не мой смысл жизни, — сказала Хелена, но тут же прикусила язык, не желая продолжать спор с человеком, который всё равно не поймёт.

«Нет, один член не решит проблемы, — думала Хелена, — но он заставляет о них не думать. Как Прозак. Как Ксанакс. Валиум, Ривотрил, Лексапро. Все эти лекарства дешёвые или выдаются бесплатно через фонд здравоохранения. Фонд здравоохранения умоляет тебя их принимать. Государство умоляет тебя заснуть. Трахайся и спи. Трахайся, даже если не кончаешь. Спи, даже если не видишь снов. Бери кредиты, которые не можешь выплатить. Кредит на погашение кредита на погашение кредита. Каждый следующий долг незаметно больше предыдущего на X процентов процентов. Проценты + проценты + проценты. Выхода нет. Трахайся и беременей. Рожай ребёнка. Долг передаётся следующему поколению. Проценты в кубе, в пятой, в десятой степени. Потеря рабочей силы из-за повышенной смертности легко компенсируется стимулированием рождаемости, и жирный, прожорливый демон процентов продолжает жить».

Когда в мире расчётов и потребительских навязчивостей ты решаешь сбежать под одеяло и оседлать любовь, твой дух всё равно крошится, и ты теряешь ещё одну часть себя.

После стыда второй вещью, которую ты потеряешь, станут иллюзии.

Женщины, как и следовало ожидать, — мастера иллюзий.

На основании древних иллюзий, ещё во времена Древнего Египта и культа Птолемея, родилась великая женская идея. Как о пятых долях оборотного капитала знают только бухгалтеры, так и о великой женской идее знают только женщины.

Эта идея, безусловно, основана на иллюзии — но не в том смысле, как обычно думают. Речь идёт не об иллюзии любви, а об иллюзии власти.

Согласно великой женской идее, которая на самом деле является древнеегипетским замыслом, брак — это бюрократический институт, с началом которого более половины мирового оборотного капитала, а вместе с ним и каналов власти, переходят в руки женщин. Это, по сути, единственная причина, по которой женщины радуются замужеству.

Разумеется, другая половина капитала сохраняется в форме фонда или несуществующей материи исключительно потому, что существует пол, который всегда на шаг впереди женщин. Хорошо, не всегда, но в некоторые века или десятилетия, такие как это, им везёт.

Именно на пороге нового тысячелетия этот второй пол понял три ключевые истины:

- что для любви, технически, женщина им не нужна;
- что для брака, ни технически, ни юридически (в большинстве стран), женщина им не нужна;
- и что их роль спасителей основана на идее чести, выросшей из идеи морали, а всё это по сути воображаемо и устарело, и, осознав это, они больше не обязаны делить ни свои деньги, ни саму их воображаемую доступность — в которой и заключается подлинная власть денег — ни с кем.

Так великая женская идея, после нескольких тысяч лет цивилизационного разгона, наконец терпит крах, и иллюзия медленно гниёт у подножия древа познания.

И тогда возникает ситуация, известная как женский мыслительный бойкот.

Женский мыслительный бойкот — это процесс, при котором женщина, как Махатма Ганди, отказывается от всех видов удовольствий и постоянно голодает, называя это диетой. Более того, женский мыслительный бойкот, как следует из самого названия, по своей сути означает отказ женщины не только развлекаться по-настоящему, есть или играть в мяч, как остальной нормальный мир, но и использовать собственный мыслительный поток для какой-либо цели.

Это своего рода умственная забастовка, в которой ради капитала приносится в жертву любая человеческая идея — или хотя бы её имитация, — и женщина попадает в состояние длительной гибернации, превращаясь в депилированного медведя на вечной диете.

Всё это легче понять на примере отпуска в Пальма-де-Майорке.

Или в Шушане — разницы никакой.

Итак, женщина с мужем и двумя детьми отдыхает в Испании или в Шушане. От отеля до пляжа — минут пятнадцать пешком. Муж нагружен матрасами, надувными кругами, сумками, набитыми кремами с фактором защиты 10, 16 и 24 — в зависимости от времени суток, а также полотенцами, оливковым маслом, бутербродами с тунцом и морковным соком. На улице плюс сорок семь, муж мучается, обливается потом, перекладывает матрас с одного плеча на другое, вешает его на шею, потом снова закидывает на плечо.

Наконец они доходят до пляжа. Он с облегчением бросает матрас и себя в воду и начинает играть и веселиться.

А что делает женщина?

Надевает шляпу.

Плюс сорок семь, она жарится как курица в духовке, но в воду заходит только по пояс или по колено — чтобы не испортить новую причёску, свеженаращённые ресницы или шёлковый платок, которым прикрывает зад, которого стыдится. Ей нет смысла пользоваться водой, потому что она пришла на этот пляж не ради пляжа, а чтобы доказать свою жертву и продемонстрировать женский мыслительный бойкот — всё это из-за невозможности распоряжаться капиталом, который, по праву Исиды, Хатор и Сета, принадлежит ей ещё со времён династии Птолемеев и пятидесятих годов до нашей эры.

Если женщина берёт на пляж и шляпу, и любовный роман — это уже максимизация мыслительного бойкота, что весьма вероятно предвещает серьёзный кризис капитала в ближайшие десять–пятнадцать лет.

Есть ещё одна вещь, способная довольно точно предсказать кризис капитала, охватывающий другой пол, — это отсутствие храбрости.

Например, возьмём ситуацию, когда член президиума Партии Прогрессивных Сил господин Муля назначает свою любовницу на важную городскую должность. Её зовут Лола. Мы не можем сказать о ней ничего плохого: у неё действительно прекрасная шерсть и красивые голубые глаза. Но на должности, требующей стратегического подхода к кризисному финансовому вопросу капитала в состоянии несуществующей материи, Лола совершенно не ориентируется.

Тем не менее всем нравится новая любовница императора.

— Ах, как вы прекрасны, госпожа Лола! — говорит персона 251.

— Беее, — благодарит Лола.

— Какая же вы умная, госпожа Лола, вы наша новая Мария Терезия! — говорит персона 252.

— Беее, — благодарит Лола.

Лолу, хотя она по сути *Ovis aries aries* (как она любит, чтобы её называли), осыпают цветами, комплиментами и вниманием. Её сравнивают с Елизаветой Первой, Меган Фокс и Индирой Ганди.

И вдруг, словно гром среди ясного неба, появляется персона 253. Мужчина с глубоким голосом, явно не кастрированный, как остальные члены партии, наклоняется к господину Муле и говорит:

— Не желая оскорбить прекрасную госпожу, я прихожу к выводу, что качество европейских ценностей на вершине партийного президиума столь высокого уровня, проницательности и ловкости, что полностью соответствует квалификации для коллективного самоубийства. Если, покупая фальшивые ватиканские джинсы, мы когда-то и согласились на приватизацию государственных функций таким шизофренно-каллигулистским способом и были готовы закрыть глаза на то, что лица, которых вы назначаете на должности, считая их своим частным двором, относятся к виду *Ovis aries aries*, то есть являются не чем иным, как овцами, — мы не соглашались называть этих овец именами женщин, обладавших хотя бы минимумом способности попытаться сделать что-то общественно полезное.

Мечь господина Мули по отношению к персоне 253, несомненно, будет беспощадной. Но персоне 253 в данный момент это не важно — потому что Хелена, сначала на капоте машины, а затем ещё раз внутри машины, смертельно в него влюбилась.

Она не знала, как его зовут, но была уверена, что его зовут Милош или Лазар.

Персона 253 сказала ей, что сожалеет, но его зовут ни Милош и ни Лазар. Его зовут Сергей Есенин, и он на самом деле очень нежная душа. То, что он сделал, он сделал не потому, что силён, а потому что немного нервный и иногда действительно не контролирует свои поступки. Голос народа сегодня — это либо невроз, либо спектакль, замаскированный занавесом серьёзности республиканского парламента, международного трибунала или оппозиционной партии.

Следующее, что ты теряешь, — это иллюзии.

Все Милоши, Лазари и принцы, которые спасут нас своим большим, толстым «калашниковым», — это ложь, туман и пепел из урны.

Добро пожаловать в Амию. Оставьте всякую надежду.

Причина, по которой Хелена начала размышлять о великой женской идее и женском мыслительном бойкоте, заключалась не в попытке оправдать своё сомнительное поведение в период начала Бабетизации и Лолизации партии Владимира Горда и государства в целом. И не в том, что она хотела прыгнуть с моста или выпить крысиный яд. Причина была иной.

После вступления в ППС она заметила на своём теле странную вещь. По мере того как она теряла эмоции и ощущала калечение своего духа и разума, под грудью появилась дыра. Точно под правой грудью находилось отверстие диаметром около восьми миллиметров, через которое можно было просунуть палец. Что произошло с её кровотоком, костями и внутренними органами в этом месте, Хелена не знала. Она случайно обнаружила эту дыру. Она не болела, не мешала, но выглядела крайне странно.

К счастью, отверстие находилось прямо под грудью, которая слегка его прикрывала, поэтому спереди его не было видно. Волосы у неё были достаточно длинные, и сзади дыра тоже не бросалась в глаза. Но её ужасало другое: ей казалось, что несколько дней назад отверстие было меньше и со временем увеличилось примерно на полмиллиметра в радиусе. Из-за этого её начала охватывать паника. Если дыра станет больше, ей будет трудно найти любовника, и ей придётся присоединиться к армии разочарованных слепцов в осуществлении женского мыслительного бойкота.

Разумеется, в Амии причины поиска любовника не имеют отношения к достижению дзена. Сначала деньги, дзен потом.

В Амии секс всегда является бизнесом. Даже если женщина не занимается этим профессионально, она воспринимает его как хобби, которое приносит некоторый доход в виде рекреационной прибыли. Примерно как продажа hand made украшений, только речь идёт о куда больших деньгах, по крайней мере так считают амицы.

Значение денег, богоподобная природа денег становится кристально ясной только в тех государствах, где денег нет. Тогда видно, на что люди готовы. Тогда становится понятно, насколько человеческая природа на самом деле противоречит и религиозной, и эволюционной идее, потому что обе эти идеи содержат в себе прогресс, а средний человек живёт скорее в состоянии вакуума, чем прогресса.

Особенно это заметно в Малграде.

Девушки Малграда постоянно ходят на каблуках по двенадцать сантиметров и всегда с накрашенными ногтями. Наращённые ресницы и узкие джинсы «Dolce Banana» подразумеваются сами собой. Секс стоит дёшево, а минет можно получить за напиток или пиццу. Поэтому если хочешь большего, нужно идти дальше.

Его звали Марко Вирт. Он был членом либеральной партии и директором по инвестициям в малградских экологических службах. Женат, тридцать девять лет, сомнительный университетский диплом, владелец нескольких офшорных компаний по обороту капитала. Сдержанный, аккуратный, значительный. И, помимо всего прочего, глуп как ночь. Ещё глупее оттого, что не признаёт собственной глупости.

После того как Хелена поцеловала его, словно ударом молнии, он начал встречаться с ней. Он не понимал, зачем она вообще рядом, и спал с ней только

для того, чтобы разобраться. Через полчаса он по-прежнему не понимал, откуда она взялась и чего хочет. Хелена проявляла терпение. Она давала ему время понять, что можно получить больше, если честно заплатить.

В конце концов, заметно раздражённая, она сказала прямо:

— Марко, помоги мне найти работу. У меня больше нет денег на аренду. Нам нигде будет встречаться.

— Будем встречаться в гостиницах, — ответил он.

В условиях справедливого общественного устройства, если такое вообще существует, люди вроде Марко Вирта продают на улице петарды и презервативы. В Амии Марко Вирт — директор инвестиционного фонда.

Марко продолжал звонить Хелене. Она не брала трубку. Он написал ей сообщение: «Вступи к либералам, и я помогу тебе».

— Ты думаешь, я дура? — у Хелены от ярости шёл дым из ушей. — Так я и сама себе могу помочь, ты мне не нужен. И я ничего подписывать не собираюсь. К тому же я уже состою в партии Владимира Горда, у меня есть кепка. Господин Вирт, вы не можете получить больше, чем готовы заплатить. Мои шансы на успех увеличиваются минимум на двадцать пять процентов, если я на одной лошади еду, а на другую делаю ставку. Я ставлю на Партию Прогрессивных Сил — они выиграют следующие выборы. А вы лошадь для езды, господин Вирт.

— Тогда ничего, — сухо констатировал он. — Я не могу тебе помочь.

Следующий эксперимент Хелены назывался Дени К. Высокий функционер Партии Демократических Сил. Он называл её конкуренцией, но в духе популярной феминистки уважал её партийную принадлежность. Дени не работает с мелкими преступниками, только с теми, кто у власти. Дени не пачкается. Он носит белые перчатки. Вежливо целует дамам руки при встрече. Покупает конфеты и цветы. Покупает и анальные крюки.

Одна часть крюка снабжена резиновой петлёй, которая крепится к волосам, другая — металлическим шаром размером со снежок. Крюк повторяет линию изогнутого позвоночника в позе на четвереньках. Дени К. заплетает девушке волосы в косу, прикрепляет к ней крюк, а второй конец помещает туда, куда и без лишних пояснений понятно.

Дени К. обещает Хелене работу в клинике. Обещает деньги ни за что. Обещает весь город. Затем Дени задерживают, дают ему семьдесят два часа предварительного ареста. Его снимают с должности.

— Здесь всё делается на сегодня, на сейчас. Не думай о завтра, потому что завтра, скорее всего, не будет. На самом деле его уже нет. Мы делимся на тех, кто живёт до революции, и тех, кто живёт ради революции. Найди себе яйца как умеешь. Выбери сторону и выбери быстро, — объясняет Дени.

Дени не знает, что будет ядерная война и что для завтрашнего дня ему понадобятся только клещи, много консервов и русский военный нож. В этот момент Хелена неуместно рассмеялась, вспомнив мультфильм про кота, у которого было много консервов, но ни одного консервного ножа. Этот мультфильм совсем не смешной и совсем не детский. И всё же она смеялась.

В тот день Хелена рассталась с Дени, но крюк оставила. На всякий случай.

После Дени ей всё меньше хотелось выходить в свет, а её любимое короткое красное платье с длинными рукавами и простым облегающим кроем пылилось вместе с нераспечатанной красной помадой того же оттенка. После Дени Хелене казалось, что каждая её попытка культурной проституции была просчётом, который обошёлся ей гораздо дороже, чем принёс пользы.

Поэтому было важно сесть над чёрной тетрадью, ласково названной тетрадью катастрофы, и заняться простым финансовым учётом. Бухгалтерия — полезный инструмент в любом ремесле, почему бы ей не пригодиться и в этом, самом древнем?

«В любом деле важно произвести расчёт, — писала Хелена в своей чёрной тетради. — Всё нужно переводить на язык доходов и расходов. Если расходы превышают доходы три года подряд, если ты в нуле или в минусе, ищи другую работу. Чтобы понять, стоит ли иметь любовника, нужен бухгалтерский счёт, калькулятор и шариковая ручка».

Затем Хелена на всю страницу нарисовала бухгалтерский счёт в виде простой таблицы и начала считать.

Колонка 1. Доходы от любовников: количество оплаченных напитков и ужинов. За эти три года речь уверенно можно вести о сумме от двух до двух с половиной тысяч евро. Подаренные конфеты — две коробки, примерно 5 евро. Цветы — около трёх букетов, 3 евро. Платье за 60 евро, подарок из Брюсселя, made in EU. Эта вещь блестит как новогодняя ёлка, Хелена её ни разу не надела, но честно внесла в расчёт.

Колонка 2. Расходы из-за любовников: косметика, духи, причёска. Годовые расходы на масло для тела — около 200 евро. Примерно столько же стоит почти каждый элемент косметики, плюс нижнее бельё, плюс депиляция, плюс загар. Подсчёты заняли время, но в итоге Хелена вышла на сумму в 2500 евро. Хорошо, в плюсе 68 евро. Одежду с блошиного рынка она не учитывала, но позже вспомнила о расходах на контрацепцию — 150 евро.

Итоговый баланс: минус 82 евро 6 центов.

В стране, где долгосрочная цель почти невозможна, любовник — невыгодное вложение. Самое неприятное заключалось в том, что всё это время ей казалось, будто она куда-то движется, что она выигрывает. А на самом деле выигрывает только Cableen или Silver Flower, или любой другой производитель косметики, эксплуатирующий дешёвую рабочую силу в Камбодже или Лаосе.

Обычные женщины вроде Хелены, абсурдно убеждённые в собственной исключительности, продолжают тратить половину месячного дохода на брендованную тушь, которая делает ресницы в семь раз гуще благодаря анатомической щётке и микрочастицам.

И в этот момент Хелене стало ясно. Глядя на отражение неба в стекле окна и на пылинки, плавающие в белом весеннем свете, она словно получила удар молотком в середину лба. Череп будто раскололся надвое, и из него высыпались цветные, блестящие конфетти.

Вся эта косметика, вся индустрия вымышленной красоты — это одна большая прибыльная ложь и чёрная дыра бессмысленной траты времени. Семь раз гуще ресницы. Кто когда-нибудь замечал чьи-то ресницы в семь раз гуще? Разве человечество изобрело что-то глупее флакона с чёрной грязью и нефтью, которую нужно намазывать на волоски век, чтобы быть красивой, красивее, самой красивой?

Смешной, нарциссический ритуал высшей степени бесполезности. И всё же миллионы таких тушей производятся в Лаосе или Камбодже на эксплуатации незащищённого труда, а женщины упрямо легитимизируют это, покупая те самые флаконы с илом и грязью, делающие их ресницы «в семь раз гуще».

Прошло два года с тех пор, как Хелена приняла бухгалтерски выверенное решение больше не встречаться ни с одним любовником. А они всё равно настойчиво звонили.

«Ну давай, бейби, малышка, мы ничего не будем делать, просто сходим за мороженым, да и не обязательно целое, всего пару лизков», — уговаривал её Марио, председатель какого-то местного профсоюза, название которого Хелена даже не помнила.

— Единственное, что я сейчас хочу лизнуть, — это буфо-жабу, — огрызнулась она и повесила трубку.

После этого Марио прислал ей четырнадцать сообщений душераздирающего содержания, липких и отчаянных, словно он только что вышел из старого романтического фильма, в сценарий которого больше никто не верит.

Марио — это капля в переполненном стакане желчи, выдохшейся колы и несуществующей материи пятой доли оборотного капитала отечественной экономики. Марио — человек, который последние сорок четыре года потратил на разливное пиво и плохую кафешантанную музыку. Последнее полезное, что он сделал, — это прочитал «Белую гриву» Рене Гийо в третьем классе начальной школы, хотя уже не помнит, чем всё закончилось для коня.

После того глупого телефонного разговора Хелена восприняла его как символ собственного скатывания вниз. Марио — это все они. Марио — это Малград. Марио — это Амия.

Это осознание заставило её закрыться в комнате, в тишине, посвятить себя выживанию покоя. Она перестала краситься, покупать грязные туши и липкие яркие помады. Проще говоря, перестала снова и снова быть идиоткой, давая шанс зыбучим пескам современной деградации и всем их проявлениям.

После двух лет одиночества можно было сказать, что Хелена почувствовала себя хотя бы частично перерождённой. Она шла по своей улице, вдыхая свежесть ранней осени и тёплый ветер с запахом ладана и винограда.

— Добрый день, Бог в помощь, — отвечала она бабкам, сидевшим в бетонной нише заброшенного дома и отгонявшим комаров ореховыми листьями.

Две бабки ответили ей лицемерной улыбкой, а потом повернулись друг к другу. Баба Реска нахмурила своё цианидное лицо, вздыбила соломенные, выкрашенные в оранжевый цвет волосы и полущёпотом прошипела:

— Всё ещё не замужем. И парня нет.

Другая бабка, Мрска, посмотрела на Реску исподлобья, будто сообщала мрачную, извращённую тайну, и ответила:

— Я слышала, что она, как это говорится, ну ты понимаешь...

Баба Мрска стыдилась и мялась, перекручивала слова, словно пыталась сообщить неприличную вещь приличным способом.

— Говорят, что она... ну это... как бы сказать... хомосапиенсалка, — наконец выдавила Мрска.

Хелена ушла недалеко, а поскольку бабки были глуховаты и потому говорили почти шёпотом, она услышала весь разговор.

— Ладно, бабки, я не лесбиянка, я просто в минусе. И я отказываюсь платить своим любовникам. Поэтому сейчас иду покупать вибратор, а вы отстаньте со своими тушами и ресницами в семь раз гуще, — крикнула Хелена.

Бабки смотрели на неё так, будто увидели инопланетянина. Кто-то, вероятно из-за всей этой истории с вибратором, ресницами и тушью, вызвал психиатрическое отделение. Машина скорой помощи забрала Хелену и отвезла её в психиатрический стационар, на этот раз в совершенно новой для неё роли — в роли пациентки.

— Вы знаете, почему вы здесь, Вайс? — спросила доктор Мелания в психиатрическом стационаре «Доктор Тарр и профессор Фетер».

— В первую очередь из-за бабок. Во вторую — потому что я демон. Знаете, как в школьном учебнике истории о Первой мировой: непосредственный повод — это не то же самое, что реальная причина. Но если бы не бабки, меня бы здесь не было. Значит, из-за бабок, — объяснила Хелена.

— Понятно... А что именно сделали эти бабки? — зевнула доктор от скуки.

— Они меня обсуждали.

— Ясно... И в чём, собственно, проблема? — пробормотала доктор, поглядывая на часы.

— В неправде.

— Ну хорошо, Вайс, разве неправда так уж страшна? Не первая и не последняя.

— Страшна не сама неправда. Страшно то, что сегодня неправда — это единственное, что существует. Понимаете? Нигде нет никакой правды.

— Ну... и что с того... — продолжала бормотать доктор. — Так функционирует любой провинциальный город. Это, Вайс, проклятие маленьких городов.

— Понятно... Психопатия одного человека называется безумием, а психопатия целого народа — традицией. Единственная проблема в том, что весь мир — это малоградская провинция, а технически сбежать на Луну невозможно. У Амии нет «Спутника», а даже если бы был, он оказался бы сломанным.

— Да-да... — нахмурилась доктор, раскачиваясь между безразличием и непониманием. — Я хотела бы, чтобы вы прошли один очень короткий тест. У меня, к сожалению, не так много времени. Сегодня у меня слава, нужно ещё свечу купить...

— Вы верите в Бога? — спросила Хелена.

— Пф, кто в Амии верит в Бога? — усмехнулась доктор.

— Тогда зачем вы покупаете свечу?

— Так здесь принято. Это... просто так делается, — смутилась она. — В общем, я дам вам список незаконченных предложений, а вы должны их завершить. Поняли?

— Разумеется, — улыбнулась Хелена, стараясь выглядеть сотрудничающей, скрывая свою профессию, чтобы не дисквалифицировать тест.

Сам тест ей был знаком. Она частично знала и какие ответы считаются желательными, какие отправят её в категорию нормальности. Но какой-то червь креативности вполз в неё, как сам дьявол, и, покусывая утолщённый конец ручки, она позволила этому слепому и глухонемому червю вести себя.

Вопросы были отмечены буквой «В», а Хелена записывала ответы в графе «О». Тест казался ей интересным, словно она видит его впервые. Он выглядел примерно так.

В: Первое, о чём я думаю утром...

О: ...что даже возник Осириса, который каждое утро в четыре вёз Солнце к горизонту, не проклинал пробуждение так яростно.

В: В течение дня я обычно думаю о...

О: ...европейской интеграции и геополитической ситуации в условиях кризиса капитала, которые открывают совершенно новый горизонт, возможно окрашивающий солнце в красный цвет. И цветы, и небо изменят окраску, а надолго по-прежнему будет издеваться куриный глаз председателя Партии Прогрессивных Сил и подкалывать меня за то, что я зануда.

В: В жизни я хочу...

О: ...всё послать и просто жить спокойно. А что ещё?

В: Любовь — это...

О: ...если бы у неё был человеческий облик, это был бы Франц Кафка. Если бы она имела неживой облик — это был бы тесный подвал или свиноферма. А если бы была животным, то непременно малярийным комаром.

В: Родина — это...

О: ...наконец-то пошла к чёрту.

В: Восьмой смертный грех — это...

О: ...членство в Партии Прогрессивных Сил.

В: Апокалипсис — это...

О: В основном американский фильм. Но, возможно, самый большой апокалипсис в том, что апокалипсиса нет и мы продолжаем жить по хорошо знакомому сценарию повседневности. Иногда я люблю представлять апокалипсис как новое анархо-племенное сообщество, устроенное мирно и основанное на самодостаточности, только перед этим будет варварство, в котором вновь оживёт даже каннибализм. Впрочем, каннибализм почти как причастие: съешь хорошего человека — и, может быть, часть его духа войдёт в тебя. По крайней мере хлеб его тела отличается от шоколадного хлеба предательства Иуды, который ежедневно вынуждены есть члены партии.

В: Смерть — это...

О: спасение от Малграда.

В: Я — это...

О: ...лузер или шаман. Ничего третьего быть не могу и не умею. Хотя, скорее всего, лузер.

— Это действительно необходимо? — спросила Хелена доктор Меланию, уже кладя ручку на стол. — Я ведь ни на кого физически не нападала, просто немного кричала бессмыслицу...

Доктор проницательно посмотрела на неё поверх очков и кивнула в сторону двери.

— Иди, — сказала она. — И больше не доставай честной народ.

Хелена едва протиснулась сквозь толпу разъярённых людей, которые из-за чего-то протестовали. Судя по степени их ярости, дело, вероятно, не стоило внимания. Народ Амии по поводу действительно важных вещей, как правило, не волнуется и больше похож на раба, который бросается на всех подряд, даже на собственного брата, но не на рабовладельца. В этом и заключается вечная, высшая нелогичность этого народа. Нет ничего труднее, чем направить амическую толпу к цели, которая принесёт пользу им самим. Толпа скорее организуется, чтобы переименовать улицу, сжечь чужие флаги, отменить Бога, маршировать за гомосексуалов или против них, за какую-нибудь территорию, всегда за кого-то или против кого-то, но почти никогда — за общее благо. Оставь её голодной, больной, измученной — она всё равно будет воевать с мнимым врагом вроде иммигранта или гомосексуала, вместо того чтобы бороться с настоящей проблемой. А настоящая проблема в том, что Бог решил стать немецким канцлером.

Может быть, малоградские бабки перестали бы обсуждать Хелену, если бы им кто-нибудь сказал, что Бог — это немецкий канцлер, а немецкий канцлер — лесбиянка, из чего следует, что Бог в данный момент лесбиянка, или, пользуясь более приличным выражением, хомосапиенсалка.

Да нет, подумала Хелена. Проще просто найти парня и удовлетворить текущую эрекцию провинциального фашизма.

Когда женщина назначает свидание лишь для того, чтобы успокоить провинциальных бабок, легко представить, как выглядит это свидание. Всё началось вполне невинно. Вежливый светловолосый молодой человек сидел напротив Хелены в кафе-баре «Маурициус». Он заказал дорогое немецкое пиво, а Хелена сидела, сложив руки на коленях, и потягивала холодный «нес» через соломинку. Свидание было обычно молчаливым и обычно неловким, как и любое свидание среднестатистического малоградского юноши и девушки.

Всё было бы вполне нормально, если бы в тот день Хелена не прочитала одну роковую фразу. Среди чёрных строк она была выделена синим цветом и звучала так: «Самой своей природой каждый воплощённый дух обречён страдать и наслаждаться в одиночестве». Эта фраза подействовала на Хелену так же, как утверждение Эдгара Аллана По о бароне Меценгерштейне: «все наши несчастья происходят от того, что мы не можем быть одни».

После этого, хотя нельзя сказать, что дальнейшие события прямо вызвали то, что произошло позже, Хелена наблюдала парад розовых слонов, и ровно за полчаса до встречи с молодым человеком, который должен был стать её парнем, ветер словно продул ей уши. Почувствовав тяжесть этой ветреной пустыни в голове, она достала недавно купленный LSD с изображением Микки Мауса и положила его на язык. Это было ровно за полчаса до свидания.

Под действием психоделика Хелена, разумеется, не отрезала себе ухо и не основала федерацию. Хотя ей казалось, что её тело разделится на Рим и Византию, на восток и запад, и что два новообразованных христианства начнут спорить о том, какое из них истинное, ничего по-настоящему страшного не

произошло. Вечер был лишь немного неловким: бледный юноша сидел, сжав ноги, скучал, а Хелена весь вечер разговаривала с садовым гномом в саду кафе «Маурициус».

— У жабы буфо на спине есть железы, выделяющие галлюциногенное вещество буфотенин, — объяснял ей гном. — Многие перуанские племена слизывают слизь с её спины в магических ритуалах. Результат — психоделические изменения сознания, зрительные и слуховые галлюцинации, взрыв красок, пёстрый мир транса и катарсиса. Курение свежесжатого «лягушачьего молока» действует в пять раз сильнее, чем LSD. Буфо — это способ добраться до смысла напрямую, срывая звёзды из ближайшей галактики, или косвенно, открывая путь к творчеству, через который дух, запертый между ушами, находит своё маленькое освобождение.

Хелена с воодушевлением объясняла молчаливому юноше, что садовые гномы часто обладают полезной информацией и охотно делятся ею, когда её несостоявшийся будущий парень наконец решил сбежать.

— Нельзя сказать, что я не пыталась, — сказала Хелена гному, кивнув в сторону беглого жениха, и небрежно пожала плечами.

5.

— Я подумывал распродать то, что осталось от государства. Территорию и прочее. Немного арабам, немного бельгийцам. Пару миллионов положить в карман и сбежать на какой-нибудь остров в Атлантическом океане. Думаю об острове, где нет заразных бацилл. Представьте, иду по улице и подхватываю какой-нибудь гепатит или бронхит... было бы ужасно, — говорил Владимир Горд по Национальному телевидению за неделю до выборов. — Надо голосовать за меня, чтобы не случилось... ну это... ужасного. Да-да, вы правильно услышали — ужасного!

Разумеется, вся нация снова делает вид, что ничего не слышала.

Владимир Горд рассказывает об опасности нашествия бешеных винных мушек, которое он якобы сумел предотвратить. После него — чёрный экран смерти секунд на десять, чтобы Амия успела почувствовать, что её ждёт, если он не победит восемнадцатого мая. После короткой клинической смерти телевизора, ровно настолько, чтобы народ испугался, начинается программа «Будьте счастливы, что у вас хотя бы есть телевизор», но перед самым её стартом происходит нечто странное — ещё один чёрный экран.

Это уже подозрительно.

Если бы объявили бомбардировку или новую эпидемию моргеллонов, это был бы понятный пропагандистский приём — слегка напугать население. Но открытая угроза смертью телевизионного эфира — это уже слишком рискованно. История показывает, что восстания поднимают только те народы, у которых нет телевизоров.

Очевидно, дело не в преднамеренной смерти телевизора. Это баг. Программа зависла и полностью вышла из-под контроля.

Чёрный экран переливается в радужную дугу, вылетающую из бутылки «Фанты», которая врезается в гигиеническую прокладку, над ними пролетает герб Амии, и звучит песня: «Любим вас, отечества наши» (хор сзади: «все восемь, пою!»), «Любим вас, кто бы вас ни оседлал» (эхо: «Я ношу вас на хую.»).

Что-то серьёзно пошло не так, но извинений за прерывание эфира по-прежнему нет.

Песня о родине превращается в полный хаос всего, что когда-либо снималось, уложенный в тридцать секунд: груды консервов в ярко-красных пакетах, газированные напитки в экстатических ртах дешёвых восточноевропейских моделей, довольство на лицах уродливых подростков, СлобоДА, сок, из бутылки которого вылетают Соединённые Штаты Америки с факелом демократии, стаей дельфинов и поп-арт волнами, на которых парит Мэрилин Монро, голос поёт «голосуй за справедливость, храбрость и честность», затем другой голос, который уже даже не поёт, некий человек, который всегда смеет смотреть нам в глаза, имя которого никто не помнит, и наконец оргазм

катастрофы — счастливая семья в рекламе стирального порошка, который выводит любые пятна и стойкий жир.

Безупречная белизна. Надёжная белизна.

Двадцать минут полного промывания мозгов и их самых стойких пятен.

Сервер рушится, и вместо передачи «Будьте счастливы, что у вас есть телевизор» на экране появляется Брижит Бонанца, победительница последнего сезона реалити-шоу «Большой Брат». Но Брижит выглядит иначе. Без макияжа, в простой одежде, без силиконовых вкладышей последнего поколения, которые обычно придают её груди нужную форму. Она слишком серьёзна для своей привычной роли. Лицо бледное, на щеках лопнувшие капилляры, глаза влажные, чёрные и злые. Брижит не улыбается. Смотрит прямо в камеру. Кашляет. Сжимает руку в кулак и хриплым голосом начинает говорить:

— Achtung, achtung!

Снова прочищает горло и повторяет, громче и увереннее:

— Achtung, achtung!

Подруги, сёстры, гражданки!

Я не то, чем экран хотел, чтобы я была. Я не фильтр, превращающий моё лицо в ботоксный блёр, и не левый угол камеры, настроенный так, чтобы моя грудь казалась на три размера больше. Я женщина, которая каждое утро с отвращением вставляла два липких силиконовых вкладыша, наполненных химией, в бюстгальтер. Я — ложь. Я — обнажённое звено тёмной индустрии нового времени, хуже прочих лишь потому, что именно сейчас в истории свобода слова разрешена только тогда, когда заранее известно, что нам больше нечего сказать.

Подруги! Потребление — это фашизм нового времени. Мы живём в ментальном гетто. Мы — поколение полного безумия под названием *idealialia nervosa*.

Idealialia nervosa — это невроз поверхностного совершенства. Пустая коробка для подарка, упакованная в блестящую бумагу с красным бантом. Упаковка, в которую упакована упаковка. Накрашенное ничто, надутый ничто, мускулистый ничто, грудное ничто, ничто в костюме и галстук. Главное свойство *idealialia nervosa* — это ничто, которое никуда не движется, но живёт в состоянии постоянной иллюзии всемогущества.

Условием этой иллюзии величия является покупка так называемых апгрейдов — брендированных товаров и услуг, которые должны раскрасить и упаковать внутреннюю пустоту так, чтобы она выглядела яркой и мощной. Недостаток покупательной способности ведёт к психопатической готовности на всё ради обладания этими апгрейдами, а невозможность их получить — к психопатической депрессии, которая временно отступает только во время истерии под названием «чёрная пятница».

Вы скажете: ну и что? Ничего страшного. Пусть каждый день будет чёрной пятницей, и тогда каждое утро понедельника будет поводом для радости. Пусть христианские церкви и социалистические университеты окончательно и торжественно уступят место единственному храму, который действительно важен, — торговому центру.

Разве раньше люди не стремились к недостижимому совершенству? Разве отец Сергей у Толстого не отрубил себе палец, потому что не был совершенен, как его бог? Разве Достоевский не распял вновь сына этого же бога? Разве Кафка не превратился в насекомое? Разве Хаксли не бежал в созвездие лизергиновой кислоты, закрывая за собой дверь?

Так не настало ли наконец время радости? Время, когда идеал совершенства сошёл с облаков на землю и стал доступен каждому, у кого есть стабильный доход и платиновая Visa с отсрочкой платежа? Разве товарищ Ленин, родись он позже, не вышел бы на Красную площадь и не заменил бы свою знаменитую формулу новой: «Покупать, покупать и только покупать»?

Конечно, товарищи. Конечно.

Мы обычные люди. Разве мы могли учиться, работать и быть преданными идеалам так, как требовала от нас красная эпоха? Разве мы могли быть мудрыми как змеи и кроткими как голуби, как того требовала белая эпоха?

Настала золотая эра позднего капитализма, когда обвинения в первоначальном накоплении капитала растворяются в его бесконечном обороте. Сегодня идеал изменился. Идеал достижим.

Счастье сведено к одной картинке в рекламе ипотечного кредита с минимальной процентной ставкой. Счастье — это стройная, загорелая красавица с идеальным цветом кожи, у которой ультратонкая прокладка не просвечивает сквозь безупречно белые брюки, чьи идеально выпрямленные светлые волосы не впитывают запах обеда, пятна от которого она с улыбкой легко выводит правильным порошком, а затем отправляется на работу строить карьеру с той же лёгкостью, полностью освежённая, с густыми и совершенными ресницами.

Всё это вокруг нас — это супер впитывающий, супер прочный, сверхосвежающий, интенсивно обогащённый мир психопатического потребления. Товарищи, мы боролись против всех тоталитарных режимов и костров священной инквизиции, против садистских рабовладельцев и предательских королей, чтобы прийти к окончательной истине. И, как и следовало ожидать, эта окончательная истина произведена в Китае для американской компании, которая перепродаёт её с шестидесятипроцентной наценкой, сделана из остатков розового пластика и переработанных ёлочных украшений в виде верблюда Марии, лёгкая на ощупь, устойчивая к поломке и доступная онлайн с бесплатной доставкой.

А война, которую человечество вскоре развяжет, будет не из-за того, что эта истина своей гротескной формой его разочаровала. Это будет война потому, что у людей не хватает денег покупать, покупать и только покупать.

Поэтому, братья, сёстры, народы и народности, Амия! Бросьте истину, которую вам дали, и требуйте новую. Разве вам ещё не надоело всё это болото?

Бонанца говорила довольно долго, прежде чем её наконец прервали. Хелена внимательно впитала каждое слово, удивлённая поворотом, при котором силиконовые блондинки вдруг идут в атаку за эмансипацию, но она искренне не верила, что слова, доносящиеся из какого-то телевизора, способны на кого-то повлиять. Уже более двадцати лет никто не реагирует на ежедневный политический цирк на этом же экране. Вероятно, проигнорируют и появление одной Бонанцы.

Хелена закурила сигарету, словно ничего не произошло, и вышла на улицу прогуляться. Закрывая калитку, она встретила взглядом с бабкой, которая назвала её «гомосапиенсалцем», и, сверкнув глазами, гордо прошла мимо. Однако бабка Мрска схватила её за рукав и закричала:

— Товарищ Вайс, товарищ Вайс, послушайте, послушайте! Мы должны восстать, я должна вам объяснить... должна всё объяснить... Малоград — это лагерь «Диснейленд». «Arbeit macht Frau, der Reiter ist angekommen!» — чёрными буквами написано над головой весёлого Микки Мауса, который продаёт сахарную вату и билеты на карусель на городском празднике людям без копейки, но упорно делающим вид, что всё в порядке. Потому нас и называют малоградцами.

Может быть, во всём виновата география, дорогая товарищ Вайс. Вы же знаете: Амия находится ровно между востоком и западом. На востоке она граничит с Россией, на западе — с Германией. Амия горячая и чёрная, как восток, и такие же здесь люди. Они будут травиться табаком до рака лёгких из какого-то необъяснимого упрямства, утверждая, что им плевать. И действительно плевать. Здесь живут сегодняшним днём, а жизнь особой ценности не имеет.

Здесь всю зарплату спускают на Микки Мауса и его сахарную вату, чтобы доказать свою значимость людям вокруг, чья собственная значимость, мягко говоря, сомнительна. А завтра мы тонем в дерьме и тайно желаем, чтобы эта жизнь уже закончилась, маскируя это желание тихим саморазрушением — алкоголем и упрямством.

Ни один народ не столь неуспешен, как амийцы, и при этом так отчаянно старается выглядеть успешным. Только амиец способен потратить половину зарплаты на кроссовки Nike исключительно ради чужого восхищения. Мы куры, глупые куры, которые не отличают собственный помёт от корма.

У нас прижилась только часть запада, а корень остался глубоко восточным. Потому мы в постоянном конфликте. Чёрный восток не принимает пересаженный западный орган. Хотя, возможно, мы и правы. Запад не дал нам жизненно важный орган вроде почки. Нам дали кое-что другое. Нам дали хуй.

Нам дали Микки Мауса после двенадцати часов работы на жаре и сахарную вату после многочасового ожидания в поликлинике ради экономии девяноста девяти центов на упаковке лекарств.

Хелена расхохоталась. Смех был спонтанным, потому что бабка, говорящая как Бонанца, напоминала сцену из комедии Монти Пайтона. Но особенно её заинтересовало то, что она наконец нашла живой пример человека, на которого так сильно действует то, что разные клоуны говорят по телевизору.

Впрочем, вся эта игра с Бонанцей длилась недолго. Уже на следующий день в Малограде снова произошёл сбой программы, очередной «баг». На экране вновь появилась Бонанца, но теперь в ином виде. Глаза запавшие и влажные, лицо покрыто густым макияжем. За её спиной — фиолетовая свастика на светло-зелёном фоне, логотип, выполненный в модном панк-стиле, чтобы идти в ногу со временем. У виска госпожи Бонанцы была видна чёрная труба, прижатая к её голове, когда она начала говорить:

— Achtung, achtung!

Братья и сёстры, товарищи и товарищи, гражданки и граждане!

Дважды два равно пяти, и я говорю это не просто так, не потому что мне угрожают «собой 101», а потому что дважды два действительно равно пяти, и вот доказательство.

$$0 = 0$$

$$0 \times 4 = 0 \times 5$$

Сокращаем ноль.

$$4 = 5$$

$$2 + 2 = 5$$

Я, как вы понимаете, очень ошиблась, когда наговорила вам всё то. Признаю, я была под наркотиками: принимала мескалин и джин-тоник. Плохое сочетание.

Бонанца напрягала глаза, шурилась, будто читала с телесуфлёра, а затем, после короткой паузы, продолжила:

— Наш лидер Горд и его последователи приведут нас к лучшему будущему, где вечно растёт валовой внутренний продукт и цветёт жёлтый цветок на синем лугу. Он, вместе с нашей благодетельницей Даэмоной Маридал, поведёт нас путём прогресса, справедливости и лучшей жизни, где мы все совместно, вплоть до освобождения, будем трудиться над созданием нашего будущего!

И не забывайте, новейшие модели брелоков с изображением Микки Мауса можно приобрести в ближайших супермаркетах «Ждерум» и во всех киосках «Гутенберг»!

Бонанца сжала живот Микки Мауса, и его глаза вспыхнули. Из пластикового брелока донеслось:

«Nava nagilaaa, Nava nagilaaa, Nava nagilaaa ve-nismehaaaaa...»

Хелена открыла свою чёрную тетрадь погибели и вписала ещё одно имя: Микки Маус.

В тот же день она отправилась в «Маврикий», чтобы найти садового гнома и трясти его, пока он не скажет, где Микки Маус. Микки Маус должен умереть.

— И ты его ищешь? — спросил её темнокожий мужчина в топлесе.

— Где он? Где он! — истерично закричала Хелена. ЛСД всё ещё держал её. Она задумалась, сколько бы длился эффект, если бы она курила жабу.

Темнокожий мужчина сказал, что его зовут Адам, и заметил, что эсид бывает довольно коварным. Вчера вечером с гномом разговаривали по меньшей мере двадцать человек, а с утра уже около десяти вернулись, чтобы убить Микки Мауса.

Потом он плавно сменил тему и заявил, что сегодня долг каждого разумного жителя этой страны — быть вооружённым до зубов. А долг каждого серьёзного жителя — заставить других замолчать хотя бы на десять секунд. Молчание означает, что человек задумался, а это важно.

Он добавил, что он гомосексуал, но всё же ищет женщину по имени Ева ради восстановления человеческого рода после третьей мировой войны. Разумеется, исключительно через искусственное оплодотворение, без всяких прикосновений.

Замолчав, он пристально посмотрел на Хелену и спросил, всё ли с ней в порядке.

— Пойми меня, — сказала она. — Я член ППС.

— Ухх... — вздохнул он. — Настолько всё плохо?

— Чёрт, дело в выживании. У меня до сих пор нет работы, а я уже схожу с ума. Не знаю, сколько ещё смогу скрывать...

— Понятно. Кризис капитала требует радикальных мер, но говорить об этом так скучно... Лучше скажи, в чём дело с этой паранойей по поводу Микки Мауса?

— В чём дело? Ты спрашиваешь, в чём дело?! Он нас предал! Мы провели детство, веря в его хрустальный замок и добрые намерения. Мы поверили ему, а потом увидели Запад таким, какой он есть на самом деле. Но тогда было уже слишком поздно...

— Но Микки не виноват. Он всего лишь отход шоу-бизнеса. Когда масонерия тебя использует до конца, остаётся только подсесть на наркотики или заняться самоуничтожением. Микки сейчас, вероятно, лечится от игровой и алкогольной зависимости, и его штаны в худшем состоянии, чем твои, — спокойно объяснил он.

— Ладно, Адам, пусть будет так, — подумала Хелена, проводя ручкой по его имени и оставляя за собой черту.

~~Микки Маус.~~

Проводя линию по бумаге, перечёркивая пустоту, Хелена вдруг заметила на своём запястье ещё одну дыру и поняла, что постепенно исчезает.

6.

Народ, который, согласно легенде, когда-то говорил «лучше могила, чем рабство», решил остаться живым и подписать пакт, несмотря ни на что. Так этот народ на выборах восемнадцатого мая проголосовал за Владимира Горда. Владимир Горд — дань в руках надёжного посредника. Владимир Горд — чтобы ваши деньги благополучно добрались до немецкого канцлера, так же как когда-то ваши дочери благополучно добивались до османских гаремов.

Третье, что ты теряешь, — это здравый смысл.

Хелена всерьёз обдумывала идею сжечь амийский народ, или хотя бы его часть. Она говорила, что хочет подарить им то, чего они боятся больше всего — смерть, самую настоящую, — только чтобы они поняли, что роль раба, которую они выбрали, гораздо хуже маленькой пули, которая нежно и безболезненно танцует сквозь их виски.

Пока она фантазировала о контрабанде дешёвого бензина из Румынии, которым можно было бы заполнить подвал и держать его наготове для поджога малоградских учреждений, ей позвонил господин Грин Коридин, король Малограда. В знак благодарности за её политический вклад он даст ей — точнее, подарит — совершенно незаслуженную работу в одной из маленьких муниципальных фирм, где целыми днями перекладывают бумаги из одной стопки в другую. Взамен нужно лишь стать секретарём-протоколистом в парламенте.

Грин Коридин — председатель малоградского отделения Партии Прогрессивных Сил Владимира Горда. Грин Коридин — неофициальный владелец Малограда, бог крупного бизнеса, император и бог, человек, который решает всё и от которого всё зависит. Грин Коридин всегда состоит в той партии, которая находится у власти. Обычно в течение двенадцати часов он превращается из либерала в антилиберала. За сорок восемь часов он может перейти из Партии Демократических Сил в Партию Прогрессивных Сил.

То, что делает Грина Коридина непобедимым, — это то, что он не ожидает, чтобы идеология подстраивалась под него; наоборот, он сам подстраивается под идеологию. Это нечто вроде старой притчи о Магомете и горе.

Грин Коридин всегда вежлив и тих. У него есть три помощника, три верных мушкетёра — Портос, Арамис и Атос. Они выполняют для него грязную работу, а он делает вид, что ничего об этом не знает. Половина Малограда хочет убить Портоса, Атоса и Арамиса. Другая половина подседа на ксанакс и испытывает трудности даже с тем, чтобы найти свой пенис в трусах, когда идёт в туалет, так что убить кого-нибудь они не в состоянии.

Однажды Хелена стала свидетелем интересной сцены, в которой блеснуло всё мастерство Грина Коридина. Председатель Комитета по чрезвычайным ситуациям воспользовался своим демократическим правом и указал Грину Коридину на некоторые нарушения в работе администрации.

— Господин Коридин, с тех пор как вы назначили нас членами Комитета по чрезвычайным ситуациям, Портос не выплатил нам ни цента. Нам положена компенсация — по закону и по справедливости! — жаловался председатель комитета, ссылаясь на такие абстрактные вещи, как закон и справедливость.

— О, правда? Но я об этом ничего не знал... Портос, что там у вас происходит?
— сказал Грин Коридин, нахмутив брови.

— Возникла некоторая задержка в бюрократических процедурах. Выплата будет произведена через два, максимум через три месяца, — ответил Портос.

— Хорошо, разберитесь с этим. Я не позволю, чтобы люди ждали, — сказал Грин Коридин, надевая на лицо маску сочувствия и озабоченности.

Председатель Комитета по чрезвычайным ситуациям пожимает руку королю города. Король города улыбается, провожает господина председателя до двери, закрывает её и ждёт. Через два месяца он снимает старого председателя и назначает нового. Деньги так никогда и не выплачиваются. Их съела инфляция и оборот капитала, и в этот момент уже никто не может с уверенностью сказать даже в каком агрегатном состоянии находится этот капитал, не говоря уже о том, где именно он сейчас.

Когда Грин Коридин встречает бывшего председателя на улице, он надевает на лицо маску «я не знаю этого человека».

Грин Коридин — мастер манипуляции и ближайший соратник Владимира Горда. Владимир Горд — мастер манипуляции и ближайший соратник Маммоны.

«Главная характеристика государственного устройства в бордерлайн-республиках — власть профессионального психопата, играющего роль спасителя нации», — записала Хелена в своей чёрной тетради. — «Разумеется, профессиональный психопат не рождается — его формируют. Процесс создания психопата напоминает приготовление Scheisse-кнедлей.

Вы спросите: как готовят Scheisse-кнедли? Рецепт крайне прост: берёте килограмм конского дерьма, заливаете его сырым яичным белком, который служит связующим, и обваливаете в коричневом сахаре. Это немного похоже на то, как из солёного банана делают среднего человека — только солёный банан всего лишь немного пресный на вкус. А вот когда кусаешь Scheisse-кнедлю, удивление получается грандиозным.

Прежде чем стать немецким канцлером, бог был очень плохим поваром».

Несмотря на всё, что она думала о Коридине и ему подобных, Хелена всё-таки согласилась стать протоколистом парламента. Она проглотила сопротивление, застрявшее у неё в горле и душившее её совестью. Подписала фаустовский договор и отправилась на своё первое парламентское заседание в роли секретаря.

Протоколист парламента может увидеть по-настоящему необычные вещи. Эти вещи всегда происходят до официального начала заседания, вне глаз общественности.

Восемьдесят представителей Партии прогрессивных сил Владимира Горда вместе с ближайшими соратниками господина Коридина собираются за полчаса до заседания и излагают свои позиции. Позиция каждого хорошего депутата должна быть неслышной.

Но всё не всегда идёт по плану.

Иногда на этих встречах можно увидеть, например, депутата номер 52, который пытается объяснить Портосу, что народу нечего есть.

— Не понимаю... почему они не едят пирожные? — спрашивает Портос.

Через месяц депутата №52 снимают с должности, потому что кто-то из служащих забыл подать необходимые бумаги для продления его полномочий.

— Извини, товарищ 52, — говорит ему Грин Коридин. — Сам понимаешь, бюрократия. Такие вещи случаются совершенно случайно. Но ты всё равно остаёшься нашим товарищем.

Коридин не злопамятен и позволяет депутату №52 оставить у себя кепку с изображением Владимира Горда.

Однажды Хелена видела Грина Коридина в обществе Микки Мауса. Он говорил ему:

— Не волнуйся, Микки, всё уладится. Ты по-прежнему наш товарищ.

Имя Грина Коридина было записано красными буквами в её чёрной тетради погибели.

Чёрная тетрадь погибели, хотя поначалу и не имела особого назначения, быстро превратилась в хаотичный дневник, сквозь который проходили имена весьма специфических людей. Это был список людей, которые, если сказать коротко, захватили власть ради своих самых низких побуждений, потому что других побуждений у них и нет. Подобно судьям святой инквизиции, они сами приговорили себя к аду, оседлав трон, который им не принадлежит.

Чего Хелена не знала, когда в своих раскалённых мыслях отправляла правящие создания в ад, так это того, что им предназначен лишь восьмой круг ада. Настоящие предатели, те, кто обречён на девятый круг и на горящий взгляд трёх лиц зла, — это обычные, маленькие люди, которые позволили этим созданиям стать правителями. Мелкие слизняки, угодники, продавцы души за мелочь, те, кто всегда на стороне победителя, будь победителем фашист или партизан; те, кто предаёт самих себя ради грамма комфорта, и делает это хуже любого героинового наркомана; те, кого ничего не касается и у кого ни одна проблема

не является их проблемой; спокойные, как великий Урал, пока вокруг них каждое слово человечности горит открытым пламенем.

Социализированные, совершенно нормальные и желанные, те, кого любит даже бог — и, наверное, любит, потому что создал их так много (говорят же, что и бог — власть, а значит и он, вероятно, не равнодушен к послушанию среднего человеческого червя). Конsumerисты, конформисты, маленькие придворные эльфы Калигулы.

Никто из этих обычных людей, которым мир вполне подходит таким, какой он есть, не был записан в чёрную тетрадь гибели Хелены. Отчасти потому, что Хелена не понимала разрушительной силы этой нейтральности обычного человека, а отчасти потому, что в чёрной тетради просто не хватило бы места для всех этих безымянных людей. Пусть их, думала Хелена, самым большим наказанием будет то, что они безымянны, даже если их такими любит и их безымянный бог.

Первым именем, украсившим чёрную тетрадь Хелены, была Петра Шучуревка, ростовщица из Медякова. Уже при записи второго имени, а особенно при записи имени Грина Коридина, начал вырисовываться определённый шаблон.

А именно: все люди, чьи имена украшали её чёрную тетрадь, были исключительно хорошо одетыми людьми в дорогих костюмах. Это были люди, которые сидят в первых рядах на всех официальных приёмах и пьют вино, держа ножку бокала всего двумя пальцами. У всех них в шкафах по двадцать четыре галстука известного бренда «Bugo Hoss», жёны по имени Сузана и любовницы по имени Лора. Каждая Сузана и каждая Лора имеет коллагеновые губы и равнодушную высокомерность.

Все почётные члены чёрной тетради имеют столько общего! Короче говоря, это нарциссические психопаты, которых характеризуют шесть признаков.

Первое: игра с вещами, деньгами и людьми, пока они не сломаются, включая и их самих. Этим людям часто скучно, и они сделают всё, чтобы убить эту скуку, что на самом деле довольно легко при тех объёмах денег, которыми они располагают. Поэтому — наркотики, отказ от наркотиков, импульсивные азартные игры, стремительное погружение в долги и столь же стремительный взлёт обратно, а затем снова наркотики. Подтираться стодолларовой купюрой. Запихивать кокаин в уши, нос, глазницы и анус.

Второе: полное безразличие к миру вокруг них. Они не жалели бы, если бы мир сгорел, но и не радовались бы этому. Им это просто неинтересно. Мир, государство, люди, собаки, кошки, белки, хомяки — живые или мёртвые — им не просто безразличны, они даже не замечают мелкого копошения всех этих жалких крыс, которые хромают, кровоточат и гноятся. Им наплевать. Они хотят мочиться с вершины мира на толпу женщин, инвалидов или смертных, а за их спиной должна стоять группа подростков, которые будут восхищаться этим. Мочиться с вершины мира — первый пункт в списке их приоритетов.

Третье: коллекционирование. В мании величия, после того как каждый из них становится маленьким властителем, они превращаются в страстных коллекционеров банков, ресторанов, фабрик, торговых сетей или отелей. Особенно им нравится брать микрофон на ужине со стендап-комедией и рассказывать анекдоты о том, как они стали успешными бизнесменами благодаря своему упорному и самоотверженному труду, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

Четвёртое: они любят внимание. Они просто обожают взбираться на Синайскую гору, плевать на святой дух и произносить свои маленькие речи об экономическом процветании и росте валового внутреннего продукта. Ни один из них не знает дня своей смерти, потому что каждый из них уверен, что будет жить вечно.

Пятое: у них есть любовницы даже тогда, когда эти любовницы их совершенно не интересуют как женщины. Разумеется, речь идёт о мужчинах. Иметь любовницу — это тренд, и всех их любовниц зовут Лора. В отличие от обычных смертных, единственным смыслом жизни которых является пожирающее, оргастическое потребление, ни одна Лора никогда не является потребителем. Они нечто ещё более глупое, чем это. Они — продукт. Они оплачены за то, чтобы быть силиконово-коллагеновой свитой, достойной мессии, который скачет по Синайской горе как ковбой из вестерна, играет петардами и сморкается в папирусы Александрийской библиотеки.

Шестое: они правят. Контрабандисты табака и таблеток для потенции за одну ночь становятся докторами наук и сидят на троне так, словно родились на нём. Лоры и Сузаны становятся самыми влиятельными дамами парламента — до тех пор, пока не доведут человечество до падения с края Земли, предварительно отбросив эту же Землю назад до состояния плоской доски.

Хелена Вайс однажды познакомилась с чьей-то Лорой — на её шее было ожерелье стоимостью семнадцать тысяч евро. Долгое время после этого Хелена утверждала, что это самый уродливый кусок украшения, который она когда-либо видела. Это был гротескный филигранный шар, с которого свисало сердце с врезанными тёмными цирконами, которые какие-то плохо оплачиваемые азиатские или евроазиатские рабочие вручную встраивали в стальное сердце под бдительным оком большого американского хозяина Эбенезера Скруджа, владельца корпорации «Гручи» или «ДольчеБанана». Сердце Лоры издалека напоминало мошонку какого-нибудь мелкого животного. Яйца за семнадцать тысяч евро!

Хелена, как и многие простые амийцы, не понимала потребности этих людей вешать себе на шею петлю из перепелиного поноса или надевать на голову использованный презерватив только потому, что кто-то сказал, что это модно и дорого. А все эти Лоры были настолько глубоко горды своим бессмысленным украшательством, словно каждую секунду хотели закричать: «Посмотри на моё гуччиевское перепелиное дерьмо и мои ресницы, которые в семь раз гуще!», но сдерживались, превращая этот социально неприемлемый крик в раздражающий, писклявый голос, который произносил длинные философские монологи о фитнесе, велнесе, лайфе и стайле.

«Ничто не делает тебя таким дешёвым, как дорогие глупости», — писала Хелена в своей чёрной тетради.

«Ничто не делает тебя таким дешёвым, как дорогие глупости!» — подчеркнула она эту фразу, убеждённая, что не сама её придумала, а где-то услышала и использовала как бессознательный плагиат, но фраза так ей понравилась, что ей хотелось повторять её снова и снова.

После того как Хелена Вайс вошла в парламент, её чёрная тетрадь погибели уже содержала тридцать имён, и список продолжал расти. Слишком много дерьма, слишком мало ложек.

После того как она вошла в парламент, ей часто снилось, что она обливает Грина Коридина контрабандным румынским бензином и говорит ему:

— Ты ни о чём не беспокойся. Ты по-прежнему наш товарищ. Мой любимый таракан. Моя самая дорогая Scheisse-кнедля.

После того как она вошла в парламент, ей снилось, что она умирает, и она просыпалась живой и разочарованной.

7.

Здание, в котором проходят заседания парламента, — это величественный ренессансный дворец, чья древняя душа плачет, прося, чтобы её оставили в покое. И всё же, как и всякая надоедливая вошь на этой планете, ППС присвоила его, чтобы устраивать в нём цирк уродов.

Толстая женщина.

Лицо со шрамом.

Женщина с бородой.

Человек без мозга.

Ещё один человек без мозга.

Лицо из розыскного объявления.

Вельзевул.

Вот люди, которые сидят в парламенте и решают чужие судьбы.

В Амии местная власть состоит из депутатов, а республиканская — из так называемых сенаторов. Сенаторам, в отличие от депутатов, позволено говорить, потому что они очень хорошо обучены искусству актёрской игры в обычном парламентском спектакле. Над сенаторами стоят министры, отвечающие за ведомства, которые занимаются тривиальными государственными проблемами и тем самым отвлекают внимание от того факта, что они ни уполномочены, ни желают, ни способны решать настоящие проблемы нации.

Так в Амии существует Министерство по надзору за развитием сельских кротовых нор, Министерство по вторичным жалобам на неуслышанные молитвы господу богу, Министерство по рекреационной игре в настольный футбол и Министерство по подсчёту безработных совершеннолетних граждан и тому подобное.

Как бы там ни было, и в местном парламенте должны проходить классические цирковые представления, похожие на республиканские, поэтому некоторым депутатам иногда разрешают говорить — но только некоторым и только в соответствии с демократико-политическим образованием, которое они обязаны пройти, чтобы не возникло случайной трезвости, способной испортить репутацию парламентского спектакля так же, как недавно Брижит Бонанца испортила репутацию реалити-телевидения.

В свой первый день работы парламентским протоколистом Хелена присутствовала на одном таком обычном представлении.

— Скажите, господин Патос, правда ли, что во время вашего прошлого мандата вы потратили не три, не четыре, не пять, а семь миллионов на рождественское украшение города Малограда, хотя то же самое можно было сделать за гораздо меньшие деньги из бюджетной кассы? Вы говорите об экономии, но дела говорят сами за себя, господин Патос, дела говорят! — выступает депутат оппозиции.

— Коняра... — бормочет Патос, стараясь, чтобы его никто не услышал.

Сотрудник Патоса, господин Клер, даёт Хелене знак не заносить «коняру» в протокол. Председатель собрания напился, собирает своих депутатов и кричит, что всех их перебьёт.

— Что с вами такое, вы чего заводитесь? Зачем ты ему говоришь, что он коняра? Хочешь, чтобы тебя сняло телевидение и потом кому-то пришлось за тобой убирать? — говорит председатель Патосу.

— Ну и что? Сенатор вчера сказал министру, что он коняра, на национальном телевидении, и что? — вмешивается женщина с бородой.

— Да мне плевать, что сказал сенатор. Ты не сенатор, он не сенатор. Они — это они, а мы — это мы, — сердито отвечает председатель.

Через три часа, во время перерыва, Портос сидит и пьёт водку с человеком, который назвал его расточителем или вором, а тот — коняром. Председатель собрания пялится в декольте новой коллеги, которая изо всех сил старается достигнуть дна. Потому что Амия празднует дно.

Малоградом управляют люди, глядя на которых задаёшься вопросом, как они вообще по утрам одеваются. Грин Коридин никогда не появляется лично. Он существует только как голос из тени — всегда спокойный, холодный и краткий, именно такой, каким и должен быть каждый серый кардинал.

Грин Коридин пользуется надёжным рецептом Римской империи: как Калигула, он ставит ослов на все ведущие места в парламенте. Ослы не умеют читать, парламент превращается в фикцию, созывы заседаний превращаются в цирк уродов, а автократия происходит где-то за красными занавесами сцены, без малейшего беспокойства, что ей когда-нибудь будет угрожать опасность. Достаточно научить осла ставить подпись — и можно править вечно.

Женщина с бородой спрашивает председателя собрания, почему сенатору разрешено говорить, а депутату — нет.

— Потому что он знает, о чём говорит, чёрт тебя побери, — отвечает председатель.

— Как это он знает, о чём говорит? Вчера он сказал, что либеральные ценности — дело гей-лобби, которое хочет уничтожить нашу традицию, а сегодня утверждает, что государство без либеральных ценностей не может развиваться.

— Вот именно, — констатирует председатель собрания.

Сначала Хелена старательно вела протокол заседания парламента города Малограда. Потом она стала писать список для супермаркета, стараясь выглядеть серьёзно, словно записывает бог знает что чрезвычайно важное для государственного управления и местного самоуправления. В конце концов, председатель собрания делает то же самое — то есть выглядит серьёзно

озабоченным будущим нации, в то время как на самом деле считает овец. Так почему бы маленькому протоколисту не писать список для супермаркета?

«Десять яиц, ванильный пудинг „Oister“, 200 граммов кокосовой муки».

Перед Хеленой стоит Джони, начальник маркетинга малоградского отделения ППС. Джони всего метр пятьдесят восемь ростом и ненавидит себя за это. У Джони комплекс величия во всех смыслах. В отличие от своих друзей и коллег, Джони не психопат, а невротический садист.

Из всех сотрудниц он зовёт ту, которая надела самые неудобные туфли. Он не зовёт её по имени, а машет рукой и свистит, как будто подзывает собаку или лошадь. Она подбегает. Он поручает ей, бегом, принести ему бумагу номер два.

Через мгновение бумага номер два лежит перед ним.

— Можно было и быстрее, — говорит он, а глаза у него блестят от смеси напряжения и возбуждения.

— Неправильная бумага, я просил бумагу номер три, — добавляет он.

Она приносит бумагу номер три.

— Разве я не сказал тебе принести бумагу номер два? Д-в-а! Насколько трудно принести один лист бумаги? Декольте под носом, а голова пустая! — говорит маленький Джони.

Лицо у него красное, тело напряжено. Сладкое возбуждение готово выпрыгнуть из его штанов.

«Килограмм картофеля, четыре банки сгущённого молока „Lillia“, две банки тунца „Black Fish“ с овощами».

Рядом с Хеленой сидит заместитель секретаря собрания Иван, и его руки дрожат, как пневматическая дрель. Он делает вид, что уронил ручку. Наклоняется, чтобы поднять её, достаёт фляжку и делает большой глоток водки, жадно и громко, как будто пьёт воду после дня, проведённого в субсахарской Африке.

Иван начал пить тогда, когда Арамис впервые потребовал, чтобы он вытащил шарик из коробки. В коробке лежали один красный и один белый шарик. Если вытянет красный — идёт в тюрьму. Если белый — остаётся на свободе. В общем, шансы при вытягивании шариков — пятьдесят на пятьдесят. Простая теория вероятности.

Единственный способ для Ивана отложить вытягивание шариков — согласиться на то, чтобы в коробку добавили ещё один красный шарик. Через два года, когда снова придёт очередь вытягивать, в коробке будет два красных и один белый. Вероятность, что он попадёт в тюрьму, будет 66,6%. Снова простая теория вероятности.

Разумеется, поскольку Иван — наш товарищ, Арамис даст ему возможность ещё раз отложить вытягивание. Когда придёт очередь третьего вытягивания, в коробке будет три красных и один белый шарик.

— Можешь сейчас отказаться, — скажет ему Арамис. — Я тебя удерживать не буду. Но разве ты хочешь выбросить на ветер всё, что уже сделал? —

Вероятность того, что Иван бесславно завершит свою карьеру, увеличивается до 75%. Иван не может спать. Иван каждую ночь видит во сне проклятые шарики, которые гонятся за ним. Иван пьёт, чтобы заснуть. Иван пьёт, чтобы встать. Иван пьёт, чтобы вообще мочь.

Если бы тогда кто-нибудь сказал Ивану признаться хотя бы самому себе, насколько глупо он поступил, он бы без раздумий бросил этого человека на пол и начал бить его прямо посреди заседания парламента, перед семнадцатью телевизионными камерами и тридцатью четырьмя журналистами — что спасло бы его от дальнейшего вытягивания шариков. Но это было бы всё равно что сразу вытянуть красный шарик. В любом случае ситуация довольно неприятная.

«500 граммов куриных крылышек, банка огурцов, бутылка ежевичного вина “Wild Horse”, шипучие таблетки витамина С.»

Бо Креймер, уважаемый депутат, переходит из Партии Традиционных Сил в Партию Прогрессивных Сил. Он использует ту же речь, которую уже несколько раз произносил, когда был пресс-секретарём ПТС, только несколько раз зачеркивает букву Т и ставит П. Конечно, он больше не традиционный, теперь он прогрессивный. Переделанная речь идентична предыдущей, но этого, разумеется, никто не замечает. Закончив выступление, он сминает бумажку и бросает её в урну. Кто-то из Партии Демократических Сил вытаскивает бумажку из урны, зачеркивает П и вписывает Д. Кладёт бумажку в карман. Пригодится. Хелене кажется, что это та самая речь, которую Геббельс переписал у Макиавелли, а тот — у Тутанхамона Третьего, но она не совсем уверена.

«Килограмм бананов, один йогурт, двадцать пакетиков растворимого кофе 5-in-1, лимонные конфеты “Crush”.»

«Один чёрный хлеб, полкилограмма кошачьего корма, мыло “LLoid” с запахом мандарина.»

«Средство для мытья посуды, пять банок “Красной Коровы” и цельнозерновой рис “Casie”.»

«Семь килограммов кофеина, четырнадцать килограммов сахара, двадцать один килограмм цветных добавок, двадцать восемь килограммов эмульгаторов, тридцать пять килограммов обеднённого урана, сорок два килограмма мышьяка, сорок девять килограммов свинца, пятьдесят шесть килограммов ртути, крысиный яд и одна верёвка длиной полтора метра, достаточно прочная, чтобы выдержать человеческий вес.»

В четыре часа дня заседание заканчивается, и Хелена Вайс выбрасывает свой испорченный список для супермаркета в мусорную корзину. Краем глаза она замечает, что на неё смотрит председатель парламента. Он улыбается и приглашает её выпить по рюмке в кабинете — ему недавно подарили отличную грушевку, как он говорит: «сладкую как мёд и тяжёлую как кувалда».

Разумеется, за то время, которое требуется Хелене, чтобы выпить одну рюмку, председатель парламента уже выпивает четыре и наливает пятую. После шестой или седьмой рюмки он наклоняется к ней и шёпотом рассказывает анекдот:

— Жили-были папа-червь и сын-червь в канализации. И однажды сын-червь спрашивает: «Папа, а правда, что есть черви, которые живут в вишнях, в яблоках?» — «Правда, сынок». — «А папа, почему тогда мы живём в дерьме?» — «Потому что это наша родина».

Он смеётся и проливает грушевку мимо рюмки. Очевидно, он пьян как пробка. Вопрос лишь во времени, когда он начнёт болтать вещи, которые обычный протоколист знать не должен.

Глаза Хелены Вайс становятся большими и любопытными в ожидании.

Председатель собрания протягивает ей руку и говорит, что его зовут Андрей. Он хвастается тем, что вот буквально вчера сидел за одним столом с Владимиром Гордом, будто это какая-то высшая честь. И как раз вчера он хотел упомянуть о плохой градостроительно-технической ситуации, в которой находится Малоград, когда у Владимира Горда зазвонил телефон.

Андрей пересказывает Хелене всё, что тогда услышал — весь телефонный разговор Владимира Горда с важной персоной на другом конце провода, хотя Хелене кажется, что многое он выдумывает: отчасти чтобы заполнить пробелы, отчасти чтобы произвести на неё впечатление.

Телефонный разговор, если верить Андрею, проходил примерно так:

— Вовочка, да ты жив! Настоящее чудо. — послышалось на другом конце провода. Это был Владимир Путин.

— Ээ... ну жив. А почему бы мне не быть... то есть... есть какая-то причина, по которой я не должен быть? — спрашивает Владимир Горд.

— Да не то чтобы особая, просто спрашиваю. Ты не отвечаешь, когда я звоню со своего номера, а сейчас ответил, когда я позвонил с неизвестного. Вовочка, где деньги?

— Ээ... знаете, как раз когда я вёз чемодан из Москвы, тут был какой-то торнадо.

— Хммм, если я правильно помню географию, а я помню правильно, то можно сказать, что в Амии никогда за последние десять миллиардов лет не было ни одного торнадо, — говорит Путин.

— Что я сказал, торнадо? Я имел в виду вулкан. Извержение вулкана.

— Ага, ясно. А как называется амийский вулкан, Вовочка? — спрашивает его Путин.

— Эээм... Баново Брдо? — отвечает Горд наспех и даёт сигнал секретарше позвонить в издательство, которое выпускает учебники географии для пятого класса, чтобы этой ночью они запустили новую версию. Быстро черкает на бумаге: «Вулкан Баново Брдо находится в часе езды от Урала и относится к вулканам с высоким коррупционным риском». Секретарша уносит бумагу, а Горд машет руками и сигнализирует ей вернуться, затем быстро исправляет написанное. Эруптивным риском, эруптивным! Коррупция, эрупция, прогрессия, регрессия... запомни, Вовочка, запомни!

— Знаешь ли ты, Вовочка, кто величайшие люди мира? Толстой, Достоевский, Бакунин, Иван Павлов, Юрий Гагарин... все они были русскими. Знаешь ли ты, Вовочка, что после Лайки советские научили собак управлять самолётами? Русская собака давно научилась программировать и теперь junior Java developer, а в вашей великой Европе собаки всё ещё пасут овец, а в вашей небесной Амии овцы пасут овец, Вовочка! Кстати, просто чтобы ты знал: если на ринге вдруг окажутся Маша и медведь, смело ставь миллиончик на Машу. Кстати, знаешь ли ты, Вовочка, какая Россия большая?

— Большая как... как м-ммМесяц! — отвечает Горд.

— Именно, как Месяц! А скажи-ка мне снова, раз уж мы занялись экзистенциальными темами, ты думаешь, Россия выросла бы до таких размеров, если бы терпела ложь и измену? Ты ведь знаешь ту поговорку: «Сталин вас воспитывал, но воспитывал недостаточно»...

— Ну ладно, давай без крайностей, — бормочет Горд. — Понимаешь, мне пришлось отдать эти деньги ребятам, стресс их убивает, им нужно немного... понимаешь, какие-нибудь старлетки, какой-нибудь отпуск... чтобы расслабились ребята, чёрт побери. Кто нам будет работать, если не ребята... народ не будет, его нельзя жечь так долго без передышки, а без паузы появляется какой-то условный рефлекс, чёрт его знает...

— Нахрена им сейчас старлетки? У них же есть боты.

— Технически, с ботами всё немного... ну... точнее, никто не хочет трахать бота, чтобы у него шестерёнки не развалились, — отвечает Горд.

— Ты о чём вообще? Я что, деньги тебе дал, чтобы ты этих ботов модернизировал, электроника и тач-скрин, о каких шестерёнках ты говоришь?

— Ну я не менял, то есть мы, то есть не я, а эти до меня, демократы, они... они виноваты, потому что они не меняли запасные части ещё с девяносто девятого. Так что боты у нас на механике, механические, у них заводное колесо. Ну, знаешь, ржавые. Их нужно смазывать вазелином.

— Подожди, подожди, у вас все боты механические? И журналисты? — спрашивает Путин.

— Все. И спин-докторы, и блогеры, и журналисты, и маркетинговые аналитики, — говорит Горд.

— Да ты охуел....

— Эй, подожди, друг мой, товарищ, благодетель, не надо так, всё уладим, — скулит Владимир Горд.

С другой стороны провода слышится: «Тууу... ту-тууу...».

Горд, говорит Андрей, поспешил в Германию решать тот маленький инцидент как раз в тот момент, когда тот хотел изложить ему проблему малоградской коммуникационной технологии. Проблема была следующая: известно, что техническо-технологический прогресс Амии шёл совсем не по какому-то обычному европейскому пути.

В результате возникла следующая ситуация: Амия — единственная страна в мире, которая до сих пор отправляет межнациональные отчёты при помощи дымовых сигналов с гор. К счастью, коды межнациональной коммуникации одинаковы — независимо от того, используете ли вы микрокомпьютеры или размахиваете горящей сухой соломой, так что вся система всё ещё функционирует.

Но главная проблема Малограда в том, что большинство муниципальных Wartburg и Moskvich находятся на грани развала, так что на них невозможно подняться на гору, чтобы отправить сигнал. Именно эту проблему председатель парламента — или Андрей, как он просил Хелену его называть — и пытался решить.

— Да чего ты нервничаешь! — смеялась она. — У нас же есть гужевой транспорт.

— Тут есть два маленьких проблемчика, — сказал Андрей, опуская голову. — Первый, конечно, в том, что никто не захочет потратить целый день, карабкаясь по какой-нибудь горе, если ему за это не заплатят.

— Это не проблема, — сразу ответила Хелена. — Есть партийная молодёжь, они работают за обещание, даже за такое, которое никогда не будет выполнено.

— Вот видишь, вторая вещь тесно связана ещё с одним интересным телефонным разговором. Всё началось, когда Горд попытался установить соглашение с немецким канцлером...

Как утверждал Андрей, сначала Горд слышал секретаршу:

— Добрый день, вы позвонили в Третий рейх, я ваш оператор Клара, чем мы можем вам помочь... бииип...

— Я хотел бы поговорить... бииип... что это, чёрт возьми, всё время пищит...
— прокомментировал Горд.

— После звукового сигнала оставьте сообщение. To hear in English press 2.

Горд, из-за сильного приступа ярости, к которым он вообще склонен, начал нажимать семь двоек одну за другой, а затем и остальные клавиши на клавиатуре. Оказалось, что совершенно случайно он ввёл секретный код.

С другой стороны провода раздался голос немецкого канцлера:

— Guten morgen!

— Guten guten, duhasmish — нежно шептал Горд, слушая, как немецкая канцлерка передаёт трубку своей заместительнице и говорит: — Kleine Vladimir, не настоящий Владимир, а тот другой. Сними его с моей шеи. —

Заместительница взяла трубку и любезным голосом ответила: — Guten morgen, господин Горд, чем мы можем вам помочь? —

— Я вот... думал... насчёт какой-нибудь ссуды или отсрочки... — бормотал Горд.

Заместительница, слегка отведя трубку, посовещалась с канцлеркой. — Nein, Я Европа, он раб. Он мне деньги. Nein! —

— Госпожа приносит свои смиренные извинения, однако в данный момент она не располагает возможностью выделить сумму, которой были бы удовлетворены Вы и Ваша страна, и мы бы не хотели, чтобы Вы почувствовали себя униженными, согласившись на что-либо меньшее, чем то, чего Вы заслуживаете; в силу столь неадекватных обстоятельств мы не стали бы более задерживать вас... — механически проговорила заместительница.

В целом, кажется, и сам Горд уже не помнил, каким образом ему удалось продлить разговор, но возможно, ключевыми словами были «связующее звено», «Москва» и «десять процентов». Канцлерка пообещала ему помощь — но не деньгами, а товаром, и немецкий мусор вскоре прибыл в Амию. Это были джинсы DolceGabbana made in Wasington D.C., прилетевшие charterным рейсом через Ватикан. Разумеется, очень быстро выяснилось, что джинсы made in China, то есть PRC, и что на них написано DolceBananna — что, вообще-то, было непреднамеренной типографской ошибкой уставшего азиатского рабочего, но амийский народ понял это иначе. А именно: это было воспринято как сублиминальное послание иллюминатов о бананизации государства, и народ вспенился от ярости. Джинсы остались непроданными, денег кормить лошадей не было — и так некоторые города Амии остались и без упряжи, и без коней. Путин и здесь вмешался, чтобы помочь, но с медицинской точки зрения невозможно вернуть коня из мёртвых, а для магии было уже поздно.

Андрей уже перестал считать рюмки грушевки, которые обжигали ему язык. Некоторое время он молча улыбался, а затем вынул из кармана лист какого-то официального документа. Это был документ, который Елена, разумеется, ещё не должна была видеть, но поскольку она ему симпатична, он введёт её в некоторые мелкие тайны политического ремесла. Не снимая улыбки, он положил бумагу между ними, пододвигая её так, чтобы симпатичное лицо Елены оказалось совсем близко, и объяснил, что держит в руках «Словарь неолиберальной политической экономики для начинающих», предназначенный главным образом для сенаторов и депутатов, доказавших свою послушность и преданность партии. Вообще-то Елена к этой привилегированной группе не принадлежала, но она была симпатична — и словарь во всей своей силе и потенции лежал перед ней, как какой-нибудь древний рецепт магического галльского напитка. Она читала внимательно, впитывая каждое слово, начиная с заголовка, выровненного по центру в шапке и подчеркнутого тонкой линией.

Словарь неолиберальной политической экономики для начинающих —
важнейшие понятия

Вводные замечания: слова, обозначенные как ст.н., означают старонародные слова, которые необходимо вывести из употребления. Старонародные слова заменяются словами, обозначенными сокращением нео.э., то есть новэкономическим словарём. Поскольку экономику невозможно отделить от сферы политики, из-за чего мы чаще всего называем её политической экономией — по крайней мере в макроэкономическом, а в последнее время всё чаще и в микроэкономическом смысле — данный словарь можно рассматривать как универсальное руководство для неолиберальных экономистов и политиков демократически-европейского направления в колонизированных странах.

Феодализация (ст.н.) — феодализм — это название общественного строя, который преобладал в Средние века. Феодал или землевладелец является наследником рабовладельца в рабовладельческих обществах. Крестьяне-крепостные, наследники рабов, работали на владениях феодалов, которые богатели за чужой счёт. Феодализация — это процесс превращения бывших социалистических государств в феодальные государства с целью обогащения отдельных лиц. Альтернативно, феодализация — это процесс возвращения времени назад.

Перевод на нео.э.: экономические реформы.

Взятка (ст.н.) — основное средство работы при незаконном использовании общественного положения или влияния с целью получения выгоды для лица, находящегося у власти.

Перевод на нео.э.: оборотный капитал.

Грабёж (ст.н.) — отнятие и присвоение чужой собственности, труда или ценностей.

Перевод на нео.э.: первоначальное накопление капитала.

Угроза (ст.н.) — процесс, посредством которого человека принуждают сделать что-то против его воли, движимого страхом за своё существование.

Перевод на нео.э.: конструктивная критика.

Наёмник (ст.н.) — человек, который продаётся каждому за определённую плату: проститутка, политик, Кравеич Марко, Грин Коридин.

Перевод на нео.э.: человеческий ресурс.

Отсечение голов (ст.н.) — процесс свержения правящей касты в государстве или предприятии и замены одной тоталитарной автократической группы другой.

Перевод на нео.э.: демократические выборы, american liberation, стандартизация.

Увольнение (ст.н.) — насильственное лишение рабочего места человека, который зависит от зарплаты, без решения его вопроса существования каким-либо иным способом; издевательство бедностью, насилие над людьми.

Перевод на нео.э.: меры экономии.

Лжец (ст.н.) — человек, который продаёт «яйца за почки», психопатологический синдром с элементами фантазии; человек, который относительно ловко использует слова, чтобы получить определённую выгоду или избежать наказания; слизняк, трус.

Перевод на нео.э.: спин-доктор, блогер, инфлюенсер, журналист.

Отечественный предатель (ст.н.) — человек, который продаёт государство и народ за счёт в кипрском банке и швейцарское гражданство.

Перевод на нео.э.: самый-европеец.

Мафиози (ст.н.) — преступник в костюме и с галстуком.

Перевод на нео.э.: бизнесмен, предприниматель, хозяин.

Примечание: сокращённое издание включает только самые распространённые и необходимые выражения. Использование удобно и желательно для начинающих и в ситуациях необходимой первой помощи. Расширенное издание для сенаторов и министров доступно по запросу.

Андрей также объяснил Хелене способ, при помощи которого эти слова могут стать частью повседневного словаря человека, который профессионально или любительски занимается политикой. В общем, ключ — в повторении их перед зеркалом утром и вечером по двадцать минут каждый день. Если же, несмотря на регулярные упражнения, старые слова случайно прорвутся из подсознания в сознание, используется метод «калькулятивной полумолчаливой репетиции», который подразумевает, что в ситуациях, когда государственный деятель не уверен, сможет ли он справиться с ситуацией при помощи правильного словаря, он просто повторяет фразы, которые многие другие произносили до него, или прибегает к защите классическим молчанием — с нахмуренным лицом, создающим впечатление больших государственных забот, и с поднятой раскрытой ладонью в сторону камеры. Желателен также торопливый шаг, поскольку, якобы, такая важная личность несёт на своих героических плечах всю национальную боль, а государство ждать не может.

Андрей всё больше приближал своё лицо и любопытные пальцы к лицу Хелены Вайс, готовясь выболтать ещё какие-нибудь важные неополитические теории,

но игру прервал не кто иной, как Арамис. Заметив, что происходит, он сердито приказал Андрею прекратить говорить, размахивая руками и показывая, что такое поведение неприемлемо.

Хелена пожала плечами и налила себе ещё одну рюмку грушевой. Выпила её залпом и, почувствовав прилив приятного опьянения на грани головокружения, решила, что пора уходить — прежде чем из тёмных карманов государственной администрации всплывут ещё какие-нибудь бумаги, анекдоты или ухажёры, которые могли бы разгневать богов.

8.

Бакунин говорил, что свобода без социализма — это привилегия и несправедливость, а социализм без свободы — рабство и жестокость. Поэтому Владимир Горд, в сотрудничестве с империей Miki Maus, решил сделать из Амии государство и без социализма, и без свободы.

В тот день, в духе популяризованного движения государства в направлении кроличьей норы, в Малограде гостил маг современного политического маркетинга Josef Gebels¹.

PPS великолепно организовалась, чтобы встретить своего маркетингового идола.

— Какой великий и добрый человек! — говорил Арамис, добавляя, что у него можно многому научиться.

— Научиться? Чему научиться — убийству и пыткам людей? — цинично спросила Хелена.

— Ты не должна говорить такие вещи. К тому же тогда были другие исторические обстоятельства...

— Господи Иисусе, это же Гебельс!

— Перестань говорить. Это совсем не умно.

Арамис, как и все остальные мушкетёры Коридина, любил держать всё под контролем. У него была странная привычка указывать другим, на каком плече желательно носить сумку, а его мнение о цвете помады или рубашки, безусловно, должно было приниматься во внимание.

Какой-то комплекс — точнее, потребность, чтобы другие считали его учёным человеком, хотя он им вовсе не был, — делал Арамиса настолько невыносимо утомительным, что даже самые натренированные дзен-щиты трескались под напором его трагических маркетинговых советов, которых он сам, разумеется, не придерживался.

Он следовал только старому античному изречению о том, что закон — это всего лишь изящное препятствие на беговой дорожке, которое каждая хорошо натренированная лошадь должна перепрыгнуть.

Гвардия Коридина в некотором смысле напоминала прежнюю королевскую гвардию: грязные руки они прятали за разговорами о преданности и честности, промывали другим мозги тривиальными вещами вроде уже упомянутого цвета рубашки или помады.

¹ Йозеф Геббельс

Разница с королевскими мушкетёрами заключалась только в самом лозунге: вместо «все за одного, один за всех» мушкетёры Корицина верили лишь в лозунг «все против одного, один против всех».

Такие обстоятельства, вместе с визитом по-европеившегося фашиста Josef Gebels, отравляли воздух запахом предчувствия ещё одной кровавой эпохи в мировой истории.

Публика, пришедшая послушать речь знаменитого Gebels, состояла главным образом из членов PPS, которые, награждённые властью, должны были доказать свою массовость, послушание и достоинство. Публика была распределена по классовому принципу: в первых рядах сидели уважаемые функционеры с красивыми галстуками, а позади них — все остальные.

Если бы Хаксли дожил до того, чтобы увидеть общественное устройство, в котором так называемые Эпсилоны минус правят Альфами, он сел бы у камина и сжигал бы свой «О дивный новый мир» страницу за страницей, минуту за минутой, и его разочарование и изумление были бы больше, чем разочарование Томаса Мора, автора «Утопии».

Потому что утопист всё-таки знает, что свою утопию он лишь мечтал, и всегда может оправдаться тем, что она всё ещё остаётся далёкой целью недостаточно развитого общества, тогда как дистопист может лишь разочароваться в несостоятельности собственного прогноза и, качая головой, повторять, что столь чудовищная общественная уродливость и извращённость — это нечто, что даже мрачный ум Хаксли или Оруэлла не смог бы правдоподобно описать.

Было ровно 12:00, когда маг политического маркетинга свободной Европы вышел на сцену. Он был худой, с анемичным лицом и руками, испещрёнными синими венами. Низкого роста, с очень выраженными костями лица, он искривил свои впалые тёмные глаза, пытаясь изобразить какую-то эмоцию, которая в этом выражении никак не распознавалась. Затем он вернулся к своему безвыразительному состоянию психопатического оцепенения.

Он стоял как айсберг, с взглядом, зафиксированным на пространстве между публикой и небом, неподвижный и роботически неестественный. Резкие движения, отсутствие выражения, пустой и тёмный взгляд, скованный шаг и неспособность поднять брови, выражая страх или удивление — всё указывало на типичного психопата. Он ещё немного поднял голову к высоте неба и начал говорить:

— Я не знаю, сколько миллионов людей слушает меня сегодня вечером по радио. Я хочу говорить со всеми вами из глубины моего сердца — к глубине вашего. Я верю, что вся нация имеет страстный интерес услышать то, что я сегодня скажу. Поэтому я буду говорить с той серьёзностью и откровенностью, которых требует этот момент.

Все восторженно аплодируют.

— Наше движение с самого начала сталкивалось с различными кризисами и преодолевало их. Наш Союз также действует решительно, когда сталкивается с угрозой. Мы не прячем голову в песок, чтобы не видеть опасности. Мы достаточно смелы, чтобы смотреть опасности в глаза, принимать меры и действовать решительно с поднятой головой. И наше движение, и наш Союз отдавали всё, когда требовались фанатичные и решительные меры для устранения опасности, или сила и характер, чтобы перепрыгнуть препятствие, или решимость для достижения нашей цели, или железное сердце, готовое справиться с любой внутренней или внешней борьбой. Так будет, друзья, и сегодня.

Все восторженно аплодируют.

— Говорят, что народ потерял веру в победу. Я спрашиваю вас — верите ли вы вместе с нами в тотальную победу европейского народа? Я спрашиваю вас — готовы ли вы следовать за Союзом до победы и нести самый тяжёлый личный груз ради лучшего завтрашнего дня? Я спрашиваю вас — готовы ли вы как народ работать по 10–12, а то и 14 часов в день до нашей окончательной, общей победы? Я спрашиваю вас — одобряете ли вы, если это необходимо, меры против чёрных биржевых работников, которые используют нужды нации в своих личных, эгоистических целях?

Все продолжают восторженно аплодировать.

Хелена больше не может выдержать. Она встаёт, оправдывая своё безумное бунтарство срочным походом в туалет. Выскальзывает через заднюю дверь. Гебельс этого не замечает, но Портос смотрит на неё хмуро и мстительно.

Она ускоряет шаги, панически, будто заперта в вакуумном шаре, где её душат гелий и азот, она рвётся добраться до воздуха. Другая дверь ведёт в приёмную помещений PPS, третья дверь — в длинный коридор, четвёртая дверь, наконец, — к свободе. Ясное небо проглядывает под тяжёлой ручкой довоенного барочного здания.

Она начинает бежать, жадно хватая воздух глубокими вдохами, пока лёгкое покалывание в икрах не напоминает ей, что она уже достаточно далеко. Эти люди опасны, очень опасны. Они больше не просто клоуны и дураки. Они — клоуны и дураки, у которых есть власть.

Массы принимают такие правительства по одной-единственной причине: они хотят сохранить цивилизацию на уровне, который позволяет им как можно меньше работать и как можно меньше думать. Делать вывод, что массы глупы, потому что голосуют за того или иного, — крайне наивно; массы — это особый и специфический организм, и они прекрасно умеют посадить на трон именно того, кого считают наиболее похожим на себя и кто, как им кажется, лучше всего поймёт их низкие, жалкие побуждения, которые они не смеют произнести вслух, но которые для них так много значат.

Так массы и приходят к тому, что выбирают именно самых больших идиотов — именно тех, кто разрушит цивилизацию, которую они так любят, причём до

такой степени, что сельская жизнь XVIII века будет звучать как песня по сравнению с работой в фирмах этих идиотов и их привилегированных инвесторов.

Хелена покупает литр крепкого домашнего виньяка и приходит домой с намерением, по примеру большинства малоградских функционеров и менеджеров, напиться среди бела дня. Коричневый виньяк с резким запахом льётся в прозрачную чайную чашку. Хелена глотает его через силу и вздрагивает с выражением отвращения.

Она закуривает тонкую белую сигарету, пытаясь смыть ядовитый вкус спирта из горла, но и сама прекрасно знает, что дешёвый спирт можно смыть только ещё более дешёвым спиртом. Поэтому она наливает ещё одну. И ещё одну.

Её веки слегка опускаются, и жизнь снова становится более-менее удобной.

— Ссссс... — послышалось шипение откуда-то, возможно из-за стен, а может и изнутри них. Хелена вздрогнула.

— Ссссс... — шипение усиливалось и, как казалось, исходило из маленькой чёрной книги гибели.

— Готовьтесь... — заговорила книга сначала уверенно, а затем робко, словно ищет одобрения и поддержки. — Готовьтесь, готовьтесь? — неуверенно шептала книга.

— Я не впечатлена, — ответила ей Хелена.

— Хмм... где-то я ошиблась... теперь вот, надо ли говорить «готовьтесь за дом» или «готовьтесь так, будто завтра будет мир, а живите так, будто сто лет будет война»... кто его знает... — бормотала книга.

— Я всё равно не впечатлена, — сказала Хелена. — Но не могу отрицать, что второе предложение верно.

— Ха! — обрадовалась книга. — А ведь я чуть было не сказала: «это маленький шаг для человечества и большой для меня»... но важно, что я угадала фразу. Хотя дело не во фразе. Дело в том, что я должна тебе кое-что сказать, ведь, конечно, именно поэтому я и говорю — чтобы что-то сказать. Что, признаться, не совсем обычное явление, но ситуация требует... мадам Хелена Вайс, дело в том, что ты не можешь так жить!

— Как — так? — спросила Хелена.

— Так... бесцельно и бездушно.

— А как иначе мне жить? Другого варианта ведь нет.

— Немного борьбы тебе бы не повредило.

— Какой ещё борьбы? Бесполезной, снова? — язвительно сказала Хелена.

— Вы, люди, думаете, что всё бесполезно, если за это не платят, — пожаловалась книга.

— Разумеется! Командировочные, горячий обед, тринадцатая зарплата, — ответила Хелена.

— Бог не такой работодатель. -

— Что ты хочешь сказать, что Бог больше не немецкая канцлерша, теперь он филиал американской корпорации, торгующей акциями? — рассмеялась Хелена.

— Если позволите, я бы не использовала это устаревшее слово бог. Мне больше нравится выражение «интеллектуальный творец», когда я говорю и о божестве, и о человеке, и, разумеется, о любом другом существе или роботе, которые что-то создают — возможно, я нахожусь под каким-то киберпанковским влиянием... Но это не так важно. Дело в том, что интеллектуальный творец всегда создаёт что-то с определённой целью.

Если предположить, что интеллектуальный творец — это человек, который воспринимает время через прошлое, настоящее и будущее, причём по крайней мере одно из этих измерений для него является неизвестностью — а я бы сказала, что неизвестны ему все три — тогда цель своего творения он может лишь предполагать, потому что понятия не имеет, куда движется и откуда начал путь.

У другого типа творцов, в данном случае у высшего существа, три измерения времени сведены в одно, которое абсолютно известно. Поэтому высшее существо не может ошибиться в том смысле, чтобы сделать что-то, что позже окажется напрасным. Точнее говоря, начало творения одновременно является и его концом.

И если уж вы, люди, созданы с целью, разве не было бы глупо эту цель не исполнить? — спросила тетрадь.

— Было бы, — ответила Хелена. — Разве что неисполнение цели и есть на самом деле цель. Или разумные существа иногда создают просто ради развлечения. Может быть, и мы созданы ради развлечения?

— Развлечение существует для того, чтобы время быстрее переходило из одного измерения в другое. Там, где время сжато, понятие развлечения бессмысленно.

— А что существует там, где времени нет? — спросила Хелена.

— Только покой. Покой — это то, что вы, люди, называете скукой.

— В таком случае цель более чем ясна. Неясно только, как к ней прийти.

— Принятием полного бессмысла.

— Но... — растерялась Хелена. — Это же смерть.

— Вполне возможно. Но и способ умирания важен. Следует, безусловно, сразу начать отмирать по частям, словно снимаешь одежду слой за слоем перед приятным душем.

— Но ты несёшь чушь. И вообще, почему я тебя слушаю? Ты всего лишь тетрадь, которую дарят на промоакциях кетчупа, — рассердилась Хелена.

— Даже если это и чушь, проблема с отмиранием в том, что оно всё равно не лёгкое и не спокойное. Тот, кто хочет умереть как человек, должен за это честно побороться. Недостаточно просто лечь, потому что тогда может случиться так, что ты будешь лежать и лежать — и так бесконечно жить лёжа, что, согласишься, является вершиной глупой жизни...

— И что тогда? — спросила Хелена.

— Честно говоря, я не знаю. Меня послали только сказать, чтобы вы готовились так, будто сто лет будет война. И притом холодная. Медийная, экономическая и интернет-война. Когда-то такие войны были братоубийственными, сегодня они самоубийственные. Как же это по-настоящему глупо! Но вот меня послали сказать...

— Кто тебя послал? — спросила Хелена.

— Этого я уже не имею права говорить, — ответила тетрадь.

Хелена всерьёз задумалась, имеет ли этот разговор с тетрадью вообще какой-то смысл, ведь всё, что нужно было сказать, было сказано ещё в самом начале — когда цивилизация была новорождённым младенцем.

Правда, Хелена и сама не знала, за что ей бороться, потому что ничего иного, кроме этого серого амийского мира, она и представить себе не могла. Она напрягалась и напрягалась, заставляя себя мечтать, но ничего не происходило: вместо радуги, белых ромашек и хиппи-песни Джона Леннона перед её глазами упорно возникал образ деревянных ящиков, набитых пулемётами, которые подкупленные бородатые колумбийцы глубокой ночью грузят на корабль, над которым развевается американский флаг.

Хелена могла лишь надеяться, что её мысли не пророческие, а всего лишь остаток гнилого впечатления от какого-то забытого голливудского триллера. Она настолько погрузилась в свои мысли, что даже не заметила, как чёрная тетрадь замолчала, так и не закончив свой бессмысленный разговор, который с тем же успехом можно было назвать осмысленным монологом.

В наше время, впрочем, нет ничего необычного в том, что бессмысленный диалог одновременно оказывается и осмысленным монологом.

Хелена думала о том, что нужно стремиться к самодостаточности. Конечно, лучше всего было бы уйти в природу, оставался только открытым вопрос — сделать это до или после поражения.

Потому что спорить тут особо не о чем: искренние битвы всегда заканчиваются поражением. Это не так, как когда сэр Жиль и дракон договариваются разыграть бой — один изображает власть, другой оппозицию, а потом они делят славу и всё, что к ней прилагается; искренние битвы иные, потому что порядок очень быстро распознаёт реальную угрозу революции.

Поскольку революция — это ситуация, в которой угнетённый класс свергает правящий, а война — это ситуация, в которой два класса договариваются оставить угнетённых по-прежнему угнетёнными, правители всегда будут стараться предотвратить революцию войной.

Если война — холодная или горячая — не вернёт систему обратно в общепринятую колею, тогда властители устроят спектакль неудавшейся народной революции, чтобы удержать угнетённых в состоянии всеобщей депрессии.

В такой ситуации можно только смотреть на народ и плакать — насколько он глуп. А самое тяжёлое для души то, что ты сам принадлежишь к этому же народу и зависишь от его печальной, самоубийственной глупости.

Хелене пришло в голову, что чёрная тетрадь, возможно, хотела, чтобы в неё было записано что-нибудь мудрое, но эта мысль показалась ей смешной. Кому вообще что-то писать, если никто не будет читать?

Сегодня такое время — и все это знают. Те, кто пишет, верят в какое-то будущее время, когда их посмертно поймут, но такого времени не существует. Хелена твёрдо верила, что через несколько лет всё сгорит: и записи, и книги, и формулы, и патенты, и изобретения.

Человечество снова будет делать сосуды из глины и напишет новый Эпос о Гильгамеше, который все снова перестанут читать, как только кто-нибудь заново изобретёт телевизор и наготу на нём.

Нет более бесполезного занятия, чем написать хотя бы одно-единственное слово в такое время свинцового неба, по которому летают чёрные птицы-предвестники беды.

Зная это, Хелене оставалось лишь смотреть в окно и с печальной дистанции наблюдать энергию лета, которая наполняла радостью всех этих молодых людей, игравших на асфальте и пивших пиво в подъездах, пока в их зелёных сердцах — где-то далеко, далеко от неё — в полной силе и счастливом неведении бурлила жизнь расцветшего лета и будущих воспоминаний.

9.

С дерева шелковицы в саду «Mauricijus» падают белые плоды и мелкие зелёные жуки. Вечер приятный. По всему саду чувствуется запах раздавленных плодов шелковицы, свежесажённой травы и табака.

Хелена сидит и смотрит в небо — ясное и гладкое, как зеркало. Адам уставился в одну точку. Время от времени он поднимает руки и подносит к губам какую-то пластиковую трубку. Дует в неё, пытаясь извлечь звуки, но слышится только однообразное «вууууу». Адама это не смущает, и он продолжает импровизировать музыку и время от времени поёт:

— Я в небо гляжу, проходят ве-е-е-ка-а-а-а,
Воспоминания давних лет — единственное лекарство...

Если бы постмодерн был фильмом ужасов, он начинался бы именно с этой сцены.

— Ты всё ещё дуешь в эту трубу? — спрашивает Хелена Адама.

— Дую, пою... что мне ещё делать? — отвечает он.

— Но ты делал это и три дня назад, — смеётся она. — Как тебя оставишь, так тебя и находишь.

— Конечно. Я последовательный человек, — говорит он и снова подносит трубу к губам.

— Вууууу...

Студент философского факультета, сидящий с Хеленой и Адамом за столом, носит майку с изображением Ленина в стиле комикс-арт, под которым написано: «Remember remember, the 7th November».

Рядом с ним сидит тип, который уже в пятый раз достаёт из кармана дезинфицирующее средство и протирает руки.

— Мир грязный, — говорит он. — Мир — это сопливый, потный приют для бактерий и паразитов.

Хелена спрашивает его, знает ли он, какая вещь на свете самая грязная.

— Мундштук для кальяна, — отвечает он. — Мундштук, которым пользуются больше пяти человек при курении кальяна, содержит более ста видов бактерий!

— Хмм, в этом есть смысл, но нет, — отвечает она. — Самая грязная вещь на свете — это сто долларовая купюра. На ней находятся миллионы бактерий, чесотка, вирус гепатита, клопы, тараканы и тяжёлые металлы. Вот так — каждый день мы любим, ласкаем, целуем и храним под подушкой самую грязную вещь на свете. Та, которой никто никогда не сказал «нет», на каждом

миллиметре своего тела носит по крайней мере сотню бактерий и столько же мелких клещей и токсичных соединений.

Тип смотрит на неё так, будто она воткнула ему нож в бедро.

— Я умру! — говорит он.

— Ну так умри, — говорит Адам. — Какого чёрта тебе, умри.

Адама ужасно нервируют ситуации, в которых слишком много реализма. Для Адама немного реальности — это уже слишком много реальности. Поэтому Адам всегда окружает себя людьми, которые живут в фантазии.

Почему его отношение к фантазии было таким сложным — трудно сказать. Любовь к мечтам у него такая сильная, непостижимо сильная, навязчиво сильная. И всё же в мечтах вдвое больше красок, небо всегда гладкое, как корка льда на замёрзшем озере, а красота не гниёт.

Адам, конечно, был одним из тех смешных идеалистов, которые верят в красоту, становясь при этом воплощением той отвратительной фразы — «красота спасёт мир», которую Достоевский произнёс, даже не подозревая, какую лавину ужаса она вызовет.

Искусство не должно быть красивым.
Искусство должно не быть красивым.

Но в это верила Хелена, а Адам верил во что-то совершенно другое. Буддист и христианин легче бы поняли друг друга, чем Адам и Хелена, потому что и буддийский, и христианский, и любой другой бог — это лишь разные имена одного и того же понятия.

Здесь, разумеется, не было и речи об одном и том же понятии. Здесь речь шла лишь о том, насколько Хелена хотела столкнуть мир в пропасть метаморфозы и о том, насколько этот мир этому сопротивлялся.

А в конце концов, возможно, это и не имело значения. Может быть, только ей Адам казался похожим на мир. Возможно, в нём самом не было ничего мирового, потому что его жизнь, даже больше, чем жизнь остальных жителей Малогорода, можно было бы сжать в книжку восточных мудростей под названием:

«Монах, который никогда не имел Ferrari, да и монахом на самом деле не был».

Глядя на Адама как на мир, Хелена даже не заметила, что новый мир сидит прямо напротив неё и носит Ленина на груди. Новый мир чист и молод, он прочитал много книг о диалектике материализма и коллективном бессознательном, но его неопытность в природе психопатов, против которых он борется, вызывает горький и холодный страх.

Хелена быстро ушла из «Mauricijus». Разум, затуманенный несколькими лишними рюмками виньяка, уже не мог впитывать все эти андеграундные невроты, которыми полна каждая панковская дыра.

Однако садовый гном из «Mauricijus», с которым она когда-то разговаривала под кислотой, преследовал её и пробрался в её двор.

Перед дверью он появился совершенно неожиданно.

— Микки Маус мёртв, — сказал ей гном. — Вы все умрёте. Вы умрёте в кресле, перед телевизором, смотря семьдесят шестую серию «Пуаро», которую показывают уже в пятый раз.

— А мне-то какое до этого дело? — спросила Хелена. — Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Ничего, я просто паникую.

— Ну, я не вижу в этом повода для паники. Это всего лишь маленькая смерть, не то чтобы мы говорили о полном исчезновении... кстати, что со мной происходит, почему я разговариваю с безжизненными, безымянными предметами?

— Простите, мадам, кому это вы сказали «безымянный»? Моё имя — Гном. Garden Gnome. Я в своё время разговаривал с Ницше, знаете ли. Я сказал ему: «Фридрих Ницше, если бог родился в уме, в уме он должен был бы и умереть. Если бы вы действительно хотели его убить, вы бы просто забыли о нём. Повторяя, что он мёртв, вы поддерживаете его жизнь, а делаете это потому, что хотите, чтобы он был жив. Потому что если он мёртв, то, знаете ли, мертвы и вы».

Потом я говорил Элиоту Несу:

«Когда история перекраивает реальность, пешка государственной мафии, которая победит в уличных разборках банд, станет героем, победившим зло. Никто, конечно, не станет спрашивать, какое значение имеет то, что большее зло победило меньшее, или почему вообще зло побеждало зло. Важно петь песни о героях, даже если они фальшивые».

И тому русскому Владимиру я сказал, что перестройка началась задолго до Горбачёва — ещё тогда, когда все торговали улицами Маркса и Энгельса в славянской версии «Монополии», и никто не видел в этом ничего противоречивого. А потом роковые яйца начали вылупляться — правда, при небольшой помощи «со стороны» в виде инкубатора...

— А с бароном Мюнхгаузеном ты тоже разговаривал? — спросила Хелена.

— И с ним, и с ним! Да чем он хуже... Но ещё больше я разговаривал с людьми, которым повезло настолько, что история их не запомнила. Потому что, мадам Вайс, история — это большая злопамятная тварь.

— Хорошо, Гном, хорошо... чего ты от меня хочешь? — разговор начал утомлять Хелену.

— Согласно закону о государственных служащих, раздел 3, статья 27, пункт 2, где утверждается, что каждый имеет право выбирать и быть избранным в ковчег... — бормотал гном.

— Какой ковчег, о чём ты вообще говоришь?

— Как это какой ковчег? Ноев ковчег! То есть, по-новому — Гномов ковчег. Я гном, который в этом году отвечает за стандартизацию ковчеха. Мне нужно выбрать лучших из каждого вида и затолкать их в бункер на случай апокалипсиса, чтобы лучшие выжили.

Библейская евгеника — вот о чём речь, мадам.

Конечно, отбор ещё не начался. Я всё ещё разрабатываю теорию, по которой можно было бы выбирать. Пока она довольно плохая, поэтому большую часть времени я чувствую себя то Чарльзом Дарвином, то католическим миссионером. Хотя я бы хотел попробовать некоторые тесты, если вы согласитесь мне ассистировать...

— То есть мне нужно быть подопытным кроликом? — спросила Хелена.

— Можно сказать и так.

— Ну ладно. Я всё равно не планировала делать сегодня ничего умного. Точнее, не планировала делать ничего умного и в ближайшие десять лет, но ладно...

— Великолепно, мадам, великолепно! Нужно только, чтобы вы сейчас смотрели на этот экран с максимальной концентрацией и дали мне интерпретацию того, что увидите. Это может быть короткое толкование, длинное, мрачное, пьяное, психоделическое, написанное буквами или цифрами — какое угодно.

Просто смотрите на экран...

Хелена широко раскрыла глаза и неподвижно уставилась на тонкий картон, на котором танцевали движущиеся картинки. Первым, что она увидела, была надпись “Looney Toons” и знакомая мелодия из детства. В нескольких концентрических кругах появилась новая надпись — “Merrie Melodies”. Начинался мультфильм.

Сюжет первого мультфильма (Jungle Jitters, Looney Toons, 1938) разворачивается в африканской деревне, а главная тема — племя, напоминающее мурси, но с явно каннибалистическими кулинарными привычками. Коммивояжёр приходит в племя дикарей, чтобы продать им блендеры и пылесосы.

«Позвольте представить вам новейшее достижение в области ведения домашнего хозяйства, из чистой нержавеющей стали, смоделированное по

новейшей формуле...», — повторяет он корпоративную мантру, пока дикари пытаются сварить его в котле.

Услышав шум, их королева Миноха, белокожая и в очках, требует объяснить происходящее. Коммивояжёра вытаскивают из котла и приводят к Минохе, которой он гордо демонстрирует самоподдерживающийся тостер из нержавеющей стали, смоделированный по новейшей формуле.

Только когда Миноху одевают в свадебное платье и приводят католического священника, путник понимает, что его ждёт, и добровольно возвращается обратно в котёл.

The end.

Хелена кашлянула, немного подумала и начала писать. Сначала крупными буквами она написала:

«Мультфильм первый — толкование»

А ниже, словно подзаголовок:

«Каннибалистическая структура анархо-капитализма и корпоративная идентичность как надёжная замена личной идентичности»

После этого она добавила ещё один короткий подзаголовок под подзаголовком:

«Придумали систему, в которой люди становятся коммерсантами на местах и коммивояжёрами, а потом говорят — Тито был плохой, Фидель был диктатор, Чавес то, Мао это».

Под вторым подзаголовком Хелена оставила отступ размером в два пальца и начала писать вводное толкование:

Здесь мы должны увидеть, с одной стороны, дикость нецивилизованного мира, противопоставленную белому миру прогресса, техники и технологий — с целью лёгкого юмора, который, впрочем, направлен на самого белого человека, потому что африканец его бы и не понял, по крайней мере до первой шоковой трансформации и американизации. Но и после этого остаётся вопрос, насколько ему было бы смешно, что дикари пытаются представить его дикарём.

То, что мы здесь на самом деле видим, — это невероятная креативность одного племени за всего лишь семь коротких минут, тогда как контрастом этой креативности выступает белый коммивояжёр, который бесконечно повторяет чрезвычайно глупые фразы, выученные им на семинаре по корпоративной идентичности.

Мы приходим к выводу, что современный способ труда настолько отбросил цивилизацию как идею назад, что человечеству пришлось бы вернуться на три и более тысячелетия в прошлое, чтобы начать строительство цивилизации заново.

В противном случае каннибалистическая сущность корпоративной идентичности настолько пожрёт человека, что от него не останется даже души: он будет сведен к стадии попугая, который через равные промежутки времени повторяет проверенные и надёжные мантры о нержавеющей стали, новейшей формуле, самой эффективной технологии и абсолютной экономии и качестве.

Как заметил сам Хаксли, человек в таких условиях не может оставаться психически здоровым — даже при помощи Ксанакса и неограниченного секса.

Так классическая, непосредственная пытка автократии заменяется одной косвенной, демократической пыткой, в которой палач невидим и коллективен. Палач не только не имеет намерения лично причинить вред — он настолько любезен и полон понимания, что даже хочет помочь человеку в его патологической неспособности адаптироваться к стадии попугая.

Поскольку кажется, что у палача только самые лучшие намерения, мученик, возможно, сам придумал угрозу своей личности, которая должна лишь отдаться техническому прогрессу и позволить ему спасти себя от людоедского варварства — разумеется, съев его.

Картинки синхронно растворялись в знакомой мелодии Merrie Melodies, и начинался второй мультфильм.

Мультфильм 2 (Merrie Melodies, Hamateour Night, 1939):

Вечер любителей. Лис декламирует Гамлета, стараясь уклоняться от помидоров, которыми его забрасывают. Фокусник из Индии кладёт добровольца в корзину и протыкает её саблей. Ромео и Джульетта, которые на самом деле петух и курица, своими поцелуями плавают луну, пока их не прерывает раздражающий смех из зала:

«хуахуахуахуа».

Ромео берёт револьвер и убивает надоедливого хохотуна. Возвращается, чтобы поцеловать Джульетту, из милого клюва которой вдруг раздаётся:

«хуахуахуахуа».

Занавес опускается.

Следуют пианист и говорящая собака. Шоу постоянно прерывает надоедливый Пустоголовец, который пытается петь “Coming 'Round the Mountain”, но сценаристы снова и снова убирают его со сцены.

В конце вечера публика выбирает победителя. Разумеется, голоса не получают ни Ромео, ни Джульетта, ни Гамлет. Убедительным большинством побеждает Пустоголовец, после чего камера с птичьей перспективы показывает зал — состоящий из сотен таких же Пустоголовцев.

Интрига раскрыта.

Хелена быстро взяла карандаш и нацарапала:

«Это легко — мультфильм два представляет предвыборную кампанию».

Затем она сделала отступ и продолжила более разборчивым почерком:

Итак, второй мультфильм за семь минут сжимает всю сущность парламентских выборов и предвыборной кампании, с удручающим выводом, что качество предложения не имеет значения — народ всегда выбирает того, кто больше всего похож на него самого.

В данном случае это Пустоголовец.

Поэтому коммунистический диктатор в славянских странах так похож на капиталистического диктатора, независимо от того, насколько различаются их идеологии, хотя этот вывод следует принимать с осторожностью, потому что коммунистический и капиталистический диктатор, возможно, один и тот же человек.

Дигрессия:

В социалистической Югославии, которая претендовала быть атеистическим государством, каждое утро пели гимн, в тексте которого содержались выражения «пропасть ада» и «проклятие», то есть понятия, напрямую связанные с религией, тогда как романы вроде «Мастера и Маргариты» были нежелательны.

Следует подумать, не убило ли старый социализм именно противоречие, и насколько легко на самом деле было бы исправить мелкие недостатки и снова внедрить подобную систему — хотя бы с благородной целью отмены всех предвыборных кампаний, до дальнейшего распоряжения.

Дигрессия 2:

Солженицын получил Нобелевскую премию за свои романы о ГУЛАГе, и тем самым он был награждён не столько за художественный вклад, сколько за то, что подарил Западу прекрасную бизнес-идею.

Было бы жаль, если бы столь продуктивная бизнес-концепция трудовых лагерей исчезла вместе с СССР или немецким национал-социализмом, поэтому корпоративная Америка и такая же Европа берут на себя тяжёлое бремя продолжения традиции.

Разумеется, традицию продолжают там же, где она и началась — на Востоке.

Стоит подумать о временных мерах, которые могли бы спасти славянский Восток — например, постоянная предвыборная кампания.

Предвыборный подкуп народа мог бы подавить голод, который пытается устроить Владимир Горд, если его не опередит эпидемия идиотизма.

Дигрессия 3:

Суммируя вышеприведённые дигрессии, можно прийти к выводу, что следует забыть и предвыборные кампании, и оба провалившиеся системы.

Стоит подумать о внедрении зелёного, то есть эко-анархо-коммунизма, но при этом следует быть осторожным с зелёным: если заставить народ есть слишком много рукколы или брокколи, он взбунтуется, каким бы утопическим ни был строй.

Поэтому к зелени нужно добавить немного старого доброго красного.

Дигрессия 4:

Внедрение системы — не работа для обычного человека, и тем более не для женщины, настолько потерянной, что она не способна даже стать частью «малой группы людей, которая единственная может изменить мир».

Соответственно, необходимо переехать в Норвегию, где уже вполне успешно функционирует демократический социализм или социал-демократия — что бы ни означали эти слова.

И дело здесь не в том, что у Норвегии есть нефть — у России тоже есть нефть, а живёт она в тех же дерьмах, что и Амия.

Дело в том, что Норвегия не претендует быть силой, и потому сама становится «маленьким человеком» — счастливым в своей лесной избушке и со своей удочкой.

А Россия имеет обязанность и долг быть не только силой, но и идиологией для поработанных стран и народов, которые, когда осознают всю пустоту и бессмысленность корпоративной идеологии, окончательно сойдут с ума и начнут убивать друг друга, если не обратятся к другому идолу и, соответственно, идеалу.

Здесь, если вы Россия, стоило бы подумать о том, чтобы предложить миру, превращённому в заводной апельсин, действительно лучшую идеологию — вместо возможного соревнования с Западом в искусстве красиво упаковывать туман.

Если же, слава богу, вы не Россия, надейтесь, что вы и не Америка.

Следует отметить, что во всём этом гораздо лучше быть Норвегией — или быть в Норвегии — и не вмешиваться в мировой геополитический рагу.

В том же контексте можно использовать и Канаду.

Следующий мультфильм (Mickey Mouse, The Mad Doctor, 1933) был крайне простым и немного банальным. Добрый старый Микки Маус, который, между прочим, является аллюзией на американскую мечту, оказывается в ситуации, где злой доктор-рефлексолог похищает пса Плуто, чтобы проводить над ним какие-то исследования.

Вдруг Микки просыпается и понимает, что всё это было всего лишь дурным сном.

Happy end.

Мультфильм 3, толкование:

Сумасшедший доктор — это Иван Павлов. Мультфильм показывает исконный американский страх перед русским прогрессом, который пытаются нейтрализовать насмешкой. Насмешка здесь осторожная и деликатная, что намекает на существование холодной войны. Лишь когда война станет горячей, насмешка станет прямой, а удары — низкими.

Примечание автора — следует учитывать, что условный рефлекс был открыт не путём голодания собак, а путём их кормления.

Ещё одно примечание автора — напоминание самому себе: переехать в Норвегию, прежде чем интересные времена окончательно развернутся и начнут рожать и вскармливать великих, выдающихся и, разумеется, несчастных людей.

Следующий мультфильм (Mickey and the Beanstalk, 1947) был вариацией известной сказки о Джеке и бобовом стебле, только вместо Джека главным героем был, конечно, Микки Маус.

Чтобы спасти себя и своих друзей от голода, он решает продать корову, но какой-то незнакомец обманывает его и продаёт ему волшебные бобы.

Почему бобы могут быть волшебными, так и остаётся неясным — так же, как непонятно, как камень может быть драгоценным.

Тем не менее оказывается, что эти бобы — путь в другой мир, где живёт богатый великан. У великана есть курица, которая несёт золотые яйца, и, по всей видимости, именно она является источником его богатства.

Курица — вечный и неиссякаемый источник дохода, капиталистический *perpetuum mobile*, который представляет собой не что иное, как соединение хорошей бизнес-идеи и силы, необходимой для её реализации.

В таком виде она могла бы решить все финансовые проблемы бедного Микки и его друзей.

Микки, разумеется, не видит другого способа выжить, кроме как украсть курицу. После этого Микки и его друзья живут счастливо и благополучно до конца своих дней.

Толкование:

Дисней здесь, без сомнения, намекает на первоначальное накопление капитала. Если принять во внимание, что Микки Маус — символ корпоративной Америки, становится ясно, что её начальный капитал получен грабежом.

Микки и его друзья не могли поднять восстание против правительства, которое морит их голодом, поэтому они были вынуждены искать источник своего счастья в других странах и в чужой собственности.

Если придать этой истории оттенок реальности, вполне вероятно, что Микки, когда отправился продавать корову, был завербован сотрудником военно-разведывательного агентства и отправлен в Афганистан или какую-нибудь другую заморскую страну, где есть нефть.

Если же взглянуть на историю с сублиминальной точки зрения, можно увидеть, что индустрия мультфильмов пугает людей коммунизмом с самого детства: богатые крестьяне Микки, Дональд и Гуфи станут бедными крестьянами, потому что государство заберёт всё их зерно, чтобы финансировать централизованную городскую индустриализацию (аллюзия на Голодомор, прим. авт.).

Но вернёмся к сути — золотой курице.

Она является капиталистическим Святым Граалем — клоакой, которая ест ягоды, а испражняется сухим золотом, и которая возвращает нас к самому древнему вопросу:

что было раньше — курица или яйцо,
или, другими словами, как возник мир,
или, ещё точнее, как на самом деле произошло первоначальное накопление капитала.

Не обманывайтесь: эти три вопроса на самом деле — один и тот же вопрос.

Всё сводится к тому, кто первым кого ограбил:

евреи — египтян,
римляне — христиан,
христиане — римлян,
Европа — колонии,
нацисты — евреев
или Запад — Восток.

На самом деле всё сводится к тому, кто первым у кого отобрал топор, глиняный сосуд и шкуру мамонта.

Потому что именно с первой классовой неравенством в истории — начавшейся с первого грабежа, то есть с первоначального накопления капитала — началась золотая эпоха капитала.

Именно тогда родилась курица, которая несёт самые ценные яйца в мире.

И теперь она принадлежит государству Микки Мауса, у которого крыша — пропаганда вместо культуры, а фундамент — кража кукурузы, как бы они ни пытались представить эту кражу сбором плодов ничейной земли.

Пятый мультфильм (One Froggy Evening, Merrie Melodies, 1955) оказался для Хелены особенно вдохновляющим.

Некий бедный строительный рабочий находит в старой коробке из-под обуви поющую лягушку. Проблема в том, что лягушка поёт только перед ним. Когда же он пытается показать её публике и заработать на её необыкновенном таланте, она ведёт себя как самая обычная лягушка, упорно выставляя его сумасшедшим.

Интересно, что лягушку зовут Michigan J., на ней фрак, цилиндр и трость, которые дополняют образ превосходного лягушачьего баритона и его шлягера:

«Hello my baby, hello my honey...»

В конце концов мужчина оказывается в психиатрической больнице, возвращает лягушку туда, где её нашёл, а процесс повторяется в будущем, когда какой-то другой несчастный на стройке снова находит Michigan J. Лягушку.

Да, действительно вдохновляюще.

Так думала Хелена, дав своему толкованию этого пятого мультфильма название:

«Портрет художника через двери восприятия, или почему Булгаков действительно подсел на морфий»

и начала писать своё объяснение прямо под заголовком.

Каждый человек, который ведёт борьбу, должен знать, что дело всей его жизни — это лягушка Michigan J.

Что бы вы ни создали, никто не увидит ценности вашего творчества. Никому нет дела. Даже если кому-то и есть дело, они не способны распознать никакую ценность.

Ответ на кровавый труд творца зависит от небольшой группы людей, которые греют задницы у печей благополучия империи и употребляют разные вещества. Их реакция на творчество художника зависит от того, каким был трип и оправдал ли гашиш ожидания.

Если ваше произведение рассмешит их в момент, когда они под кайфом — вы получите ценность и штрих-код.

В противном случае можете идти к чёрту — и вы, и ваша лягушка.

В большинстве случаев никто и не получает штрих-код, который стоил бы достаточно, чтобы жить на скромной деревенской ферме и кормить кур.

Большинство таких творцов втянуты в городской водоворот попыток и ошибок, работают в бухгалтерских конторах и несчастны до костей.

После одиннадцати-двенадцати часов работы с цифрами или закручивания крышек на бутылках йогурта на конвейере неудивительно, что смыслом жизни становится лягушка, поющая:

«Hello my baby, hello my honey, hello my ragtime gal...»

В конце концов, только дурак не видит нового платья короля. Но зато над бездомным все смеются, потому что он голый.

И в конечном счёте, увидит ли вас публика гением или шизофреником, которому мерещатся поющие лягушки, зависит лишь от одного — король вы или бездомный.

Дигрессия 1:

Моя лягушка поёт:

«Год назад у нас была машина,
Но её свиньи съели наполовину.
Так как любим безумную скорость,
Купили себе Wartburg-лимузину...»

Дигрессия 2:

У каждого творца есть свой особый побег от реальности.

У Булгакова был морфий,
у Хаксли — кислота,
у Ван Гога — отрезанное ухо,
у Гогена — Таити.

Особенно интересны те творцы, которые использовали депривацию, включая и целибат. Современная история не помнит их как значительных, хотя именно они единственные могут дать индивидуальному разуму рецепт выживания в коллективном безумии.

Когда они, в мёртвой тишине, просыпаются в влажной постели после сна экстаза — сна, освобождённого от оков сознания и его ограничивающих страхов — им становится ясно, что только физический побег от этой квази-цивилизации освобождает.

Кокаиновый транс или кислотный трип — лишь видения. Как только их действие проходит, над головой нависает циничная летучая мышь, которая, цитируя Пелевина, шепчет на ухо:

«Нам здесь творцы на хуй не нужны.».

Дигрессия 3:

«Wartburg-лимузина имеет пять скоростей,
Дымит сильно и колесо у неё болтается.
А где есть дым — там есть и огонь...
Ох, чёрт побери — да ведь двигатель горит!»

Хелена рассмеялась сама над собой.

Следующий мультфильм (Betty Boop, Poor Cinderella, 1934) был вариацией Золушки с Бетти Буп в главной роли. Он был настолько сухим и безжизненным, что Хелена не могла сосредоточиться ни на чём, кроме головы Бетти, похожей на искажённую коробку телевизора, и её маленьких, густо накрашенных губ, которые манерничали до изнеможения.

Глядя на Бетти Буп, ей в голову пришла только одна мысль — Амия.

Толкование:

Амия была первой ассоциацией, возникающей в уме, когда смотришь мультфильм о глупой и наивной девушке, которая не имеет ни малейшего понятия, что ей делать с собой — до уровня полного абсурда.

Итак, Амия — это государство Бетти Буп.

И, конечно, сейчас легко пуститься в рассуждения о какой-нибудь буддийской реке познания, по которой индивидуум выплывает из повседневности. Но индивидуальное в нас на самом деле не в состоянии ничего постичь в условиях такого масштаба коллективного распада.

Сегодня — последняя стадия капитализма, когда «средний класс» перестаёт существовать не только среди людей, но и среди государств.

Существует лишь империя и её колонии.

И дело не только в кризисе капитала. Сегодня — день кризиса государства и, что самое интересное, кризиса власти.

Власть даже в империалистическом дворце полностью утратила легитимность — и не как отдельная фигура или форма, а как сам концепт.

Всем стало ясно, что не существует формы власти, партии, человека или супергероя, который мог бы восстановить доверие к самой идее власти.

Частые смены и полный распад идеологии привели не к изменению народной воли, а к её полному краху и фактическому отсутствию.

Финальная, шизоидная стадия депрессии — когда всё уже совершенно безразлично — распространилась как вирус.

И правящие структуры правят уже не манипулируя массами — потому что даже дураку ясно, что массы больше не верят в эту историю, — а манипулируя отдельными людьми.

Точнее — они манипулируют членами партии.

Каждому по отдельности обещают то, что он хочет получить, в обмен на формирование небольшой массы, которая объединена не благородной идеей здоровой идеологии, а индивидуальными обещаниями, что каждый мелкий интерес будет удовлетворён.

Разумеется, ни одна партия никогда этого не выполняет.

Каждая партия лишь пачкает твоё имя, тем самым связывая тебе руки, чтобы ты никогда больше не смог сделать из этого имени бойца.

Потому что даже если завтра ты отдашь жизнь за самое благородное дело, ты навсегда останешься бывшим членом PPS и подданным Владимира Горда.

К счастью, на часах Золушки пробивает полночь, и человечество теряет всякую иллюзию, что красивое платье спасёт его от демона пожирающих процентов.

Власть больше не способна обманывать.
Власть проигрывает битву.

Конечно, не стоит обольщаться, что власть просто так сдастся. Нарциссические психопаты скорее устроят тотальный хаос, чем согласятся на компромисс.

И не стоит обманываться: промежутки между мировыми войнами увеличились не потому, что человечество стало умнее, а из-за технологического прогресса, который лишь замедляет процесс от момента прихода скотов к власти до массового голода как прямого следствия их правления.

Здесь никто не становится умным пока не становится слишком поздно.

Суть любого общественного устройства такова:

индивидуальное приспосабливается к коллективному, пока может психически это выдержать;
после этого коллективное начинает приспосабливаться к индивидуальному.

Если применить это к сегодняшнему дню, родилась бы новая экономическая мысль, основной лозунг которой звучал бы так:

экономики вообще не существует.

И как помочь коллективной Амии — или хотя бы индивидуальному человеку внутри Амии — остаётся открытым вопросом.

Самый точный ответ: никак.

Великая жертва индивидуального произойдёт не так, как в старом коммунизме — не в виде подавления личной свободы ради общего материального благополучия, то есть жертвы искусства ради хлеба.

Она произойдёт жертвой и искусства, и хлеба — и это будет окончательная победа капитала.

Или, если дополнить марксову аксиому о том, что

«последний капиталист, которого мы повесим, будет тем, кто продал нам верёвку»,

то стоит добавить ещё одно наблюдение:

продавец и покупатель этой верёвки окажутся одним и тем же человеком.

Экран на картоне погас, и Хелена облегчённо вздохнула. Она уже порядком устала, и её концентрация слабела. Гном это заметил и начал что-то записывать в своих служебных заметках. Хелена зажгла сигарету.

— Устала? — спросил гном.

— Немного, — ответила она. — Хотя я считаю всё это невероятно забавным.

— Это серьёзные вещи, — нахмурился гном. — Если такие серьёзные вещи вас забавляют, возможно, вы не тот человек, который нашёл бы своё счастье в нашей команде...

— Ты пытаешься мне что-то сказать?

Гном достал из кармана рулон белой папиросной бумаги, другим концом ручки немного утрамбовал находящуюся внутри магию и поджёг. Протянул Хелене, а затем продолжил разговор.

— Видишь ли, твои ответы слишком инновационны. По моей редарвинистской теории компания «Ноев ковчег, инк.» была бы подорвана этой инновационностью в самом своём основании. Представь, например, систему, в которой у всех достаточно еды и сна, а для этого нужно лишь немного работать — скажем, шесть часов — и вдруг появляется кто-то вроде тебя и начинает рассказывать историю о красно-зелёной коалиции, совершенно не заботясь о том, что кто-то может принять эту болтовню всерьёз.

Это повлекло бы за собой шаги, которых наша корпорация старается избегать. Например, нам пришлось бы снова открыть сталинские ГУЛАГи, а тогда скажут, что мы репрессивное общество.

Если бы мы пошли обратной логикой и всех остальных убрали от вас в бункеры Энвера Ходжи, тогда скажут, что мы душим свободу и впадаем в паранойю.

В общем, расплодится куча таких идиотов, которые примут вас всерьёз. Они будут постоянно ныть о каких-то притеснениях и философствовать о каких-то свободах, пока снова не разовьют либеральную демократию, а оттуда, как уже очевидно из имеющихся примеров, всё может пойти только по известной цепочке:

рыночные либертарианцы → капитализм → империализм Микки Мауса → власть идиотов → террор постмодернизма → война за нефть → атомная бомба.

Хотя она и не хотела быть частью Ноевой корпорации, Хелена всё же немного обиделась.

— К тому же ты исчезаешь, — сказал гном.

Хелена вздрогнула и рефлекторно схватилась за ребро, пытаясь скрыть дыры в своём теле. А потом вспомнила, что он всё равно не мог увидеть их сквозь одежду.

Как же он понял? — подумала она, затянулась ещё раз белой самокруткой и увидела, как густой дым извивается, выходя из отверстий в её теле.

Ага — значит, дым её выдал.

— И какое это имеет значение? — спросила она. — И что вообще означает это исчезновение?

— Это означает, что ты не очень в любви с человеческим родом. На самом деле, возможно, ты его и любишь, но человеческий род не любит тебя. И не просто не любит — он воюет.

Исчезновение означает, что они побеждают.

— И что я могу с этим сделать? — спросила Хелена немного цинично.

— Ничего. Исчезновение — это лишь визуальное представление того, как, позволь мне говорить менее формально, ты себя чувствуешь. Наш внутренний космос — не просто пустая иллюзия. Когда это необходимо, он всасывает материю в себя.

— Как оборотный капитал?

— Скорее полная противоположность оборотному капиталу.

— Как это?

— Оборотный капитал — это выдумка, которая была воплощена. Исчезновение — это всасывание воплощения обратно в себя.

— Почему внутренний космос захотел бы втянуть в себя свою физическую репрезентацию? — спросила Хелена.

— В том-то и дело, что он этого не хочет. Любой космос стремится к расширению и энтропии. Но если ему становится тесно, он начинает душить энергию, необходимую для расширения.

Так он накапливает энергию, накапливает...

Но поскольку внутренний космос отличается, например, от давления в бутылке, он не взорвётся. Он просто направит эту энергию на самоэлиминацию.

Потому что космос руководствуется простой и естественной логикой: если его энергия и идеи никому не нужны, самоэлиминация — вполне логичный шаг.

Так этот космос поедает самого себя — и в своей реальной, духовной форме, и в своей материальной репрезентации, которая является не чем иным, как кривым, извращённым зеркалом его истинной духовной сущности.

— Понимаешь?

— Да, но... почему мой космос не хочет существовать? — почти печально спросила Хелена.

— Потому что нет денег, — ответил гном.

— Хмм, из-за денег? — сказала Хелена. — Но в этом нет никакой логики!

— Для внутреннего космоса это имеет абсолютную логику. Он считает, что если таким, каков он есть, не может обеспечить своей материальной репрезентации элементарные средства к существованию, то существование и его самого, и его отражения в извращённом зеркале — совершенно излишне.

Поверь мне, он бы с радостью сам отделился от своего воплощения, то есть от твоего тела, и позволил бы тебе работать и жить. Но твоё тело — это его отражение в зеркале искажений, и оно не может существовать без него. Понимаешь?

— Хмм... и я ничего не могу сделать? — спросила Хелена.

— Можешь. Зарабатывай деньги. Зарабатывай столько, чтобы выжить и чтобы твой космос не восстал и не отреагировал на это ужасным, саморазрушительным способом.

— Но это невозможно. Маммон везде. Нужно работать на Маммона. Чёрт возьми, я не Достоевский.

— Послушай, весь мир сейчас в полном дерьме. Достоевский в наше время не заработал бы и пятидесяти центов. Может быть, «Игрок» — если бы он вставил туда сцену минета в туалете казино...

— Тогда кем мне быть?

— Это не совсем вопрос выбора. Ты есть то, что ты есть.

— Значит, просто отпустить всё и исчезнуть? — спросила Хелена.

— Попробуй поставить свою материальную репрезентацию перед кривым зеркалом. Возможно, с другой стороны ты увидишь свой внутренний космос.

— И как это сделать? Наркотиками?

— Ты вообще не думаешь! — крикнул Гном. — Как наркотики тебе помогут, если они стоят как чёрт знает что! Тебе нужно зарабатывать деньги, а не тратить их.

— Я правда не понимаю... — пробормотала Хелена. — Чтобы весь мой дух так зависел от денег... что это за времена... хотя, какие бы ни были времена, дело не во времени, а в духе, который якобы самоуничтожается в соответствии с требованиями окружения, потому что не способен к этим требованиям приспособиться и эволюционировать.

— Но он именно это и делает! — сказал гном. — Он приспосабливается к окружению, которое само себя уничтожает.

Эволюция и саморазрушение — это одно и то же.

— Хорошо, тогда как мне заработать деньги? — спросила Хелена.

— Никак. Если бы могла — ты бы не исчезала.

— И тогда выживут те, кто переносит всё это как сталь — и не просто переносит, а ещё и использует ситуацию?

— Нет. Выживут те, кто решит мой тест.

— Знаешь... — печально прошептала Хелена, — ...не больно не быть избранным. Больно, когда знаешь, что ты не избран. Неудивительно, что средний человек вкладывает все свои силы в то, чтобы защититься от знания.

— Жаль. Знание — это единственный путь к надёжному, блаженному невежеству, — усмехнулся гном, а затем, увидев её грустные чёрные глаза, сжалился. — Слушай, я могу рассказывать тебе сказки о монашеской жизни и разглагольствовать о просветлении, но всё это — соломинка для утопающего. Всё так, как есть: одни поднимаются, другие исчезают. Одним везёт — они издалека вторгаются в Польшу, другим не везёт — они рождаются в Польше во время вторжения. Всё дело в удаче и выносливости внутреннего космоса. Чёрт поberi.

— Ну да, конечно! — натянуто рассмеялась Хелена. — Суть жизни в городе Малоград на юго-востоке страны Амии можно свести всего к двум словам — «чёрт с ним». То, чем является амин в христианстве, аллаху акбар в исламе, товарищ в ленинизме, «и так далее» в жижекловщине — тем самым в эпоху капитала стало «чёрт с ним». Но это я знала ещё до того, как ты появился у моей двери.

— Эй, Вайс, не принимай на свой счёт... я просто дал выход своему внутреннему космосу... всё-таки это уже третья самокрутка с утра...

— Ладно, ладно... но что мне теперь делать? — спросила она.

— Откуда мне знать? Вы, люди, всё время хотите что-нибудь делать... расслабься. Влюбись, — сказал Гном, затягиваясь ещё раз.

— Ты издеваешься? Влюблённость — самая переоценённая вещь на свете, после поп-арта.

— Тогда что-нибудь пописывай... вижу, у тебя есть талант. И не обязательно изобретать какую-то особенную тёплую воду. Имитируй. Твоя цель не завоевать мир, а спасти свой космос парой монет.

К тому же имитация — это маленькое совершенство амбивалентности, качели между насмешкой и восхищением. Она как шоколадная глазурь на шоколадной глазури. В конце концов, весь мир построен на имитации — и это называется повторением хорошей практики.

С этими словами гном вытащил из кармана карточку, на которой была нарисована славянская бабушка — в длинной юбке и платке. Это была карточка из старого букваря, случайно оказавшаяся у него в кармане.

— Вот, — сказал он. — Пусть твоей темой будет баба. А начни с короля всех писак — Фёдора Достоевского. Давай, имитируй мне сейчас Фёдора Достоевского.

Хелена взяла ручку и написала:

Имитация 1, Фёдор Достоевский:

«То, чем он был, не было ясно никому, даже ему самому. Если что-то и бывало ему иногда ясно, то не тем образом, каким это бывает ясно русскому человеку девятнадцатого века. Ибо человеку девятнадцатого века ничто не может быть ясно, потому что ему суждено, чтобы всё было неясно, то есть чтобы ему ничто не было ясно. И ничто, ничто из того, что он тогда сделал бы, не могло снять с его лица ту вину, которая была ему непонятна, хотя он и знал, что убийство бабы и слабоумного свидетеля не могло быть таким уж грехом, поскольку баба всё равно накопила бы капитал, а слабоумный свидетель стал бы премьер-министром какой-нибудь балканской страны или президентом Америки. Но что это я бормочу? Довольно, дорогой Икарий Семёнович, довольно об этом!»

Имитация 2, Лев Толстой:

«И тогда он убил его, семь раз вонзив копьё в гангренозную ногу. Тот умирал медленно. Затем он выстрелил в женщину. Тёмная кровь брызнула на шёлковую нижнюю юбку, а гной и раковые внутренности растеклись по её округлым грудям. Он прекрасно понимал, что это уже ничем не исправить, и потому распорол себе живот напильником и прыгнул в санкт-петербургскую реку, желая умереть дважды — один раз телом, а другой раз душой, чтобы искупить свою преступную совесть. Что вы хотите сказать — тема баба? Какая баба? Да пошёл ты к чёрту, я тебе не Достоевский.»

Имитация 3, Десанка Максимович:

«Было это в какой-то стране крестьян на гористых Балканах, стоял отряд баб в очереди перед банком в один из дней; одни и те же годы им вынесли приговор конкурсные управляющие, одинаково текли их дни перехода, одинаково инфляция съела молоко, хлеб и деньги, и всех их одинаково погубили фашисты, что зовут себя либералами.»

Имитация 4, Эдгар Аллан По:

«Та баба смотрела на меня глазами, раскалёнными как угли из ада, призывая своими чёрными белками демонов восточного подземелья. Ах, какие страшные глаза были у неё! Те глаза! Те глаза, что разлучили меня с Ленорой, — никогда более, никогда более! С Мортишей разлучили... никогда более, льются дожди из-за Мортиши, из-за Мортиши.»

Имитация 5, Виктор Пелевин:

«Бабы шли по грязной русской тропе одна за другой так, что наблюдателю казалось — всё это клон одной и той же бабы. Над их головами, в самом сердце Вашингтона, мерцала сине-фиолетовая надпись из голографических ламп. Уже не было сомнений, что это одна и та же баба; некоторые бабы даже выходили из живота других баб, в стиле традиционной русской практики. И в конце Олегу стало совершенно ясно, что никакой бабы на самом деле и нет.»

Имитация 6, Славой Жижек:

«В фильме Джеймса Кэмерона “Титаник” мы видим, что происходит, когда низший и высший классы уравниваются. Появляется айсберг. Из ниоткуда. И всё к чёрту разрушает. Поэтому вы, пионеры эсид-философии, должны заранее понять: вся ваша красивая и безопасная жизнь в роскошных каютах и хороших ресторанах разлетится, как корабль о ледяную глыбу, в тот момент, когда вы пожелаете бесклассового общества. Эта злая социальная справедливость отнимет у вас все кубинские сигары, китайские игрушки и корейские петарды. И никто лучше не спасёт вас от социальной справедливости, чем американская армия. Кофе в Starbucks по пятницам со скидкой, игрушки с моим лицом — бесплатно!»

— Неплохо у тебя получаются эти имитации... возможно, я мог бы включить тебя в узкий список для ковчега, — сказал гном.

— Готова поспорить, ты всем девушкам это говоришь, — оскалилась Хелена.

— Я не такой гном. А скажи мне: что бы ты сказала своему поколению, если бы сняла все маски? То есть без имитаций — ты как ты. Что бы ты им сказала? — спросил гном.

Хелена задумалась. Она затянулась ещё раз и заметила, что самокрутка догорела почти до самого картонного фильтра. Она затушила её, закашлялась и на мгновение приняла позу, будто выступает перед толпой молодых людей, родившихся примерно в те же десять лет, что и она.

Но затем она отказалась от этой мысли и снова села. Она сказала гному, что всё равно не смогла бы произнести перед ними речь. Она не знала бы, что им сказать. Она не смогла бы говорить пятнадцать минут с одинаковым пылом — потому что в этом пыле обязательно почувствовались бы сомнение, горечь и отсутствие направления.

Потом она немного подумала, почесала голову и вдруг подпрыгнула.

— Вспомнила! — воскликнула она.

Гном с любопытством посмотрел на неё.

— Вы родились мёртвыми, — сказала она. — Именно это я бы им сказала: вы родились мёртвыми.

Гном по-дружески и сочувственно сжал ей руку и, оставив ей ещё два белых бумажных цилиндра, наполненных магией, пошёл вниз по улице, над которой уже сгущалась приятная ночная темнота.

10.

Было воскресенье, и Хелена ненадолго задремала. Ей приснился вполне обычный сон. Она увидела себя сидящей перед компьютером и бесцельно бродящей по интернету. Всё было так же глупо и скучно, как и наяву. Но это была не совсем та Хелена, скорее старая Хелена — та, которая читала комедии, опечалившие целые поколения мертворождённых на этих землях, веря, что что-то изменится.

То была Хелена, которая ещё во что-то верила, которая ещё училась, — словом, та, которая ещё не шагнула в мир неолиберальных реформ и мер жёсткой экономики.

Эта Хелена, через старое dial-up-соединение, висела в интернете.

Сначала она проходила тест «Насколько вы сексуальны — от нуля до “Младой Боснии”». Это было просто чтобы развеять скуку.

Потом читала комментарии к русскому фильму «Жмурки», в котором классические бандиты девяностых дерутся на улицах, прежде чем стать чиновниками.

Один американец, некий Z. Smith, написал под фильмом, что получил удовольствие от «этого почти научно-фантастического триллера».

Ванечка на чистом русском ответил ему:

— Да пошёл ты со своей научной фантастикой и триллером, это наша реальность.

Семь амийцев под этим устроили оффтопную бойню, споря о том, кто виноват в распаде Югославии, был ли Тито одновременно шпионом ЦРУ и КГБ, и правда ли, что Энгельс призывал к геноциду южных народов.

Ниже кто-то оставил SMS-номер, на который нужно было отправить доллар с половиной, чтобы получать прогнозы результатов футбольных матчей для ставок.

Восьмой амиец в отчаянии «перерезал себе вены», цитируя реплику из фильма: — Не Милошевич виноват, мы сами дерьмо...

В общем, это было отличное начало качественного кошмара.

Неожиданно кошмар принял интересный оборот. Члены какого-то небольшого красного движения праздновали столетие Октябрьской революции, стреляя из пистолетов в воздух. Одна пуля случайно отклонилась и убила сенатора.

Покушение вызвало эффект домино. Структуры власти начали рушиться, здания горели, после чего интернет-соединение оборвалось. Электричество исчезло, а по улицам завывали сирены пожарной тревоги...

Хелена проснулась.

Первая мысль, которая пришла ей в голову после пробуждения, была о том, что одна правильно направленная пуля — это всё, что нужно.

Тогда ей впервые пришла идея устранить Грина Коридина.

Странно — почему именно Грин Коридин, она и сама не понимала. Он был смешной фигурой, одним из миллиарда демонов, высасывающих силу из этого мира ради своих воображаемых игр, одним из тех, кого легко заменят новые мелкие психопаты, продающие мир за горсть долларов.

Возможно, причина была в том, что Грин Коридин ещё не был окружён камерами и телохранителями, и пуле было бы довольно легко до него долететь.

А возможно, во всём этом была доля личной, гамлетовской мести. Нельзя отрицать: Грин Коридин (для всех жителей Малограда, а особенно для Хелены), каким бы мелким винтиком власти он ни был, — по-гамлетовски испортил им жизнь.

Интересно, будто предчувствуя её мысли, Грин Коридин именно в тот день приказал своим слугам принять Хелену на работу, начиная со следующего понедельника. И у неё почти не осталось времени размышлять о своей революционной идее.

Человек, занятый выживанием, редко думает о революциях. И в этом — величайшая трагедия нашего бедного и маленького славянского существования: мы не думаем о революциях тогда, когда это нужнее всего, и думаем о них только тогда, когда их должен вести кто-то другой.

Хелена тоже не была свободна от этой славянской привычки.

Очень быстро она начала думать о рубашке, которую наденет в первый рабочий день, вместо того чтобы думать о том, о чём действительно нужно думать в эпоху мертворождённых.

Самая большая ошибка поколения Хелены заключалась в том, что они пытались найти смысл жизни, вместо того чтобы придать смысл своей смерти.

Ганнибал уже у ворот Амии и говорит:

— Good evening, Clarice.

Но Хелену тогда это особенно не волновало. Всё-таки она получила работу в городе, где работа — почти лотерея. Теперь она могла, как и половина нации, быть счастливой, вставая каждое утро, чтобы работать за арахис и попкорн, за богов и их прибыль, ради благородной цели движения к ничто, начертанному на ладони чёрного Востока как судьба.

Интересно, что жизненный вопрос Хелены зависел всего лишь от одного телефонного звонка Грина Коридина. Грину Коридину даже не нужно было ничего говорить своему собеседнику — достаточно было поднять трубку и кивнуть головой. Собеседник господина Коридина, конечно, не мог увидеть этот кивок, но наверняка понял всё по тому, как господин Коридин дышит.

Итак, одно произнесённое слово короля Малограда вполне достаточно, чтобы обычный человек получил работу в государстве, где работа — роскошь.

Фирма, в которой Хелена начала работать в понедельник, называлась Агентство по электродистрибуции. Чем именно занимается это агентство — никто толком не знал. Это была какая-то консультационная компания, которая объясняет электрической энергии наиболее эффективный путь, по которому ей следует двигаться к бойлерам и стиральным машинам среднестатистического домохозяйства.

Однако её настоящей деятельностью была прикладная коррупционно-непотистская эклектика и интеллектуальный терроризм.

Хелену посадили в маленький кабинет ещё с шестью женщинами. Кабинет был красивый — с большим окном на солнечной стороне улицы.

Проблема заключалась только в том, что все эти шесть женщин умеют говорить.

А поскольку в муниципальных фирмах, особенно в тех, в названии которых есть слово «агентство», работы нет и они служат лишь видимостью экономического существования, всем этим женщинам ужасно скучно.

А Хелена — в аду.

Это тот самый момент, когда, переступая порог кондиционированного офиса и оказываясь вместе ещё с шестью людьми в комнате площадью несколько квадратных метров, ты внезапно понимаешь, что жёстко облажался.

— Каждое утро я съедаю 35 граммов ржаного хлеба, тонко намазанного хумусом, и нежирный йогурт. На обед — две ложки горошка, 28 граммов варёного куриного мяса... на полдник — плитки из гречки... — говорила коллега А.

— А что такое кускус? — спросила Хелена. — Это, ну... сурок?

Все смотрят на неё так, будто она слабоумная.

— Хумус... — поправила её коллега А.

— Хе-хе... — покраснела Хелена. — Я шучу...

Все молчат.

— Яйцо содержит 30 калорий, банан — 89... сельдерей... 63... 101... — говорит коллега Б.

— Мне никогда не жалко денег на качественную тушь или карандаш для губ. Я всегда беру карандаш Maybelline номер 88, nude. Это такой цвет, как абрикос, но и не совсем абрикос — что-то вроде... как бы его описать... оранжево-розовый... но довольно бледный, с таким, как бы, блестящим кончиком и колпачком в цвет. Я никогда не покупаю те, что с чёрным колпачком — они крошатся и сушат губы. Самое главное — чтобы не сушил кожу... — говорит коллега С.

Голоса начинают смешиваться.
В голове Хелены что-то гремит.

Огромный кускус нависает над ней и смотрит своими выпученными, проклятыми глазами.

— 80 калорий... 120 калорий... Versace Gold... Valentino Life & Beauty... Super Wellness London Style... 66 калорий... новая double effect mascara...

Кускусы маршируют и трубят в трубы.
У Хелены кружится голова.

— Maybelline New York делает акцент на новом поколении женщин, свободных выражать себя каждый день по-разному. Это поколение, которое жаждет новинок, следит за трендами, легко их потребляет и полностью адаптирует под себя...

Кускусы становятся розовыми, затем цвета переливаются в клетки и полосы.
Египетские пирамиды танцуют под их трубы.
Солнце восходит и превращается в глаз Гора.
Кускусы превращаются в сурков и танцуют по кругу, по кругу, по кругу...

Тот же день повторяется снова и снова.

— Идеальные локоны делаются так: прядь толщиной в два с половиной пальца накручивается на плойку и затем направляется к себе... 14 граммов кускуса... намазать на ржаной хлеб, нарезанный ломтиками по четыре миллиметра...

Каждый день с 7 до 16.

Каждый день разговоры о калориях, родах, кремах для тела, помадах, узорах на платьях, причёсках.

Покупают шарфы и юбки по образцу Кэрри Брэдшоу и ходят с иллюзией Нью-Йорка в голове.

Массовый психоз.

Массовая безумная идея о красоте, уме или значимости людей, которые уже не важны даже самим себе.

Idealia nervosa.

Брижит Бонанца была права.

Хелена уже не уверена, июнь сейчас или октябрь.

Не уверена и в том, среда сегодня или понедельник.

Коллеги обсуждают силу позитивного мышления.

Делятся мудростями Луизы Хей.

Затем переходят к теме стрельбы в одной из бывших югославских республик.

— Это могли быть мы, — говорят они.

— Терроризм — зло XXI века, — говорят они.

И очень быстро с темы заботы о жизни переходят к теме цвета волос.

Что лучше: светлый махагон natural или светлый махагон classic?

Natural или classic?

Nike или Reebok?

Ice coffee или coffee latte?

Coca-Cola или Pepsi?

Сви древние, античные неразгаданные ребусы, все загадки величественной Сфинксы, все искатели Святого Грааля падают на колени перед новым веком и сводятся к одному великому вопросу, который улыбающаяся работница в жёлто-красной форме повторяет как мантру:

«Здесь будете есть или с собой?»

Эволюция — это процесс, в котором совершенно полезная обезьяна превращается в совершенно бесполезного человека. Миллиарды лет, миллиарды клеток в идеально организованной системе, первое колесо, первый микроскоп, вакцина против бешенства, переменный ток и распятый божий сын — всё это ради одного-единственного вопроса:

«Не желаете ли картофель фри к этому?»

Веками люди посвящали свои жизни и смерти одному-единственному результату: чтобы шесть женщин теперь сидели в одном офисе и тратили часы и дни своих жизней, обсуждая калории, причёски и форму своих задниц. Шесть тараканов в этот момент принесли бы миру больше пользы, чем шесть женщин в маленьком кабинете в Малограде.

Мы рождаемся мёртвыми. Бесполезными. Лишними. Чумой планеты. Раком вселенной. Потребителями без идентичности и механическими рабочими.

Машинами по производству безнадёжности и химических отходов.

Метастазами в мозге идеально полезной обезьяны. Божьим творением, потерявшим контроль и теперь проводящим дни, пытаясь укунить себя за локоть.

Следующее, что ты теряешь, — самолюбие.

— Я такая же, как все они, — думала Хелена. — Ничем не лучше и ничем не более осмысленная. Ничем не меньше и ничем не больше. Обычное рождение и ещё более обычная смерть, а время между ними течёт так медленно, что его будто и нет вовсе. Рождение и смерть становятся одной и той же точкой во времени, потому что всё, что было между ними, потрачено на разговоры о креме для автозагара, белковой диете и новом клипе Рианны. И нет ничего, ничего, что ты можешь сделать, чтобы это изменить.

Она считала дни до выходных, до следующего месяца, до Нового года, до осени, до первого снега, до первого солнца, до последнего солнца, до ада. Она считала дни, ожидая, что что-то закончится, но единственное, что заканчивается, — это жизнь.

Хелена закурила сигарету и заметила маленькое облачко дыма, тянущееся вокруг её шеи. Это была ещё одна дыра в её теле, где-то между левым плечом и подбородком. Когда она затянулась, внизу живота пронзила сильная боль, и она заскулила сквозь сжатые зубы.

— Какие времена настали, человеку нужно быть счастливым уже потому, что у него вообще есть хоть какая-то работа, — сказала коллега С.

И в этот момент у Хелены окончательно сорвало крышу.

Она встала, выбросила сигарету в окно и встала в дверях кабинета, заслонив свет неоновой лампы.

— Никакое время не пришло, — сказала она сквозь сжатые зубы. — Никакое время не пришло, С., вы его сами сделали!

Едва произнесла это, она рванулась вперёд, схватила коллегу С. за волосы и начала тянуть. Она хотела дотащить её до окна и, конечно, выбросить из окна.

Однако остальные женщины остановили её.

Где-то на крошечном краешке своего подсознания Хелена всё же понимала, что они находятся на первом этаже, и это обстоятельство оказалось смягчающим, когда каким-то чудом она оказалась в полицейском участке.

Она жаловалась на сильную боль внизу живота, поэтому из участка её отпустили с письменным предписанием обратиться в психиатрическое отделение.

— Где именно у вас болит? — спросил её врач.

— Всё болит. Печень, селезёнка, жёлчный пузырь, желудок, — сказала она.

Она неопределённо проводила рукой по всему животу.

Болело всё тело.

Болело само существование.

Доктор поднимал рентгеновские снимки, поворачивал их, внимательно рассматривал и наконец заключил, что с ней ничего не случилось.

Он выписал направление к психиатру.

От этого у неё заболело ещё сильнее.

В институте «Доктор Тарр и профессор Фетер» доктор Мелания Трим не выглядела особенно довольной, увидев её. Хелена цинично усмехнулась, подумав, что это чувство, вероятно, взаимно.

Доктор Трим выглядела рассеянной.

На направлении Хелены было написано:
«Требуется: диагноз на основании клинического случая; фармакотерапия, прогноз, клиническая картина».

Там были и ещё какие-то профессиональные слова, которые по сути ничего не значили, и Хелена краем глаза это заметила.

Доктор Мелания подняла карточку, на поверхности которой расплзлось уродливое чёрное пятно Роршаха:

С научной серьёзностью, которая выглядела довольно смешно, доктор спросила Хелену:

— Что вы видите на этой картинке?

— Льва Троцкого! — сказала Хелена.

— Именно Льва Троцкого?

— Именно Льва Троцкого.

— А где именно находится этот ваш Троцкий? — продолжала расспрашивать доктор Мелания, хмурясь.

— Вот здесь, в этой маленькой белой дырочке внутри большого чёрного летучего мыша из чернил, — ответила Хелена.

— Значит, вы видите и летучую мышь?

— Да... летучую мышь... точнее, это не совсем летучая мышь. Это частичная летучая мышь в тёмных очках. Это Виктор Пелевин, который спит, висая вниз головой, как летучая мышь, потому что он так и спит, — объяснила Хелена.

— Виктор... кто? — спросила доктор.

— Виктор — мессия современной литературы. Если быть точной, это литература для бедных, в которой бедным объясняют, как выглядит кокаин, элитная проститутка или суши. В его случае всё творчество сводится к анекдотам о бедных, над которыми смеются сами бедные. Поэтому он так любим правителями.

Правителям, правда, больше нравятся «Лолита», «Жюстина» или что-нибудь в духе Оскара Уайльда — в таких вещах они узнают себя. Но и развлекать бедных бедностью они считают достаточно весёлым и полезным делом. Это, вероятно, объясняет и головокружительный успех Славоя Жижека.

Но то, что они танцуют в ритме системы, не делает ни Виктора, ни Жижека менее значительными — наоборот. Там есть более глубокий слой души, которая жаждет оставить след на папирусе вечности.

Но папирус всё равно сгорит, как и сама вечность, и, по большому счёту, никому не будет дела, оказался ли какой-то постмодернистский философ или писатель дерьмом. Так почему бы тогда и не быть дерьмом? В конце концов, быть дерьмом — самая высокооплачиваемая профессия нашего времени, — объяснила Хелена.

— Хорооошо... — сказала доктор и подняла вторую карточку с цветным пятном.

— А что вы видите здесь? — спросила она.

— Это социал-демократ, который пожимает руку ультраправому. Они договариваются, как перехитрить собственные народы. Один предлагает тонкий геноцид, другой — теорию расы. Разумеется, их цель — очистить всё от тех, кого нельзя запрячь в работу, и заодно разграбить всё, что можно разграбить. Точнее говоря, на этой картинке изображена сама сущность политики.

Доктор Мелания поднимала вверх карточки с пятнами и записывала ответы Хелены.

Следующая карточка была чёрной, похожей на джинна, который простирает своё трёхногое царство в центр перспективы наблюдателя. Пенис джинна был того же размера, что и его ноги, и он гордо демонстрировал его.

Но, несмотря на это, в этом пятне не было ничего сексуального. Это было просто издевательство.

— Здесь изображён Международный валютный фонд, — констатировала Хелена.

— Ага, МВФ... понятно, — пробормотала доктор Мелания.

Следующая карточка была самой обычной бесформенной кляксой.

— Хмм... это мир на переходе от корпоративного феодализма к новому обществу. В этот момент всё старое уничтожено, чтобы на его месте построить нечто лучшее. На этом нефтяном пятне вырастет коммуна, которая будет уважать человека и социальную справедливость, равенство, учитывающее свободу, и молодые дубы, которые проживут долго как гордые символы возвращения к корням.

Да, на этой картинке — конец света. Но на ней же и утопия. Нет утопии без конца света, и нет конца света без прихода антихриста — или можете назвать его Воландом, если хотите, но это, разумеется, естественный порядок вещей.

— Ваше видение обычного чернильного пятна... хмм... довольно воображаемое, — сказала доктор и подняла следующую карточку.

Этот лист был заполнен симметричными узорами разных цветов, в центре которых ясно возвышалась Эйфелева башня. В левом углу стояла Статуя Свободы, слепая как Жюстина и глухая как сам бог, а в правом — маленький берлинский лев. Внизу листа был нарисован большой часовой циферблат, словно суммирующий символы всех колониальных держав на одном-единственном изображении.

— Ничего, — сказала Хелена. — Здесь я ничего не вижу.

— Даже Либеру? — спросила доктор.

— Особенно не Либеру.

Доктор Мелания смотрела то на Хелену, то на пятна, подозрительно прищурив глаза, и наконец спросила:

— Вайс, а кто ты по профессии?

— Психолог, — ответила Хелена.

— Тогда ты меня немного разыгрываешь?

— Ни в коем случае! Конечно, я знаю, что такое проективные методики, но я давала на этих тестах совершенно искренние ответы. К тому же мне действительно больно, всё болит — вся утроба, желудок, матка, печень, всё! Мне больно, и мне нужна помощь!

— А давно у тебя всё это болит?

— Не знаю... ответ был бы очень расплывчатым... это всё тот офис и та партия... когда они только начали меня есть, не болело, но теперь они добрались до внутренностей — до печени и до желудка... и желудок, и матку, и всё!

Пока она говорила, глаза Хелены стали тёмными как смола, а белки — налитыми кровью и болезненно жёлтыми.

— Пока существует власть, свободы не будет, — объясняла она. — Свобода находится вне института государства. Но нация любит институционализированную жизнь, нация любит жир бюрократии, любит

плохую еду, отравленную воду и легальный наркотик дистопической цивилизации. И больше всего нация любит вождя. Пока существует такая нация — не только эта, а мировая нация, — которая выбирает статус-кво и великого инквизитора, такие как я должны жить их бессмысленность, которую они называют смыслом.

Все эти люди, все они, которые хотят только хлеба и зрелищ, — именно они определили мою судьбу, и для меня другой судьбы нет. Только утро, 6:00, офис, бюрократия, фастфуд, партийные собрания, партийные унижения, классическое партийное издевательство над всем, что не является глупостью или молчанием, 23:30, крупица сна, которой я радуюсь больше всего на свете, и REM-фаза, фаза сновидений, которую я считаю единственной настоящей жизнью — и которую, представьте себе, прерывает будильник ровно в 6:00...

И всё снова...

Мне больно и меня тошнит!

Доктор Мелания выписала Хелене рецепт на лекарства, которые должны были притупить боль.

Прозак. Валиум.

Одна таблетка утром, половина вечером, после еды — с йогуртом или стаканом воды. Контроль через 30 дней.

Если и через тридцать дней ты не увидишь счастья и красоты в государственном устройстве Владимира Горда, дозу увеличат с 15 мг до 30 мг.

Хелена не особенно полагалась на Прозак. Да и вообще не слишком в него верила. Она попыталась выгнать кускусы из своей головы с помощью нескольких техник самопомощи.

Сначала она попробовала заняться йогой, но застряла в позе морского тюленя и так и осталась скованной.

Потом попыталась больше социализироваться. Сначала встречалась с Адамом, но эти встречи почти всегда заканчивались полуобморочным похмельем после бурной ночи с виньяком или параноидальным ужасом под действием мескалина и LSD. После этого ей становилось только хуже.

Затем она попробовала общаться с нормальными людьми, но женщины снова бесконечно говорили о причёсках и калориях, и это доводило её до ярости.

В конце концов она решила лечиться комедиями. Посмотрела так называемую «романтическую комедию» с Адамом Сэндлером в главной роли — и снова провалилась в нигилистическую бездну, потому что будущее человеческой расы, похоже, под большим вопросом, если на свете так много людей, которым нравятся фильмы с Адамом Сэндлером.

«Хмм... а может, парень?» — на мгновение подумала она.

Но тут же начала смеяться, вспоминая свои последние любовные идиллии, и тихо пробормотала, обращаясь к самой себе:

— Ты, наверное, издеваешься...

Потом она вспомнила: вибратор. Купила его когда-то, ещё тогда, когда баба Мрска её обсуждала за спиной, когда она поняла, что любовники обходятся ей вдвое дороже, а удовольствия приносят вдвое меньше.

Она стала рыться в ящике, чтобы его найти, но сначала наткнулась на чёрную тетрадь гибели.

Чёрная тетрадь и Хелена смотрели друг на друга глаза в глаза, враждебно и угрожающе.

Но Хелена не осмелилась взять её. Она оставила её на полке и достала вибратор.

Вибратор был сделан из ярко-зелёного прозрачного пластика, похожего на те дешёвые китайские сувениры, в которых плавают ракушки и декоративные камешки.

Экстремальный китч для экстремальной дамы.

Он был действительно уродливым, но стоил на пару центов дешевле реалистичных моделей.

Хелена включила игрушку, но её разум был пуст.

Чернота.

Бездна.

Пропась.

Ничто было настолько ужасным, что Хелена на мгновение подумала: лучше бы деньги, потраченные на эту игрушку, были потрачены на крепкую толстую верёвку для виселицы. Но она всё же решила постараться. Она привлекла на помощь интернет-порнографию. Погружаясь в мир рисованных угрей, анимированных чудовищ и силиконовых игрушек, она вдруг словно полностью поняла, почему любовь между мужчиной и женщиной окончательно исчезла как институт.

Это произошло не потому, что люди узнали истину.

Это произошло потому, что у них появилась альтернатива.

Фантазия находилась в двух кликах, и больше не было необходимости любить, чтобы мечтать.

Все мечты уже есть в интернете.

К счастью, интернет не может размножаться, а люди не могут самооплодотворяться, поэтому порноиндустрия остаётся самым полезным человеческим изобретением со времён консервного ножа. А японцы, фавориты индустрии с 1939 года, проводят свою фашистскую евгенику, вонзая когти в самые тёмные глубины человеческого воображения и удерживая человека прикованным к экрану, пока он не сгниёт в собственном одиночестве.

Чернота, бездна, пропасть?

Никогда с Прозаком.

В конце концов Хелена всё-таки поддалась чарам Прозака, позволяя всем кускусам и их проклятым глазам наконец исчезнуть из её раздражённых нейронов.

Одна таблетка радости с утренним кофе — и всё снова вполне нормально...

11.

Был жаркий июльский день, когда Хелена пережила один страшный кошмар, который потряс её мир. Как и положено кошмару, ей приснилось, что она сидит в офисе.

Итак, в первом акте кошмара Хелена сидит в офисе. Она сидит прямо напротив окна. Сейчас шесть часов пятьдесят восемь минут. Ветер бьёт в окна. Ещё темно, и рассвет ледяной. По кабинету гуляет декабрьский холод. Её охватывает тревога и боль в горле. Что-то сжимает её шею. Тишину нарушают только звуки жестяного листа и какое-то странное волчье или детское скуление.

Хелена протягивает бумаги Шучуревке, а та разбрасывает их во все стороны, воя и крича. Она хватается за ежедневник, чтобы бросить его в Хелену, но в последний момент передумывает. Хелена хочет, чтобы Шучуревка разбила ей голову. Она хочет оглохнуть, и всё же боится. Она не знает, чего боится. Та не может сделать ей ничего. Она не владеет ею.

Кто же тогда владеет ею?

Кто владеет всеми?

Вдруг офис начинает тонуть. Их поглощает огромная яма, похожая на тёмный ад. Пахнет мочой, газом из зажигалки и разогретыми ложками. На стенах этой ямы виднеются граффити, которые оживают сценами секса в залах суда и университетских амфитеатрах.

Следующее, что она видит — они падают, все падают, а Шучуревка цепляется за край земли, пытаясь выбраться из ямы. Кто-то хватается за её чёрные, меловые волосы, уродливые, как метла, и бьёт её головой о край могилы.

Но она не умирает.

Она не может умереть.

Первый признак ада — бессмертие.

Хелена проснулась вся в поту. Было шесть часов пятьдесят девять минут, и для неё Шучуревка не была мертва. Ни один нарциссический психопат никогда не может умереть. Они размножаются, мучая других. Пережить психопата — значит превзойти его. Пережить Шучуревку — значит самому стать Шучуревкой.

Хелена была настолько взволнована, что ей казалось, будто она сходит с ума. Возможно, это и было правдой, потому что, если быть честным, не существует психолога, который не был бы сумасшедшим.

А с другой стороны, возможно, дело было в мескаине, ЛСД и траве, которые она, как и своё чёрное сердце, ежедневно делила с Адамом — первым человеком мира.

Того дня Адам ввёл в их интимный мир, в их платонический круг любви, в их единственное и безопасное пространство каких-то новых людей, и Хелене это совсем не понравилось.

Новые пацаны с района.
Бэкстрит Бойз.

Отвратительно, думала она. Красивые маленькие мальчики, которые на самом деле всего лишь жалкая ностальгия по молодости одного смешного человека.

И всё же это было предательством.
Предательством их дружбы и их любви.

И не только это. Новые мальчики безжалостно крали не только их дружбу, но и их психоделические наркотики, которые, в отличие от дружбы, стоили совсем не дёшево.

Разочарованная маленьким предательством Адама и всё ещё находясь под впечатлением сна о Шучуревке, Хелена словно сломалась. Несмотря на Прозак, она почувствовала, что в её уме что-то серьёзно помрачнело, и тот ужасный ощущение потерянной жизни возвращается и в десятикратном размере взыскивает с неё плату за каждую попытку убежать от него.

Начал моросить дождь, и Хелена, под этим чёрным впечатлением, направилась в церковь, чтобы попросить великого Господа Бога оказать ей услугу.

Точнее, одну из двух услуг:

спасти её
или убить её.

Или и то и другое, если Он милостив.

Улица, на которой находится церковь, глухая и без асфальта. Дорога усыпана мелким красным гравием и серебристым песком, который ослепительно блестит даже тогда, когда дорога влажна от дождя.

Скромные белые дома выстроились по обе стороны улицы, в конце которой возвышается храм на Брестовой улице.

Брестовая улица — самая тихая улица во всём мире.
В духовном смысле она — настоящая маленькая оазис в пустыне Малогорода.

И как это всегда бывает где-то между седьмой и двадцать седьмой главой в книгах, главный герой встречает главную героиню.

Или наоборот.

Целая цепь обстоятельств — сюжет, атмосфера в каждой частице воздуха, свежий запах ветра, даже погода, которая внезапно становится лучше — всё подстраивается под эту роковую встречу.

Словом, вся декорация подстраивается под рождение сказки.

Хелена была одета как святая, с чёрным платком на голове, словно вновь рождённая дева, за которой гордо возвышались двери церкви.

И он — единственное молодое лицо на улице, по которой гуляют только старики.

Он играл в шахматы, длинными пальцами поднося чёрную королеву к белым губам.

Хелена подошла к стеклу окна и стала наблюдать за его высокой фигурой. Худощавая фигура светловолосого юноши поднялась и подняла взгляд. Они обменялись улыбками. Ей показалось, что она ему нравится, несмотря на то, что она закутана в чёрное платье с платком, похожим на бурку, несмотря на то, что она располнела от слишком большого количества антидепрессантов и плохих синтетических наркотиков, несмотря на то, что она бледна, выглядит посредственно, а кажется начитанной. Уже в первую минуту этой роковой встречи казалось, что он прощает ей то, что она недостаточно красива, и, возможно, простит ей и то, что она окажется слишком умной. Этого было достаточно, чтобы дать Хелене какую-то надежду, хотя она и сама не знала точно, на что надеяться и почему.

Его пальцы играли шахматными фигурами, скользя по ферзю.

D4. C5. C4. Ферзевый гамбит. Жертва чёрной пешки.

Его пальцы всё ещё играют с ферзём. Сначала указательный, потом средний палец двигаются вперёд и назад, медленно скользя по деревянной фигуре, которая словно тает.

«Это самый эротический момент моей жизни», — подумала она. — «Это всё, что может предложить мне мой бог в этой стране, в этом городе, в мире на пороге ещё одной войны, в мире, одержимом дешёвым сексом и дорогим кокаином, где участники реалити-шоу только и ждут повода, чтобы перерезать друг другу горло».

Как только она это подумала, что-то нежное и жалкое разлилось по её душе, и ей показалось, что всё происходящее в кафе №66 на Брестовой улице происходит, должно быть, по какой-то большой космической причине.

Его звали Влад. Она повторяла его имя буква за буквой и смотрела на его пальцы, которые медленно сдавали партию и поднимали стакан ирландского виски. Сладкий жёлтый виски и тонкий фильтр белой сигареты сменялись на его губах. У неё дрожали колени. Она умирает. Атлантида тонет, Помпеи извергают огонь, Римская империя падает на колени.

Боги, смилуйтесь!

Влад Фишер не был загадочным, как обычные принцы в сказках. Влад был яркий, весёлый, оживлённый. У него сильный акцент, и он подчёркивает звук «А». Он с севера, но в нём бурлит горячий южный дух. Влад Фишер — международный вице-чемпион по шахматам и страстный любитель джаза. Тонкий, словно он едва весит шестьдесят килограммов, он постоянно проводит своими длинными костлявыми пальцами по стакану, касаясь его так же, как касался чёрного ферзя, улыбаясь и совершенно не замечая эротичности каждого своего движения.

Кроме того, большим преимуществом Влада Фишера был золотой британский паспорт, торчащий из его кармана.

Билет в рай, — думала Хелена.

Влад Фишер мог бы помочь ей сбежать из Амии. Золотой паспорт Европейского Союза, правда, можно было получить только через брак с гражданином или благодаря связям, но Хелена всё равно смотрела на его паспорт так, словно он был ей доступен. Может быть, через какое-то время она могла бы попросить его о фиктивном браке ради паспорта, а он, глядя в её тёмные глаза, из которых амийские драконы извергают огонь, решил бы сжалиться и купить ей билет в европейский рай.

На самом деле паспорт был для Хелены всего лишь предлогом, чтобы вступить с ним в игру. В действительности ей просто очень хотелось играть.

Она должна была как-то оправдаться перед самой собой; ведь она потратит много денег на дорогой жидкий тональный крем, скрывающий следы исчезновения (Хелена уже видела дорогие жидкие тональные кремы, которые продаются в аптеках и с помощью которых маскируют дыры, возникающие вследствие исчезновения. Так она пришла к выводу, что исчезновение, профессионально называемое «дистопический дерматит», не такая уж редкая болезнь, как ей сначала казалось.). И ещё много времени и сил на какого-то пустого человека, который считает, что ругаться некрасиво и, весьма вероятно, полагает, что капитализм сделал мир лучшим местом.

Если всё в итоге окажется высшей степени глупым и садистским, она всегда сможет оправдаться перед самой собой тем, что всё это было только ради золотого паспорта.

— Если бы я прямо сейчас мог вернуться в семидесятые и убедить какого-нибудь борца за демократию не бороться, я бы просто показал ему тебя. Ему сразу стало бы ясно, что означает лозунг «рабы свободы», — говорил ей Влад так, будто они знакомы всю жизнь. — Вот, в демократии ты всегда можешь сказать своё мнение на референдуме, купить Биг-Мак или Левайсы, но какой в этом смысл? Ты всё равно играешь в крикет против королевы червей.

— Крикет? — она растерялась.

— Крикет, да. Это из той истории «Алиса в приюте». Знаешь, раздражённый государственный служащий, который всё время куда-то опаздывает, чтобы директорша не отрубила ему голову... понимаешь?

— Ты имеешь в виду «Алиса в стране чудес»? А государственный служащий — это кролик?

— Да, да, да, именно так. Нет смысла играть в крикет — королева всегда побеждает. В конце концов, именно она придумывает и меняет правила. Нужно, чтобы все отказались играть в крикет. Но время для этого ещё не пришло...

— Сейчас время для чего? Для молчания? — спросила она немного цинично.

— Ну да, для молчания. Частично. — Он остановился и посмотрел на неё пристально.

Она всё ещё пьянила себя его руками.

— Ты поэтому аполитичен?

— О нет, нет, нет. На самом деле я очень политичен. Просто я не играю в крикет.

Умный парень, подумала она.
Это подливало бензина в её огонь.

Она не могла говорить.
Она могла только гореть.

— Ты всегда жертвуешь чёрной пешкой ради чёрного короля? — спросила она просто так, чтобы прервать тишину.

Наверняка это прозвучало глупо. Зачем она вообще задала такой дурацкий вопрос? Она никогда не рассматривала шахматы так банально. В коллективном смысле шахматы — политическая игра: функциональная и подвижная фигура умирает ради медлительной и бесполезной величины. В индивидуальном смысле шахматы — игра безумия; функциональная и подвижная фигура умирает ради медлительной и бесполезной величины.

Вместо того чтобы говорить о чём-то, что она знает, чтобы хотя бы знанием его заинтересовать, всё, на что она оказалась способна, — это спросить о чём-то, что её вовсе не интересует.

— Иногда и ради ферзя, — сказал он.

Какое клише! Все знают, что ферзь в шахматах не представляет женщину, а представляет советника (рядом с королём стоит фигура, которая на персидском называется «ферз», что означает канцлера, визиря) или, если перевести на современный язык, адвоката-защитника.

Хелена задумалась, понимает ли Влад, что говорит глупости. Но Влад Фишер вовсе не выглядел смущённым. Он смотрел на неё совершенно спокойно, словно своими длинными, тонкими пальцами вонзает нож прямо ей в живот.

Вдруг он наклонился и тихо, наивно коснулся поцелуем её нижней губы.

Его поцелуй бросил её вниз по длинной могильной яме, по которой она не знала — падает она или летит.

— Я падаю или лечу? — прошептала она.

— Всё просто, — объяснил Влад. — Разница между падением и полётом — это дно. Там, где нет дна, о которое можно удариться, любое падение становится полётом.

— Вот, значит, мой принц, — подумала Хелена.

Бирюзовая рубашка, пахнувшая марихуаной, нервный тик, из-за которого он покачивается и дёргает обеими ногами, стакан в руке, который никогда не бывает пустым, и причёска, как у молодого Троцкого.

Ну что ж, какая принцесса — такой и принц. Но его, конечно, надо бы подстричь под молодого Иосифа Виссарионовича.

На мгновение Хелена подумала, что, возможно, лучше было бы находиться в обществе жабы буфо, чем принца, который, как и она сама, не знает, утро сейчас или вечер, понедельник или среда, июль или октябрь.

Но было уже поздно.

Она уже полностью попалась на его сухие губы и на голубой глаз, который слегка косил влево.

Тогда она сделала то, что совсем не было по-хеленовски и никогда раньше не было по-хеленовски: пряча взгляд, как школьница, она протянула руку и вложила свою ладонь под его пальцы.

«Вот, я так и знала!» — подумала она, осознав, что сделала.

«Прощай достоинство, прощай гордость, всё пошло к чёртовой матери... и всё это из-за британца, который, скорее всего, безумен, как Мартовский Заяц и Льюис Кэрролл вместе!»

Но назад дороги уже не было.

Ущерб был нанесён.

Следующее, что ты теряешь, — это всё.

12.

— Это *ménage-à-trois* (секс втроём), — говорил Влад Хелене, показывая ей шахматы для трёх игроков в своей комнате. — Но я больше люблю один на один. Чёрно-белая классика. 8×8.

— Все лучшие люди всегда больше ценили *folie à deux* (безумие вдвоём или индуцированный психоз. Возникает, когда одна психически расстроенная и доминирующая личность внушает свои патологические идеи другой — здоровой и подчинённой), — сказала Хелена с нервной, натянутой улыбкой.

Это был один из тех моментов, когда чувствуешь себя настолько глупо, что просто расслабляешься, принимая своё глупое положение как нечто неизменное и естественное.

Комната Влада Фишера была полна жизни. На стенах висели старые картины, притащенные, похоже, с какой-то свалки, яркие, как Страна чудес, странные скульптуры, книги и вуду-маски. Всё было выдержано в духе родины Питера Пэна и африканской магии.

Запах ладана и травы душил почти до невыносимости, но Хелена чувствовала себя уютно.

Она забыла и свою чёрную тетрадь, и румынский бензин, и немецкую канцлершу, и свою жизненную миссию. Забывая самое важное, она словно сбрасывала с плеч весь груз этого мира.

И всё это потому, что у Влада были магические пальцы.

Хотя она инстинктивно чувствовала, что Влад невозможно ни разочаровать, ни обидеть, Хелена была ужасно нервной.

Он это заметил и обнял её между шеей и плечом. Хелена испугалась, что её жидкий тональный крем разойдётся и откроет её тайну — так называемый дистопический дерматит.

Его движение было странным и необычным, и даже когда она поняла, что её тайна осталась скрытой, Хелена всё ещё была напугана.

Что он, чёрт возьми, делает?

Он передвинул руку, словно искал какую-то магическую точку на её теле, и когда наконец нашёл её, сильно прижал ладонь к её шее.

— Ай! — вскрикнула Хелена, глядя на него так, будто он сошёл с ума.

А затем она почувствовала весь смысл этого странного прикосновения великого Влада Фишера.

Её тело начало расслабляться, а разум словно опустел.

Ощущение было похоже на парение в тумане.

Освобождение от мыслей, тревог, неуверенности.
Суперэго заснуло.

Полное спокойствие.

— Как ты это... — попыталась спросить она, но он закрыл ей губы пальцами.

— Магия, — сказал он.

Влад мог то, что не мог никто другой. Её кожа одновременно леденела и горела.

Но и этот дзен, как это бывает с каждым хорошим дзенем, оказался предвестником антидзена. После пережитой нирваны, лежа рядом с Владом Фишером, словно рядом с незнакомцем, все неприятные мысли вдруг вернулись и обрушились на неё.

Она вспомнила своё идиотское положение стенографистки в парламенте позора, вспомнила цирк уродов, немецкую канцлершу, Грина Коридина, обоссанную красную звезду и такой же мир, в котором каждый позволяет всю жизнь мочиться на себя ради права на свои пять минут мочиться на других.

Результат — тысячи и тысячи литров легко воспламеняющегося аммиака.

Вот почему этот город будет гореть, и вот почему это государство будет кричать в вспышке новой войны, думала она.

Влад уедет в свою Северную Ирландию, думала она.
Через две недели Влад ничего не будет помнить, думала она.

И когда его спросят, где Хелена, он спросит: какая Хелена?

А для неё это — одна из последних ночей на Земле.

Влад Фишер застенчиво одевается и накрывается одеялом с головой. Ему нужно время, чтобы высунуться из-под него. Он медленно расслабляется, зажигает сигарету и начинает рассказывать историю, такую же пёструю, как и он сам.

— Я хотел поджечь их. Всё собрание. Как и ты. Взять калашников и перебить их всех. Взорвать этот проклятый город. А потом я уехал и увидел другие города, почувствовал другие души и жизни, пил чужую кровь. Я жил чужими жизнями. Искал страну лучше этой и каких-то других людей.

И ничего не нашёл.

Везде были хостелы, полные голубых рабочих, нищие с дипломами профессоров, воскресшие славянские коммунисты, примирившиеся с богом, либертарианцы в цилиндрах, студенты, путешествующие по миру, думая, что

так станут богаче духом, и армии обычных людей, борющихся за славу и значение.

Всё было как матрёшка в матрёшке внутри матрёшки.

Вот такой этот мир.

Вот такая ваша великая Европа.

Яйцо в яйце, из которого никогда ничего не вылупляется.

Мне кажется, всё, что могло бы исцелить дух, потеряно; повсюду шум, мусор, расизм и снобистские пригороды.

В общем, отвратительный мир.

— И тогда ты вернулся?

— Нет. Тогда я поехал в Африку за реликвиями.

Я стал иллюзионистом.

Фокусником.

Он сел в середину комнаты, в большой круг, нарисованный белой мукой.

— Смотри, — бормотал он. — Это мандала. Символ целостности, юнговского Self, символ Бога и нирваны. Не случайно кресла в парламенте расположены в форме полукруга. Полукруг — это незавершённая целостность, шизофреническое расщепление и ад. Круг, концы которого никогда не соединяются, означает только одно: распад, разрыв, растерзанный эго, распятый бог. Это власть дьявола и его правой руки — Маммона. Противоположность этому — совершенный круг. Магический вуду-ритуал всегда совершается в центре круга.

— Как ты вообще оплачиваешь свои счета, Влад? — смеялась Хелена.

— Я же сказал тебе — магией, — ответил он. — Переезжай ко мне. Выходи за меня замуж.

— Ты знаешь меня два дня. Зачем ты говоришь такие вещи?

— Не знаю. Люди много чего говорят.

Неудавшееся, почти ясновидческое предложение заставило Влада Фишера снова накрыться одеялом с головой, но он очень быстро забыл, что сказал.

И всё же это странное, прозорливое существо каким-то образом вытащило лучшее из женщины, которая никогда не дрожит и никогда не мечтает, женщины без мечты о карьере, без денег на отпуск, без розового блеска для губ в кармане джинсов — даже без хороших джинсов.

Вместо помады и духов в кармане Хелены лежали Ксанакс и Прозак.

Она была женщиной, которая знала, что скорее засияет во вспышке новой атомной бомбы, чем прогуляется по улицам Парижа.

Молодая женщина, которая не дрожит — это был продукт конца одной эпохи, эпохи, верившей в либеральный рынок, демократию и мир во всём мире.

Она была среди первых молодых женщин, которые начали это понимать.

Но первая или последняя, единственная или незначительная — это уже не имело значения.

Мир переживает инсульт.

И Либер, и Юстина уже давно мертвы.

А вся эта фарса её маленькой жизни, в течение которой она два-три раза вспенится в ярости или ослепнет в страсти, — это всего лишь короткие ночи в цепочке последних ночей на Земле, предвещающие конец ещё одной нации оранжевой крови и её смешной бунтарской истории, вращающейся по кругу.

Нет слов, которыми можно было бы вытащить Влада Фишера на свет дня, и потому Хелена, пожав плечами, сама забирается под одеяло.

Конечно, всё ясно — все её большие любви шизофренические. Но на этот раз она не боялась. Последнее, что ты теряешь, — это страх.

Наконец, Хелена Вайс совершенно сошла с ума по великому Владу Фишеру.

А потом проходит месяц, проходят два, проходят шесть — и всё как-то растворяется в тумане одинаковости и серости рассвета. Влад Фишер говорит ей, что никогда ещё не был так влюблён. Однажды он чувствовал нечто похожее — с японкой, которую звали Сун. Говорит, что в этом нет ничего необычного: там всех зовут Сун, и на их языке это вовсе не означает Солнце.

Влад говорит, что Сун работала аниматором в индустрии порно-мультфильмов для взрослых. Она рисовала щупальца.

Представь, насколько иначе выглядел бы понедельник, если бы каждое утро тебе приходилось рисовать порно-мультфильм, говорит Влад. А представь понедельник того лысого, толстенького японца, который каждое утро придумывает для них сценарий, говорит Влад.

Японская порноиндустрия — это месть всему миру за Хиросиму. За Нагасаки они ещё не начали мстить, но когда начнут, это наверняка будет так же трагикомично, как и щупальца.

Так Влад Фишер признался в любви Хелене Вайс. По обыкновению, он включил какую-то приторную песню (в данном случае это была песня «ЛСД возвращается домой») и солгал ей, что припев этой песни будет длиться вечно.

«ЛСД держит тебя двенадцать часов», — подумала Хелена.

«Буфотенин держит тебя тридцать минут.

А любовь... любовь держит тебя до первого рабочего понедельника, когда часы пробьют шесть, и ты готов продать всё на свете, лишь бы остаться в постели ещё пять минут.

Под пятью минутами я имею в виду пять часов.

Под пятью часами я имею в виду вечность.

Может ли он сейчас читать мои мысли?

Знает ли он, как я устала?»

— Почему у тебя нет друзей? — спросил её Влад, вырвав из мыслей. —

Неужели тебя все бросили?

— Никто меня не бросал. Они все были вполне хорошими друзьями. Просто я недолго задерживаюсь в их жизнях, — сказала ему Хелена.

— Где они сейчас? — спросил Влад.

— Они здесь. Они и сейчас друзья. Просто я — враг, — ответила Хелена.

Влад часто спрашивал её, почему она молчит.

— Может быть, я не хочу, чтобы кто-то меня узнал, — говорила она ему. — Мне нравится, когда меня никто не знает. Мне нравятся работы, где я имею дело с толпой людей, которые слишком заняты собой, чтобы вообще меня заметить, и которые всегда останутся чужими. Сотни людей, тысячи людей приходят и уходят, без задержки и без лишней суеты. Они занимаются чем угодно, только не мной. И не задают мне вопросов. Мне было совершенно всё равно, стану ли я в жизни хирургом или промоутером кетчупа — для меня было важно только быть чужой среди чужих.

— И чтобы никто не трогал твои круги! — усмехался Влад.

— Влад, Влад, Влад... ты не знаешь... ты не знаешь, как здесь... — страстно повторяла Хелена, продолжая свой монолог. — Время, проведённое с людьми, которые прошли через мою жизнь, было пустым и мучительным. Высшей точкой моей жизни — я имею в виду духовной вершиной — был момент, когда на странице под номером 3 я прочитала фразу:

«Однажды в России существовало поколение, которое радовалось лету, морю и солнцу и выбрало — Pepsi».

Книга называлась Generation P.

Сначала в моём воображении возникла картина испанской равнины. Дон Кихот едет на своей белой кляче, позади него я еду на осле, и посреди дороги он останавливается и говорит:

«В России жило одно поколение, которое радовалось лету, морю и солнцу — и выбрало Pepsi».

Вторая картина в моём сознании — это Россия 1989 года. Воланд заканчивает читать Булгакова и воспринимает это как приглашение. Он спускается в Москву, садится в трактир и, к общему изумлению всех, кто пьёт чай с водкой — только без чая, — заказывает Pepsi.

Третья картина выглядела так: девушка, чьи полки пусты, и на которых лежит только глупое чувство вины и неудачи, заполняет эту пустоту несколькими листами бумаги, на которых написано о Pepsi-Cola.

А может быть, все эти картины вызвала вовсе не та фраза. Может быть, это была фраза:

«Создатели нам здесь не нужны ни хрена.».

Насколько это жалко, Влад? Скажи мне правду! Насколько это патетично — сидеть, съёжившись в затхлом углу разорённой страны Амии, с бутылкой переслащённого Pepsi и членским билетом библиотеки?

— Дорогая... — сказал он мягко. — Это нормально.

— Да, это было бы нормально в какой-нибудь другой ситуации, в другое время. Например, в век, когда Karl Marx заканчивает свой «Капитал» и говорит: «когда придёт наш черёд, мы не будем извиняться за справедливость». Или во времена Fyodor Dostoevsky, когда какая-нибудь Настасья Сергеевна падает ниц на колени в холодной и пустой церкви, зовёт Бога, зовёт дьявола, зовёт чёрт знает кого и плачет, принимая весь этот цирк совершенно всерьёз.

Сегодня никто больше ничего не воспринимает всерьёз. Рыцари одновременно презирают и пьют Pepsi, им жаль бедных и они мочатся на бедных, а со временем становятся тем, что ненавидят, потому что сегодня им просто больше не во что превращаться.

Послушай: те несколько листов бумаги, которые заполняют мои пустые полки — то есть тот момент, когда Дон Кихот говорит что-то маленькому толстяку на осле — стоили пять евро. Парадокс поиска смысла, отделённого от их мира давления и маммоновской политизации, состоит в том, что этот смысл ты оплачиваешь деньгами.

Тот, у кого нет этих пяти евро, естественно, не может войти в башню знания, не может оседлать мула или осла и стать Санчо или будущим рыцарем.

Всё то, что отличает либеральную систему от всех прежних и даёт ей невыразимое преимущество, заключается в том, что каждая человеческая идея основана на символе начального капитала, то есть на банкноте в пять евро.

Следовательно, если ты оказываешься в государстве, где эти пять евро ты не можешь потратить на книгу света, а должен потратить на насущный хлеб, ты исключён из познания.

И самое худшее во всём этом то, что сам Дон Кихот сознательно участвует во всём этом.

— А почему это так? Причина проста: впервые в истории у нас есть Дон Кихот, который победил ветряные мельницы.

Если учесть, что вся прежняя символика мельниц — это не что иное, как власть, можно сказать, что именно репрессивная власть не позволяла рыцарю её победить. И он бесконечно сражался, пока за его спиной не собралось столько последователей, что больше нечем стало править.

В ситуации либеральной власти происходит нечто иное: мельницы просто сдаются и говорят:

— Хорошо, рыцарь, ты победил.

Они исчезают с горизонта и уступают место дверям.

Правители открывают эти двери благородному рыцарю и впускают его к себе, говоря, что теперь ему принадлежат и слава, и внимание, и место на вершине мира.

И, конечно, миллион долларов.

Но это — только после того, как он подпишет контракт.

Таким образом рыцарь отрывается от народа. Он больше не разделяет их судьбу. И за ним больше не идут последователи, а идут потребители, которые глотают каждый эякулят его всемогущего ума, потерянного в идее пассивного сопротивления, которое уже давно перестало быть сопротивлением.

Либеральная власть бьёт здесь по эго, потому что нет смысла бороться против тех, кто тебя принял и посадил на трон.

К этому добавляется иллюзия оккультного фейерверка, придающего всему мистический оттенок, и тебя наполняет оргастическое чувство, будто существует какой-то бог, который избрал именно тебя.

Добавь к этому страшное, страшное, страшное и громадное одиночество человека, потерянного на вершине мира, — и ты получишь шизочеловека, который когда-то отправился в атаку на ветряные мельницы, но теперь движется в противоположном направлении, удаляясь от них.

— Но ты говоришь об этом так, будто там, на вершине мира, существует какой-то план, — смеялся Влад. — Дело в том, что миром правят полные идиоты, а понятие оккультного мы используем как оправдание, чтобы придать их действиям какой-то смысл. Так оккультное становится прикрытием для

совершенно идиотских поступков без всякого плана и цели, а они получают привилегию, чтобы их называли иллюминатами, вместо того чтобы называть тем, чем они на самом деле являются — идиотами. Давай сразу договоримся: правители мира действительно психопаты, но это вовсе не делает их ни умными, ни осмысленными, как бы они ни старались представить себя такими. Мы же, со своей стороны, принимаем этот их спектакль, потому что не хотим признать, что и сами настолько глупы, что позволили всему этому случиться, то есть что мы боролись против репрессий автократии лишь затем, чтобы теперь нами правила раскаявшаяся армия СС, научившаяся улыбаться, и государство Микки-Мауса, которое существует (и богатеет!), бесконечно снимая ремейки одного и того же фильма.

— Да, знаю, знаю, знаю! Но почему их власть отражается только на Амии и на таких же маленьких и глупых странах? Понимаешь, когда американец продаёт душу, он делает это как минимум за миллион. Русский торгуется. А в Амии душу продают за жалкую должность в государственном предприятии, потому что душа амийца — и вообще душа человека — здесь не стоит и ломаного гроша. С тех пор как мелкие преступники вошли в новое тысячелетие в роли конкурсных управляющих и председателей советов директоров, каждый такой мелкий жулик может вытряхнуть свой тупой член на душу любого человека при любых условиях. И при этом вину, которой нет, даже не нужно доказывать — даже по сценарию Кафки. Просто этот тупой член с похмелья рубит головы, которые попадают ему на пути, пока всё по-прежнему ничего не работает и никому до этого нет дела. Живи, умри, воскресни, превратись в вампира — всем всё равно. Кто-то лет пятнадцать назад завёл систему, как одну из тех игрушек в форме Дональда Дака, которые играют музыку и танцуют, и теперь она играет и танцует какую-то старую песню Backstreet Boys, переведённую на тараканий китайский. Тот, кто её завёл, давно умер, а Дональд теперь держит в руках топорик и неконтролируемо машет им в ритме песни: «I don't care who you are, where you're from, what you do...». И если ты окажешься у него на пути — значит, окажешься, а если нет — ничего страшного, в следующий раз окажешься.

— Дорогая, ты слишком переживаешь из-за идиотов. Найди какой-нибудь опиум, который поможет тебе пережить всё это, и я обещаю тебе — мы сбежим. Мы убежим в лучшее место, где вместо того, чтобы курить плохую траву, чтобы убежать от реальности, нюхают дорогой кокаин, чтобы убежать от реальности. Хотя нет, нет, нет! Мы убежим в ещё лучшее место!

— Куда, на Луну? — спросила она, сверкнув глазами.

— На Луну, если понадобится!

— А как ты найдёшь Луну?

— Это легко. Я найду американский флаг. Там, где воткнут американский флаг — там и Луна.

Хелена захихикала.

— Давай коньяк! — крикнула она. — Давай коньяк, будем рушить истеблишмент!

Влад налил им по полстакана коньяка. Они чокнулись и выпили залпом. Хелена вздрогнула и нахмурилась.

— Я знаю, что девушки любят бриллианты, но «Рубин» всё-таки «Рубин», — сказал он, словно извиняясь за то, что у него нет напитка получше.

— Слишком много лирики, слишком мало коньяка, — закатила она глаза. — Наливай!

Влад молча подливал коньяк в стаканы, пока вся комната не начала кружиться. Полчаса беззаботной поездки на карусели пришлось оплачивать около трёх тридцати утра.

Хелена рвала, клянясь Богу и немецкому канцлеру, что никогда больше не будет пить. Влад громко смеялся над её религиозным монологом.

— Нехорошо смеяться над чужим несчастьем, — сказала она, пытаясь унять пульсирующую боль в голове.

— Уходи! Иди! — кричала она. — Я хочу быть одна!

— Ты что, выгоняешь меня из моего собственного дома? — спросил он.

— Прогуляйся немного. Прогулка полезна для здоровья, — пробормотала она, держась за голову. Звучало так, будто она и правда обиделась, но даже это было невыразимо смешно.

— Но... ты хочешь, чтобы мы все ушли, или только некоторые из нас? — он вдруг посерьёзnel, и какая-то странная тень скользнула по его лицу, словно предчувствие.

Внезапно ещё один Влад появился на противоположном конце комнаты. Потом ещё один — в телевизоре. И, наконец, четвёртый Влад раскачивал люстру, с которой свисал.

— Очень смешно, — сказала Хелена. — Все знают, что такую иллюзию можно создать с помощью голографических зеркал. У тебя в шляпе нет лучших трюков?

Внезапно все четверо исчезли. В комнате, над полкой с книгами, появилась сова с его лицом.

— А такое тебе нравится? — спросил он.

Хелена махнула рукой.

— Или, может быть, тебе больше по вкусу венско-румынский стиль?

Как только он это сказал, по комнате начал порхать чёрный летучий мышь. И, конечно, у летучей мыши было лицо великого Влада Фишара.

— Отлично! — сказала она с притворным восторгом. — А теперь улетай!

Хотя он не использовал никаких голографических зеркал и никаких подобных современных технологий, чтобы создать эти иллюзии — он пользовался чистой магией, — Влад заметил, что Хелена вовсе не в восторге. Что-то её явно мучило.

Влад вернулся в свой человеческий облик и направился к двери.

— Видишь ли, Влад... — неожиданно заговорила она. — ...в тех прекрасных странах мира, где люди живут своими жизнями колумнистов, менеджеров, иллюстраторов и дизайнеров интерьеров, время похоже на длинную прямую линию, которая тянется к бесконечности надёжного рая.

— На Востоке время — это ограниченный отрезок, и все знают его начало и конец, просто и то и другое кажется каким-то тихим и неопределённым.

— В Амии же
 $t = .$

— то есть время — это точка.

Она вздохнула, а затем ей снова показалось, что она говорит слишком абстрактно. Нужно было быть конкретной.

— Я исчезаю, — сказала она.

Влад отошёл от двери и сел рядом с ней, отказавшись от намерения оставить её одну.

— Что значит — исчезаешь? — он посмотрел на неё с недоверием.

Она расстегнула рубашку на животе и сняла с шеи шарф из искусственного шёлка. Затем стерла пудру. Её тело было покрыто мелкими отверстиями, тянущимися вдоль шеи, а некоторые из них уже начали сливаться друг с другом, стремясь к небытию.

— Я исчезаю, чёрт возьми! Как ещё это понимать? — раздражённо закричала она. — Я всё меньше чувствую, дух уходит из меня кусок за куском, а телесно — вот, видишь — я превращаюсь в нематерию. И я всё перепробовала!

Он смотрел на неё так, будто полностью понимает, о чём идёт речь.

— Я даже галлюциногены пробовала, для креативности, всё возможное! Ничего! Я даже... даже... хорошего дилера найти не могу!

Слово это растянулось у неё во рту, и когда она произнесла: «ни дииилера», она вдруг разрыдалась вслух.

— Я исчезаю... — всхлипывала она. — И самое ужасное — я исчезну, и меня будут помнить как члена PPS! Члена PPS, Влад! Немого депутата Партии Прогрессивных Сил. Слугу Маммоны. Я — лист туалетной бумаги Грина Коридина. Я — щётка для ботинок Грина Коридина и его мушкетёров. Я — тряпка для пыли. Мусорное ведро. Я — клизма Грина Коридина. Я — насос для увеличения пениса Владимира Горда! Вот кто я. Вот кто я!

— Нет... ну... нет, ты не насос для... — пытался он её утешить, но ему показалось совершенно неуместным заканчивать эту фразу в данной ситуации.

— Я плюнула и на Бога, и на Че Гевару, и на Лазаря, и на Чёрного Георгия, и на революцию — на всех, на всех! Они отдали свои жизни для того, чтобы такие люди, как я, изображали стыдных вшей государства-гулага Владимира Горда. Ты только послушай наш гимн! Когда-то мы пели: «Напрасно грозит адская бездна, мы стоим непоколебимо», а теперь, с опущенными головами, одетые в немецкий секонд-хенд и заношенные итальянские трусы, мы умоляем Бога накормить нас и спасти.

Боже, накорми, Боже, спаси, Боже, сделай это за нас, потому что мы сами ни на что не способны.

— Ну что ж, когда предатель своей родины пришёл к власти, ему пришлось изменить текст гимна, где говорится: «будь проклят предатель своей родины». Каждый король, который убил своего брата, убирает из репертуара пьесу о короле, убившем брата. Это нормально, — объяснял Влад. — Но не волнуйся, не волнуйся. После войны самолёт обороны напишет твоё имя на облаке.

— Мне не нужно облако. Эти облака всё равно будут наполнены свинцом и ртутью. Мне нужна только шанс, только возможность сказать... что мне жаль... Нужно было умереть честно, а теперь, когда честь продана за Big Mac и маленькую колу навынос, остаётся только исчезнуть...

Маленькие дыры воздуха на её шее, словно сыпь невидимости, расширились и соединялись в единую антиматерию.

Хотя Влад не мог знать, что именно означает это исчезновение, он остался с Хеленой. Иногда он шутил, замечая, что её талия становится всё уже, но о серьёзных последствиях её исчезновения ни один из них не решался заговорить первым. Когда эта тема становилась для неё неприятной, она мрачно опускала голову, и он это замечал.

Тогда они оба просто замолкали.

Она думала, что после исчезновения станет одной из неживых. Будет заперта у подножия горы, в каком-то виде ада вечной жизни, постоянно голодная до различных желаний, но проклятая неспособностью определить эти желания или придать им форму.

Влад пытался выяснить, что же на самом деле такое исчезновение, но безуспешно. Даже сам святой Google ничего о нём не знал. Было известно

только, что научное название этого явления — «дистопический дерматит». Как он возникает и почему — никто не имел ни малейшего представления.

Неофициально считалось, что это наказание за грехи.

В общем, о дистопическом дерматите знали примерно столько же, сколько и о большинстве других болезней.

Месяцы проходили, и жизнь текла в привычном ритме. Кроме распространения дистопического дерматита, в жизни Хелены не происходило ничего особенного.

А затем, в понедельник, 7 ноября текущего года, на встрече, назначенной на 19:00, Влад Фишар не появился.

Он не появился ни в 19:25, ни в 19:38.

Его не было ни в своей квартире, ни в «Маврикии», его не было нигде.

Без слова или письма, без прощания Влад просто решил исчезнуть раньше Хелены.

По Малогороду дул знакомый холодный ветер пустоты, и всё выглядело так, будто человека-совы никогда и не существовало. Кроме его покинутой комнаты, полной безделушек, имитирующих искусство, не было ни одного живого свидетеля, что всё вышеописанное вообще когда-либо происходило.

Но Хелена знала, что дело совсем не так сложно.

Дело было в том, что люди иногда просто оставляют других людей, даже если эти люди — шахматные гроссмейстеры, которые ходят по воде и превращаются в птиц.

Так было и на этот раз.

Влад Фишар просто ушёл.

13.

Прошло уже тридцать дней с тех пор, как Влад Фишар ушёл из Малограда, а Хелене всё ещё снился один и тот же сон.

Первая часть сна была заимствованной реальностью. В этой первой части Хелена просто вспоминала, как Влад водил её на пляж, а затем, чтобы её развеселить, ходил по воде.

— Ты наверняка прыгаешь по камням, скрытым под поверхностью воды, — говорила ему Хелена. — Ты лжец.

— Ну так проверь, — отвечал Влад. — Просто проверь, есть ли под водой камни.

— Неее... — жеманилась она. — Если там есть камни, я не знаю, что мне делать. А если камней нет, тогда я тем более не знаю, что делать.

Первая часть сна прерывалась, когда Хелена поднимала взгляд к небу.

Небо, вода и земля сливались в чудесном свете, и тогда начиналась вторая часть сна.

На горизонте возникал город, где уличные беспорядки перерастали в полный хаос. Люди врывались в супермаркеты, брали всё, что им нужно. Крупные бизнесмены плакали над своими империями, которые коктейли Молотова окрашивали в дым и пламя. Офисы горели, галстуки падали, и после всего оставался лишь пепел полной свободы.

Во сне Хелена видела себя у ворот лагеря.

На ней была полосатая форма.

Рядом с ней стояла проститутка, которая говорила:

— Неужели всё действительно должно было рухнуть, чтобы мы наконец стали свободными?

За воротами лагеря их ослепляло Солнце, и они начинали бежать в неизвестность, полные ожидания.

Глаза постепенно привыкали к свету, и тогда они наконец могли увидеть, что ждёт их за воротами.

А за воротами лагеря было ничто иное, как огромный, бесконечный ресторан McDonald's.

Хелена просыпалась из этого кошмара в ужасе каждый раз, когда видела жёлтую букву М в названии знаменитого ресторана. Потом она с сладкой ностальгией вспоминала некоторые черты лица Влада, которые уже начинали

бледнеть в памяти, и этого было достаточно, чтобы не думать о мрачных предчувствиях своего сна.

После этого она обязательно шла в «Маврикиус», заказывала вино и слушала, как Адам по-прежнему дует в трубу и поёт странные песни.

— ЮЛ [Югославская левица] — это правильный выбор и правильное решение, голосуй за справедливость, смелость и честно-ость... — пел он в маленький микрофон, подключённый к компьютеру, который записывал его голос.

— Весёлая песенка, — сказала Хелена.

Адам каждый раз радовался, когда видел её, но быстро возвращался к своему бессмысленному караоке-предприятию, становясь равнодушным к её присутствию. Когда она приходила — это было очень приятно. Когда не приходила — ничего страшного, «Маврикиус» оставался одинаково приятным и с ней, и без неё.

— Он и сегодня не объявлялся? — спросил он о Владе.

— Нет, — ответила она. — Он ушёл. Окончательно.

— Вернётся. Они всегда возвращаются.

Адам махнул рукой, а затем сделал один жест пальцами, хорошо знакомый Хелене. Он звал её подойти ближе, чтобы что-то прошептать.

Хелена уже догадывалась: у него в кармане снова какие-то чудесные наркотики, которые нужно попробовать.

— Нет, нет, нет! — замотала она головой и оттолкнула его. — Ты же знаешь, чем всё закончилось в прошлый раз, когда ты... съел это! — прошептала она.

В прошлый раз Адам оказался в серьёзном параноидальном трипе. Хелена застала его возле чёрно-серой картины, ещё сырой, только что написанной, полной безжизненных тел и мрачных голодных птиц.

Серые тела и чёрные птицы кружили по всей маленькой комнате в «Маврикиусе». Повсюду лежали уничтоженные картины, порванные холсты и разбросанные обломки деревянных рам.

Адам сидел свернувшись в углу, закрывая голову руками от света.

Он уничтожил все свои картины, потому что, как он говорил, за ним гонялись ведьмы.

— Мы больше никогда этого не будем, — говорил он потом. — В этом нет смысла, товар плохой. Наркотики — для богатых, у них золотой порошок. А мы нюхаем и глотаем сахарскую пыль с пестицидами, по которой десять лет гадили

мышь, пока она лежала в бункерах Энвера Ходжи, потом её сбрызнули эфирным маслом мяты и женьшеня, чтобы скрыть её настоящую природу.

Конечно, вскоре он перестал так говорить. Снова начал кокетничать с идеей достать что-нибудь новое. Что-нибудь альтернативное или натуральное.

И в тот день ему пришла в голову гениальная идея, которой он хотел поделиться с Хеленой.

Адам показал ей белые стружки на стеклянной пластинке старого микроскопа.

— Я знаю одного перуанца, который разводит лягушек. Он дал мне это. Буфотенин, то есть молоко из желез жабы буфо, — самый мощный галлюциноген, который когда-либо знал человек, — сказал он.

— Только один раз, — сказала она себе. — Только это — и я вернусь к скуке и сонливости обычного Прозака.

Адам сделал несколько ловких движений.

— Это очень плохая идея, — сказала она ему.

— Знаю, — ответил он, — но лучших идей у нас нет.

То, что он скрутил, выглядело как обычная сигарета без фильтра. Они сделали по одной затяжке.

Вкус, одним словом, был отвратительным. Но это их особенно не удивило. Никто и не ожидал приятного вкуса от молока молодых земноводных.

Менее чем через тридцать секунд перед ней начала танцевать вся чёрная Африка.

Петух ярких цветов бегал вокруг зелёного огня. Бирюзовое пламя бушевало, рыча, как зверь. Слышался ритм трещоток и тимпанов.

Легба начал танцевать.

Чёрный мужчина в юбке из высушенной травы, с глазами тёмными как смола и ногами, расставленными ромбом, надел деревянную маску, чьи губы были кровавыми и улыбающимися. Он размахивал красным мешочком, из которого поднимался дым, пахнувший апельсинами и гранатом.

Под туманом этого ароматного дыма видны были лишь цвета — живые, тёплые, плавающие цвета.

Всё больше и больше людей появлялось из ниоткуда.

Чёрные люди танцевали в пёстрых юбках: жёлтое, чёрное, красное, жёлтое, зелёное.

Факелы горели и ревели.

Женщины мазали лица белой мукой и рисовали круги на земле.

Легба протянул горящую бутылочку, и Хелена выпила из неё. Затем она впала в транс — её трясло, она горела.

Лихорадка разгоралась, а сердце билось вопреки всем правилам биения хорошего, здорового сердца. Сердце бунтовало, прыгало, кричало.

Сердце бунтовало, дыша в неровном ритме африканских барабанов и огненных воплей.

Хелена потеряла сознание.

Она пролежала на асфальте всего несколько секунд, когда холодное прикосновение разбудило её.

Перед ней стоял садовый гном в компании Мини Маус.

Мини Маус разведена. Она курит как паровоз, пьёт бренди и занимается астрологией. Мини Маус — мечта нашего детства — не имеет постоянной работы, принимает Лехарго и ездит на старом Ford.

Мини Маус часто мучают кошмары.

Её любовник торгует секс-игрушками, которые импортирует из Китая, и не является поклонником уплаты налогов.

Хелена с жаром рассказывает ей о напитке, который она выпила — о напитке с фиолетовым вкусом, который называется Эрзули. Ей кажется, будто она выпила духа или чью-то душу.

Но Мини Маус это совершенно не интересует.

Мини Маус высокомерна, отравлена табаком и с похмелья, как и все разрушенные мечты нашего детства.

Садовый гном снова полон полезной информации из Википедии. Его голос глубокий, мужской и успокаивающий. Он знает больше, чем сам святой Google.

— Гебефреническая шизофрения, — объясняет садовый гном, — это форма шизофрении, которая рассматривается как радикальная, ядерная форма шизофрении, наиболее близкая к характеристике этого расстройства у Крепелина (*dementia praecox*). Слово происходит от греческих слов *hebe* — юноша и *phren* — душа.

Гебефреническая форма имеет раннее начало. Заметны выраженные аффективные изменения. Она характеризуется сильной регрессией и

разнузданным, дезорганизованным, детским, безответственным, буйным и причудливым поведением, а также манерностями, склонностью к неуместным шуткам и одержимостью философскими темами.

Эмоциональные реакции неадекватны и изменчивы, часто сопровождаются хихиканьем без видимой причины и странными гримасами.

Настроение повышенное и неуместное, мышление дезорганизовано, а речь несвязна.

Из-за быстрого развития негативных симптомов, особенно упрощённого аффекта и потери воли, состояние быстро приводит к глубокой дезинтеграции личности.

Прогноз неблагоприятный.

— Я прошу прощения... — говорит Мини Маус, — но то, о чём вы говорите, — типичный Водолей с асцендом в Овне.

— Святой Господь Иисус Христос, я больше никогда не буду курить жабу! — прошептала Хелена тихо, вежливо улыбаясь, чтобы не обидеть присутствующих персонажей из мультфильмов.

К её левому уху донёлся застенчивый мужской голос.
Адам, пламенный атеист, бормотал себе под нос:

— Святой Господь Иисус Христос, я больше никогда не буду курить жабу!

«Снова не тот бог. Ну конечно! Мы, амийцы, всегда были вне самых новых трендов в сфере божеств. Этот народ постоянно попадает в беду потому, что всегда молится тому, кто уже потерял власть, а когда наконец понимает это и переключается на следующего — тот тоже уже оказывается бывшим. Мы никогда ничему не научимся», — подумала Хелена, опуская голову и сопротивляясь желанию заснуть.

— Никогда ты не научишься, имей в виду! — крикнула она Адаму, который ничего не услышал, и наконец провалилась в сон.

Часть вторая
Принцип

1.

Единственное, что грязнее провинциальных муниципальных канцелярий, — это провинциальный общественный транспорт. Городские автобусы, трамваи и поезда выглядят как персонажи из стимпанк-анимации после лечения от героиновой зависимости. Их единственное преимущество перед всеми прочими социальными службами этого города в том, что в автобусе не существует общественной обязанности болтать с другими о всякой херне.

Жвачки, граффити, корки от апельсинов, кровавый блевок и использованный презерватив — всё это ни капли не мешает Хелене Вайс есть булочку в автобусе номер шестьдесят шесть по дороге на окраину. Следует учитывать, что Вайс всё-таки стенографистка парламента и, весьма вероятно, не испытывает отвращения. Однако последний кусок застревает у неё в горле: почувствовав холодный укол в нижней части спины и чьё-то тёплое дыхание на шее, Хелена понимает, что позади неё сидит кто-то очень злой.

Это был её старый пациент Ловор.

Он держал лезвие ножа у её кожи и говорил ей сидеть спокойно. Он сбежал из клиники. За ним гоняются из Службы государственной безопасности. Все в сговоре. Ловор хочет, чтобы Хелена была его заложницей: он говорит ей слушать и внимательно выполнять его инструкции. Она встанет спокойно, как будто ничего не происходит, и выйдет на следующей остановке.

Хелена Вайс начинает смеяться.

— Да ладно тебе, Ловор, ты издеваешься. Ты правда думаешь, что Службе государственной безопасности есть дело до какой-то девчонки? Вот если бы это была госбезопасность, как раньше, когда у тебя было ощущение, что кто-то действительно слушает, что ты говоришь. Тогда они отлично знали, что делают. Спасали нацию, притворяясь публикой. Сегодня стендап-комиков больше, чем зрителей, а никого не интересует искусство и общественный активизм, если они не запрещены. УДБА, как и КГБ, на самом деле защищала нас от нас самих. И они были совершенно правы. Эти люди знали, что человечество прежде всего нужно защищать от человека. А сегодня всё отдано на милость свободе выбора. Кто бы мог подумать, что в конце концов нас поработит не кто иной, как — свобода!

— Да хватит пиздеть, вставай! — нервно пробормотал Ловор.

— Ты правда думаешь, что кому-то есть дело до меня? — смеялась она. — Или до тебя? Да этой игрушкой, что у тебя в руках, ты и комара не убьёшь. Где ты её вообще нашёл, на кухне в клинике? Хлеб, который вам там подают, твёрже и острее этого! Кстати, почему никто никогда не пытался покончить с собой черствым хлебом?

Ловор роняет нож. Его руки дрожат. Водитель замечает происходящее и останавливает автобус. Ловор выбегает из автобуса, а за ним гонятся несколько санитаров.

Странно, как люди вроде Ловора уверены, что величественную Службу государственной безопасности действительно волнуют какие-то уральские дикари, подумала Хелена. Одной бомбы с небольшим количеством мышьяка и просроченным сроком годности хватило бы, чтобы стереть половину этого государства с лица земли. К тому же на планете существует семь миллиардов человек. Семь миллиардов маленьких скучных блох чешут эту измученную планету, самцы из кожи вон лезут, чтобы удерживать внимание хотя бы одной-единственной самки достаточно долго, чтобы произошёл процесс спаривания, а всё равно находятся личности, которые думают, будто громоздкий аппарат государственной безопасности тратит деньги, которых у него нет, чтобы преследовать именно их.

Демократические общественные устройства имеют одно большое преимущество. В них мы наконец осознаём всю свою незначительность. Наши слова, наше творчество, наши угрозы — всё становится смешным и второстепенным, а наши жизни, как и наши смерти, никогда не обретают форму и смысл, разве что когда ведут протокол в парламенте или когда голосуют.

Водитель автобуса спрашивает Хелену, испугалась ли она. Она отрицательно качает головой. Он говорит, что тот факт, что она не испугалась, — его очень пугает.

Хелена объясняет ему, что молодая Амия больше не боится. Она рассказывает ему о том июньском дне, когда на Адама напал питбуль. Он вцепился челюстями ему в руку и не отпускал. Адам, несмотря на боль, просунул голову под свою руку и укусил пса так сильно, что отгрыз ему гортань. Хотя, может, это и не был питбуль — может, это был пекинес. Или мышь. Или галлюцинация от наркотиков. Неважно, это не меняет морали истории. Мораль истории в том, что этот народ, как и Адам, готов на всё.

— Готов на всё, кроме бунта, — заключает водитель автобуса.

— Ну уж нет! Нельзя ожидать бунта во время «Сулеймана». Или «Маленькой невесты». Или прослушиваний музыкальных талантов. Или «Отчаянных домохозяек». Или «Вестника недели». Или «Покупок из кресла». Или Лиги чемпионов. Или...

— Ладно, ладно. Я понял, — перебил её он.

Пока Хелена перечисляла развлекательные программы, которые нельзя пропустить, автобус прибыл на конечную остановку. Остановка находилась в пятнадцати метрах от дома Влада Фишара. Входная дверь не была заперта. Влад никогда её и не запирает, потому что в доме всё равно не было ничего, что кто-то захотел бы украсть. Украсть какую-нибудь из его безделушек было всё равно что украсть чужую проблему: потом пришлось бы думать, как и кому продать в

основном бесполезные мелочи, а на это ушло бы больше энергии, чем можно было бы потом купить еды на вырученные деньги.

Дверь в комнату была открыта.

Как только она вошла, Хелену охватила ностальгия. Она смотрела через разбитое окно комнаты Влада, как падает первый снег. Она представляла, что сейчас находится в России, смотрит балет в Большом театре, пока пахнет первый московский снег. Она смотрит «Тристана и Изольду». В белой шубе из искусственного меха, унесённая несуществующей эмоцией в конце спектакля, она зажигает тонкую белую сигарету и ждёт любовника. Ночь ясная и мороз сильный. Он приезжает поездом, в купе которого всё ещё сидит дух Анны Карениной.

Славянские поезда больше не перевозят любовников. Они перевозят рабочих в цеха европейских фабрик, которые всё больше напоминают лагерь смерти. Женщины в поезде толстые от антидепрессантов, уродливые от тревоги, курят самокрутки и кашляют гноем. Сквозь исцарапанное окно старого поезда, воняющего мочой, они смотрят на первый снег, надеясь, что Новый год станет годом окончательного поражения капитала, и задаются вопросом, кто сжёт золотую американскую Конституцию, утверждающую, что все люди рождаются равными.

Хелена открыла шкаф, чтобы найти пистолет, о котором Влад говорил ей никогда — ни при каких обстоятельствах — не трогать. Она хочет убить Грина Коридина. Но вместо пистолета она находит записку от Влада:

«Забудь про пистолет, лучше немного прибери.»

Под текстом была нарисована красная стрелка и пометка «1 м».

«Какое больное, шизофреническое ублюдочное отродье!» — подумала она. «Хочешь, чтобы я прибралась? Ладно, приберусь», — кипела она от ярости.

Она разложила все его вещи на три категории:

1. продать
2. присвоить
3. сжечь

Она собиралась продать большую часть его книг, даже его любимого «Смерть Ивана Ильича». «Религию и психоанализ в международной дипломатии» она сразу облила румынским бензином, как и «Лечение шизофрении чаями». Она решила сжечь и все альбомы Курта Кобейна и Ramones. В той же куче для сожжения оказались и барби без головы (реплика знаменитой «Югославки», сделанная в восьмидесятих годах), разбитое антикварное зеркало и вся его одежда.

Вонь гнилой ткани и расплавленного пластика распространялась по всей улице, пока Хелена довольно потирала руки и бормотала:

— Вот так, дорогой, считай дом убраным.

Любопытство заставило её посмотреть, что находится в одном метре от записки, которую он оставил и отметил красной стрелкой. Ровно на расстоянии одного метра находилась пустая часть двустворчатого шкафа. Там Хелена нашла мужской парадный костюм и белое платье — оба предмета купленные на блошином рынке. Одежда выглядела так, будто очень давно была символом счастливой британской свадьбы на зелёной лужайке перед древним замком где-нибудь в Северной Ирландии.

Британия. Северная Ирландия. Солнечная, зелёная Ирландия с уровнем безработицы всего в 5% и стабильным ростом ВВП. Хелена мечтала ещё об одном месте, которое никогда не увидит, рядом с Парижем и московским театром.

Она надела белое платье и вообразила, что на заднем плане оркестр играет «Once Upon a Dream». Пара, которая когда-то носила эту одежду, наверняка познакомилась в аэропорту Хитроу. Он был пианистом. Или шахматистом. Или и тем и другим. Она была черноглазой русской, профессором сравнительной литературы. На первом свидании они пошли в театр и смотрели «Тристана и Изольду». Они ехали в том самом поезде, в купе которого до сих пор сидит дух Анны Карениной. И ни один из них никогда не беспокоился о том, сможет ли работать на работе, в которую влюблён. Ни один из них не думал о безработице, нелегальных мигрантах и напалмовых бомбах.

Его государство и положение в высшем среднем классе делали его сильным и здоровым. Его любимая Россия делала её живым огнём. Её чёрные глаза Востока и его голубые глаза Запада танцем приветствовали рождение золотого века в постфашистской Европе и даже не подозревали, что наступит день, когда лагерь тихо откроется снова.

Сорок лет спустя его свадебный костюм купил шизофреник, а её белое свадебное платье носит девушка, у которой нет будущего.

В кармане старого костюма Хелена нашла ещё одну записку:

«бесконечное синее полотно крови и в нём жёлтая звезда лжи, теперь на большом сезонном распродаже в новой и более красивой упаковке»

и множество звёздочек, сделанных из пластика и фосфора. Звёзды светились в темноте.

Совсем мило, подумала она. И всё же какой-то частью своего подсознания она, возможно, ожидала немного более романтического подхода. То ли из-за своей иллюзии, то ли из-за шока от того, что Влад остался ей верен, несмотря на то, что вёл себя как медведь, настроение Хелены внезапно резко ухудшилось.

Ветер сдул муку с краёв мандалы Влада. Хелена сидела в ней, пытаясь поднять себе настроение, одновременно втыкая нож в вуду-куклу Грина Коридина. Девятнадцать раз. Девятнадцать ударов — и ни капли крови. Девятнадцать маленьких укусов для сердца господина психопата.

И ещё столько же ударов в сердце куклы с причёской немецкого канцлера.

Но и канцлеру не было больно: она смеялась над ней. Она издевалась над ней, словно говорила:

— Ты правда думаешь, что можешь убить империю? Бессильные маленькие пролетарии, вы боретесь с империей с тех самых пор, как Моисей поднялся на Синайскую гору, и всегда проигрываете. Потомок первого фараона и его порядок до сих пор правят миром. Ты, маленькая женщина, мне даже симпатична. Ты знаешь, что дьявол и бог стали одним, и что вы все умрёте — особенно вы, низшая раса, — на этой горячей чёрной земле, которая уже веками несёт проклятие неприсоединившихся. Ничья земля будет сожжена, как и вы, проклятые уже тем, что родились на ней.

Хелена испуганно бросила вуду-куклу с лицом Дазмоне на пол, когда её прервал короткий звук. Ей пришло письмо. Сообщение было неожиданным и удивительным, а в разделе «sender» стояло имя великого Влада Фишара. Хелена сразу начала читать письмо, впитывая каждое его слово:

«Дорогая Хелена,

Должен признаться, ситуация застала меня врасплох. Я не могу точно сказать, когда именно произошёл этот странный случай, но помню, что это было в воскресенье. Я планировал короткую поездку в Вену, когда в мой дом ворвались двое мужчин в чёрных масках. Один из них сказал мне войти в комнату и повернуться лицом к стене.

— Вы не в том положении, чтобы мне приказывать, — сказал я. — Всё-таки вы находитесь в моём дворе.

Тип посмотрел на меня и начал смеяться.

— Слышал его, блядь, пёс тебя дери, — обратился он к своему напарнику, а затем ко мне: — Всё это государственный двор и если государство захочет тут поставить Айфонову башню, ты не то что будешь молчать — ты ещё спросишь: мастер, может, помощь нужна!

Я попытался ответить, но как только он увидел, что я открыл рот, он положил мне руку на спину и уложил на землю. Он рылся в моих вещах. Я не знаю, что он среди них нашёл, потому что лежал лицом к земле, но помню, что он протянул какую-то авторскую карикатуру к моему лицу и спросил:

— Слышь, а это кто?

— Товарищ Сталин, господин, — ответил я.

— Мне он больше на премьер-министра похож, господин, — сказал его коллега, который до того молчал.

— А ты молчи! — крикнул он и воспитательно треснул его по макушке, а затем снова обратился ко мне: — Сталин, говоришь? А где у него усы?

— Рисунок не закончен, господин.

— А что это у него за дилдо в руке? — спросил он.

— Микрофон, господин.

— Да неужели? Вот как, да? — нахмурился он. — И что он с ним делает?

— Мне кажется, будто он... — вмешался его напарник, но ещё одна воспитательная мера по макушке не позволила ему закончить предложение.

— Поёт, господин, — вмешался я, чтобы успокоить ситуацию.

— Ага, значит ты такой умный? Тогда скажи нам, что он поёт? — спросил он меня.

— Бору, господин.

— Ага... и как звучит этот твой Бора?

—
“Тут, в отеле, рядом с железнодорожной станцией,
любят меня все, кто пересекает границу,
немного я слабее на домашнем поле,
хотя у меня цена подешевле...”

Я пел тихо, стеснительно и без малейшего слуха. Тип морщился и прикрывал ухо ладонью.

— Ладно, хватит, хватит! Я знаю, как дальше. Ладно, пусть товарищ Сталин поёт, а ты поедешь немного с нами, — сказал он и увёл меня — честно говоря, понятия не имею куда. От страха меня накрыла полная амнезия, а перед глазами плавали только мутные тёмные круги. Через пару часов я очнулся в психиатрическом институте. Диагноз: острая психоза параноидального типа. И попробуй теперь объясни им, что ты не сумасшедший, а просто хороший фокусник. Я и не пытался.

А дорогая, поверь мне, это было как в тюрьме! В учреждение такого типа нельзя пронести даже скрепку. У тебя забирают даже шнурки, чтобы ты не повесился и никого не задушил. Конечно, опасны не предметы, но должен признать — депривация довольно эффективный метод.

Но есть в этом и кое-что полезное: если ты хороший буддист, у тебя появляется всё время этого мира, чтобы спокойно тупить, делая вид, что занимаешься тем, что специалисты называют медитацией. В общем, довольно приятное безделье. Когда перестаёшь сопротивляться, драться и повторять «я не сумасшедший», а начинаешь валяться и расслабляться, получается почти как отпуск без денег. Проблема лишь в том, что здесь расслабление — условие выписки наружу, а снаружи уже не получится расслабляться.

В общем, как только я вышел, сел на автобус до Вены и до сих пор не успел... ну, ты понимаешь. Ты-то меня понимаешь.

Прости мою литературную неспособность написать красивое письмо, которое женщина хотела бы прочитать после того, как её шесть месяцев бросили в Амии без единого слова. Надеюсь, ты понимаешь, что это не было трусостью — скорее стратегией...»

Хелена смотрела на письмо и думала о целом годе, который прошёл между 15:06 и 15:07. Она чувствовала себя так, будто парит в абсолютной тишине космоса с одной колодой карт.

Она вспомнила момент, когда познакомилась с Владом Фишаром: это был день, когда она молила бога спасти её или убить. Глядя в белые, шизофренические глаза Влада Фишара, она должна была понять, что бог всё-таки решил её убить. А может, между этими двумя действиями и нет никакой разницы.

Во всяком случае, она больше доверяла методам отца вселенной, чем методам отца государства. Потому что с первым всё всегда ясно: рождаешься, пашешь, умираешь — без исключений. С государством всё немного иначе, потому что никогда не знаешь, кто может прийти в твой двор и начать строить там Айфонову башню — символ торгового соглашения, в котором приличный социализм был продан за плохую демократию, настолько съеденную инфляцией, что её можно было обменять разве что на Владимира Горда, кулёк семечек и жвачку вместо сдачи.

Снег валил всё сильнее, а последний автобус уходил в половине четвёртого. Хелена взяла с собой несколько ценных книг, которые могла бы продать, и пошла на остановку. В автобусе сменилась смена, и вёл его другой водитель — молчаливый и замкнутый.

Приятная тишина и свежая зимняя прохлада, вместе со всем, что произошло, навалили на Хелену непреодолимую усталость. Она задремала в провинциальном автобусе и снова увидела один из тех снов, которые были для неё типичны.

Во сне она работала ночную смену на бензоколонке, за кассой, пересчитывала мелочь и зевала. Было, можно сказать, 01:30, когда на станцию ворвался парень с пистолетом и очень хорошей причёской. Он вывел её за колонку и приставил пистолет к её голове. Небо было ясное, свежее и пахло холодом.

— Сегодня день, когда ты умрёшь. — сказал он.

— Окей. — спокойно ответила Хелена.

— Ты меня не услышала, сегодня день, когда ты умрёшь. — повторил он.

— Да ладно, блин, я же сказала — окей. — сказала она ему немного дерзко.

Он роется в её кошельке и достаёт её удостоверение личности.

— Хелена Вайс. — говорит он.

— Хелена Вайс. — повторяет.

Он старается придать всей сцене сильную, личную ноту. Хелена замечает, что звёзды особенно красивые, когда ночь холодная и ясная.

— Ну хорошо, я умру ‘сейчас’ сегодня, или ‘мне ещё три часа до конца смены ждать’ сегодня. Не то чтобы я спешу, просто... ну... — бормотала она.

— Хелена Вайс... — повторяет парень с хорошей причёской — ...у меня твоё удостоверение. У меня твой адрес. Я знаю, где ты живёшь. Я хочу, чтобы в течение года ты закончила университет и стала ветеринаром, иначе ты умрёшь.

— Но я уже закончила университет.

— Хм, а работаешь ночную смену на заправке, как это? — спрашивает он, хмуря брови.

Она заметила, что он действительно старается, и ей его стало как-то жаль. Он тут пытается развить с ней какой-то эмоциональный момент, а Хелена Вайс, как всегда, такая фригидная. Может быть, если бы она была немного злая, немного убедительная, может тогда он не был бы так разочарован неудачей своей маленькой битвы за революцию, думала она.

— Чувак, как ты думаешь, куда ты попал? Это Амия, мастер. — говорит Хелена, стараясь выглядеть менее холодной, менее провинциальной и вообще меньше похожей на безнадежный случай.

— Извини, я думал, ты кто-то другой. Что ты что-то другое. — шепчет он, ослабляя хватку и держа пистолет лишь настолько, чтобы он не выпал из руки.

— И что теперь, я не умру?

— Не умрёшь, не сегодня вечером.

— Тогда женись на мне. — говорит ему Хелена.

— Что?

— Женись на мне ради грин-карты. Мне нужна грин-карта.

Парень смеётся.

— Если бы это был фильм, и если бы меня играл какой-нибудь голливудский красавчик, которому делают три предложения в день, твоё предложение всё равно было бы лучшим. Но я не женюсь, я делаю революции.

— Женись на мне или убей меня. — упорно говорит Хелена и губами ловит холодный ствол пистолета.

— Всё-таки... понимаешь... революция... — бормочет он.

— Твоя революция провалится. — шепчет ему Хелена. — Твоя революция будет сосать хуй, и через несколько лет ты будешь зваться Себастьян, у тебя будет жена Марла, которая родит тебе сына. Ты будешь работать в офисе. Ты станешь тем, что ненавидишь. Ты будешь белым воротничком. Ты будешь повседневной жизнью. У тебя будет полно денег, и ты будешь писать романы, в которых описываешь, как выводить пятна от вишни с хлопкового постельного белья. «Пятна от кошачьей мочи выводятся зубной пастой, в которую добавлено немного соли». Или какое-нибудь такое дерьмо. Ты станешь пособием для домохозяек. Тебя будут называть «андеграунд-спектаклем». Снимут фильм о твоей смерти и о смерти твоей великой идеи, а играть тебя будет парень, который раз в неделю вытягивает голубые пряди и отбеливает искусственные зубы двенадцатипроцентной перекисью водорода.

Парень смотрит на неё так, будто не понимает, о чём она говорит. Они не могут так с ним поступить. Они не могут так просрать его концепцию. Они не могут просрать его бессмертие.

— Я легенда. — говорит он.

— Они могут всё. — объясняет ему Вайс. — К тому же ты сам виноват со своим этим амбивалентным перетягиванием каната между доктором Джекилом и мистером Хайдом. Это Амия, мастер. Здесь ты теряешь себя до конца и назад уже не возвращаешься. Больше нет доктора Джекила. Только мистер Хайд — холодный, сумасшедший и потерянный. Нет хорошего парня, который только ночью делает плохие вещи, а потом просыпается в уютных объятиях амнезии. Здесь утром ты помнишь всё. Знаешь, товарищ, в Амии делают напитки с сорока восьмью промилле алкоголя, а мы всё равно не забываем.

Парень разворачивает рукоятку пистолета к Хелене и протягивает его ей. Он поворачивается к двери, идя шаг за шагом, с опущенной головой.

— Звёзды сегодня особенно красивые, — говорит он. — И рассвет будет очаровательным. Через три часа, когда у тебя закончится смена, ты увидишь самые красивые цвета неба.

Он говорит ей и то, что ей не обязательно умирать, и не обязательно становиться ветеринаром, и вообще чем-либо. Ей больше ничего не нужно.

— Можешь проснуться, ты сделала вполне достаточно для одной ночи, — говорит он.

— Ты сделала даже больше чем достаточно, Вайс. — говорит он.

— Что я сделала? — спросила она, показывая, что действительно не понимает, насколько губительно её холодная правда действует на людей.

Парень остановился, повернулся к ней с выражением глубокого разочарования и, совершенно по-мужски чувствительно, вздохнул, словно вдыхает свой маленький крах, а затем пробормотал:

— Ты разбила мне сердце сегодня вечером, Вайс. —

2.

В среду Адам объяснил Хелене, как правильно молиться богу.

Главное — не забыть ни один субъект силы, который может повлиять на ход судьбы и имеет прямые или косвенные прослушки на всех важных точках города.

— Товарищ бог. Товарищ Христос. Святой Сталин. Преподобная великомученица Даэмона Меридал. Кришна и Осирис. — объяснял ей Адам, как должно звучать начало каждой молитвы. Примерно как при написании CV: важно обратиться по как можно большему числу адресов — кто-нибудь да ответит.

— В конце концов, хорошая молитва — это как хороший бизнес. — говорит Адам. — Главное — наладить контакты.

Второй шаг хорошей молитвы — cost-benefit анализ. Субъекты силы должны знать, какой процент твоей души принадлежит им после вычета налога на добавленную стоимость и обычных потерь из-за инфляции и курсовой разницы. Поэтому всегда полезно сказать богу что-нибудь вроде:

— Если ты вытащишь меня из этой жопы мира, товарищ Христос, я буду раздавать листовки с твоим лицом вместо тех, что с Владимиром Гордом. Аминь.

— Хорошо. — сказала Хелена, когда осталась одна. — Ну что ж, попробуем.

— Товарищ бог, какого хрена ты вообще делаешь? Обещаешь бессмертие нарциссическим космическим блохам, зависимым от секса, власти и зеркала. Психопаты оккупировали парламент и строят бордерлайн-общество, в котором лучшие среди них вынуждены скрывать свою ценность, чтобы не вызвать гнев и паранойю Великого Вождя. Бордерлайн-общество постепенно превращается в шизофреническое общество. Вода залила всё, и дерьмо всплыло. Какая вообще молитва имеет смысл теперь, когда ни ты, бог, ни один небесный дух не имеют ни малейшего понятия, что делают и как вернуть контроль. Система стремится к хаосу. Энтропия. Система стремится к самоуничтожению, потому что нам всё это до чёрта надоело, особенно американская мечта. Нет никакой американской мечты. Всё, что ты делаешь в жизни, — это вопрос удачи и стартового капитала, а удачи и капитала мне, чтобы сразу было ясно, тоже по горло. С верой в бога и партию. Аминь.

Это была короткая и мощная молитва, но Бог не ответил.

— Окей, очевидно, я где-то упустила самую суть. — подумала она и пожала плечами, когда зазвонил телефон.

Звонил не кто иной, как Влад Фишар!

— Не убивай Грина Коридина. — прошептал он в трубку. Как романтично!

— Слушай, провинциальная система и вообще система этого государства стабильна примерно так же, как карточный домик. Если вытащить правильную карту, одну из тех, что стоят у самого шаткого основания нашего квази-Вавилона, есть большой шанс, что рухнет вся машина. Грин Коридин может оказаться именно такой картой. — говорила она взволнованно, и даже сама не понимала, почему так старается что-то объяснить раздвоенному уму великого Влада Фишара.

— Я не могу долго говорить. Я в больнице.

— Опять?

— Они думают, что я сумасшедший. Не знают, что я фокусник.

— Жаль для них.

— Ничего. Тут есть один тип с ранами на ладонях и ступнях, орёт, чтобы мы всё бросили и пошли за ним. Должен признаться, он харизматичный.

— И вы всё бросили и пошли за ним?

— Попробовали. Но поскольку мы все заперты, человеку было некуда идти, и он просто водил нас кругами по комнате в несколько квадратных метров. Я сказал ему, что, в общем-то, всё равно — крутиться в комнате или по всему миру. Он довольно сильно взбесился. Тогда я, чтобы его успокоить, спросил, откуда у него раны. Говорит, его прибили, потому что он боролся за цель. Ну хорошо, сказал я, Троцкого тоже изгнали за это. Я спросил его, не троцкист ли он, случайно. Он молча смотрел на меня, глубоко потрясённый. Если бы я знал, что это его так заденет...

— Какая жалость, что вам не удалось найти общую тему, Влад.

— Но удалось, удалось! На самом деле я убеждал его, что ему не стоит заводить последователей, потому что это прямой путь к диктатуре, даже если намерения хорошие. Он ведь не бессмертен. Кто-то после него возьмёт власть, воспользуется его именем и будет ебать народ следующие тысячу-две лет. Но этот тип амбивалентен по отношению к народу, страшно амбивалентен и грустно запутан. Он хочет, чтобы народу было хорошо, но чувства у него совсем другие, когда он смотрит на отдельного человека.

— Вам там ужасно скучно, правда? А почему бы вам и не скучать. Вам не нужно бороться за жизнь. Кто-то другой всё оплачивает. — зло отрезала Хелена.

— Поэтому ты завидуешь моему безумию? Потому что мне не нужно думать, как прокормиться? Но ты смешная! Чтобы не беспокоиться о завтрашнем дне, не обязательно сходить с ума! Достаточно просто отказаться от завтрашнего дня. Не переживай, будет ли у тебя будущее — пойми, что будущего нет.

— Конечно, проблема только в том, что будущее уже пришло. Будущее — это сейчас, и это дистопическое будущее. Помнишь, как все говорили, что однажды всё начнёт разваливаться? Так вот, сегодня этот самый день! Впрочем, неважно. Я хотела сказать, что убрала квартиру.

— Правда? Ты чудесная, знаешь ли ты, что ты чудесная! — говорит он с тем знакомым дружелюбным и мальчишеским восторгом, от которого её тошнило.

— Иди нахуй, Влад, иди на-хуй... — говорит она из самой глубины живота, пока тупая боль пронзает ей желудок.

Ей кажется, что он её совсем не слушает. Пока сердце готово выскочить у неё из груди от ярости, она хочет положить трубку — и в то же время не хочет её класть, — но связь обрывается. Время разговора было ограничено, и линия отключилась сама собой.

— Идиот, — прошептала Хелена себе и положила трубку.

Несёт чушь, подумала она. А даже если и не несёт чушь — ей всё равно, подумала она. Ей не терпится, чтобы всё ушло в небытие и чтобы её наконец оставили в покое, чтобы она могла дремать в стране ксанакса и удобного оцепенения, думала она.

Но беспокойство так билось у неё в голове, что она не могла расслабиться и задремать. Как же он её подвёл! Единственный человек, который простит тебе красоту, превращённую в уродство, — это тот, кто в конце концов предаст тебя самым жестоким образом, думала она.

Но даже если бы она сказала такое вслух, стороннему наблюдателю никак не было бы понятно, что в ней раньше было настолько красивым и что теперь стало настолько уродливым. И «раньше» чего?

Разумеется, и в этом случае красота и уродство существовали только в её наивном принятии внешних стандартов.

«Любовь спасёт мир», — думала она, — «но только если любовь не переедет в большую Европу нюхать дорогой кокаин и любить украинских проституток, то есть если сама любовь не станет большой Европой. Впрочем, ничего другого и нельзя ожидать от большого европейца, кроме того, что он тебя предаст. Нужно было сразу поверить генеральше, когда она сказала, что эта Европа — всего лишь фантазия, в которой никто толком не умеет даже хлеб испечь... но вот ведь — они не умеют и не голодны, а мы умеем и голодны. Но дело даже не в самом голоде, а в том, что мы на самом деле не идём никуда, кроме как к ещё одной провалившейся революции. Чтобы раб освободился, тиран должен согласиться на освобождение. Левица живёт только тогда, когда к ней присоединяются свободомыслящие дети империалистов. Конечно, у новых империалистов больше нет свободомыслящих детей, потому что демоны рожают демонов, а время стоит на месте, и ничто не указывает на то, что новый день отличается от предыдущего, кроме церковных часов...»

Церковные часы! Хелена в панике посмотрела в окно на церковные часы и увидела, что уже 15:52, вспомнив, что в четыре у неё деловая встреча с Портосом. Как она только могла забыть! Будто фальшивая любовь Влада Фишара, которую убили два мужика в балаклавах, важнее её собственного существования!

Хелена побежала и меньше чем через десять минут оказалась в кабинете господина Портоса. Хотя она ожидала упрёка за опоздание, этого не произошло. Портос сердечно сжал ей руку.

Ему что-то нужно, подумала она. Ему что-то нужно, и теперь она его товарищ.

— Сто голосов. — говорит Портос.

— Сколько? — удивилась она.

— Сто человек, по имени и фамилии, которые готовы проголосовать за нашего кандидата в президенты.

— Вы вообще нормальные? Кто за вас будет голосовать? Люди вас видеть не могут! Они вас настолько ненавидят, что готовы снова проголосовать за печально известные Демократические Силы. — сказала Хелена.

— Может быть, какой-нибудь наш товарищ нашёл бы не сто, не двести, а четырёста голосов только за то, чтобы получить рабочее место вроде твоего.

— Это сейчас угроза или шантаж? — спрашивает Хелена.

— Ах, ты никогда не научишься, Вайс! Мы здесь такими выражениями не пользуемся. Мы стали господами. Не существует угроз — есть конструктивная критика. Не существует рубки голов — есть стандартизация. И это не наёмник — это человеческий ресурс. Ты совсем ничего не понимаешь в либеральной экономике?

— И не внутренний предатель, а наевропеец. Знаю, знаю, знаю... — говорит Хелена, кивая головой.

— Вот видишь, ты всё понимаешь.

Это не феодализм, это реформы, повторяла она про себя. Это не увольнения, это меры экономии. Это не жрать говно, это следовать современным рыночным тенденциям. Это не ложь, это спин.

А создатели нам здесь, конечно, нахуй не нужны.

И конечно, не говорят «лжец», говорят «инфлюенсер». Лучшие инфлюенсеры, которые когда-либо ходили по земле, — это авторы Библии, подумала она. Печально только то, что авторы Библии не понимали своего места в политическом маркетинге. Если бы понимали, они бы повесили баннер в заголовке каждой страницы.

Библия выглядела бы куда практичнее с небольшим количеством маркетинга. Например:

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, упав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, принесёт много плода».

Пшеничные семена фермы Макдуал. Высшее качество по доступной цене. При покупке пяти наборов — шестой бесплатно!

«Говорю вам: всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже совершил прелюбодеяние в сердце своём».

Горячие девушки только для тебя! Лола. Мария. Лара. Тияна. 090-000-777 — звони прямо сейчас!

«Отец мой, почему ты меня оставил?»

Клиника искусственного оплодотворения «Доктор Пелеграно». Независимость. Доверие. Надёжность. Ваш доктор Пелеграно.

«Кто может принять — пусть принимает».

Владимир Горд — Амия в надёжных руках.

Да, Библия действительно выглядела бы гораздо практичнее с небольшим маркетингом. А ППС заплатил бы за то, чтобы каждая страница, от первой до последней, была пронумерована обведённой цифрой один.

В тот же день Хелена начала собирать голоса. Она постучала в дверь скромного, выбеленного дома, за которым поднимались тени вершин всемогущего Урала. Дверь открыл старик со значком на лацкане. На значке был выгравирован сокол, над которым было написано: «Первые крылья Отечества». Ниже — «Авиационная бригада амийской империи».

Приняв профессиональное выражение лица, Хелена спросила старика, не согласится ли он своим уважаемым подписью обязаться голосовать за ППС.

— Да иди ты нахуй, — сказали первые крылья Отечества.

Хелена открыла свою чёрную тетрадь, которую носила с собой, чтобы записывать информацию с деловых встреч в ППС, и написала в ней:

«Поколение борцов против фашизма летало над Уралом, а в наручных часах прятало таблетки цианида.

Мы пьём таблетки для похудения и протеины в спортзале.

Поколение семидесятых имело ЛСД, Вудсток и идеологию.

У нас есть Ким Кардашьян.

Поколение девяностых было поколением тёмного пива, панка и псилоцибина.

Мы — поколение пизд».

Только поколение пизд можно было подкупить пивом и пачкой сигарет в обмен на голоса, но у Хелены не было ни денег, ни желания заниматься этим.

Она так и не смогла собрать те сто голосов, которые пообещала Портосу. В конце концов лидер всё равно собирался выгнать её из партии, а эти сто голосов были лишь последней попыткой использовать наивную человеческую последовательность и логику.

Собери ещё немного голосов, а там посмотрим, что можно для тебя сделать — это было как последний секс перед расставанием, во время которого совершенно ясно, что ебущая сторона ни капли не наслаждается.

Хелена отказалась от любых попыток приспособиться к нарциссизму великих вождей и к высшему абсурду любого человеческого труда, который им удалось обесценить. К тому же никто из них и так не хотел видеть её рядом.

В стране махинаций любой интеллект излишен. Даже женский — тот самый, который, по общему правилу, считается менее ценным и легче контролируется.

Так Хелена Вайс перестала заниматься политикой — так же внезапно, абсурдно и против своей воли, как когда-то и начала.

3.

В маленькой муниципальной фирме по перекладыванию бумаг телефон звонит без конца. В духе всеобщего распада системы никто не собирается брать трубку. По какой-то причине тяжёлая рука Хелены поднимает её, а мрачное и увядшее лицо, исчерченное синими венами, кривится и изображает улыбку:

— Электрораспределение Малогорода, чем могу помочь?

— С утра нет электричества на улице Бешеного Макса... — раздаётся старческий голос.

— И что с того? — спрашивает Хелена раздражающую старуху.

На другом конце беспроводной волны тишина проглатывает все 99 бесплатных минут этого месяца.

— Видите ли, госпожа... — сказала Хелена — ...генеральный директор не появляется в фирме уже три недели подряд, а когда и появляется, проводит дни, заливая дешёвый виски в свою ещё более дешёвую алкоголическую башку, наполненную тьмой, гноем и ничто. Его секретарша — его личная проститутка, и она страшно злится из-за его импотенции, поэтому не берёт трубку. Остальная часть фирмы — нарциссические моральные карлики, которых наняла Партия Прогрессивных Сил по приказу Грина Коридина. Мой коллега не может вам помочь, потому что занят тем, что стирает отпечатки пальцев со стола, чтобы его не нашли инопланетяне. А я занята тем, что смотрю в потолок в ожидании лучших времён, которые принесёт ядерная война.

— Меня это не интересует, здесь темно... — взволнованно продолжает свою жалобу госпожа.

Хелена представила её очень низкой шестидесятипятилетней женщиной, которая курит сигареты без фильтра и имеет серьёзные проблемы с запором.

— Госпожа, вы понятия не имеете, что такое темнота.

Госпожа орёт, что подаст на них в суд — в муниципальный суд, окружной суд, национальный совет, службу по жалобам, комиссию по гражданским правам и, конечно, в парламент. Она кладёт трубку. Она всё ещё думает, что малгородские институты системы, то есть трупы, которых уже съели черви, могут что-то с этим сделать.

Телефон вскоре снова зазвонил.

После изменения положения о рабочих местах Хелена Вайс признана избыточной рабочей силой и уволена. Хозяева малгородского ППС говорят ей, что им жаль, но они ничего не могут с этим поделать. Разумеется, она всё ещё их товарищ. Под лицемерными улыбками их рты кривятся, и на них читаются несказанные лозунги победы.

Щёки Хелены горят, кожа у неё кипит.

Сегодня она купит пистолет, сказала она себе.

Сегодня она точно купит пистолет.

Хелена даже не зашла домой после работы. Она пошла выпить кофе с ромом и выкурить несколько сигарет в «Маурисиусе», а сразу после этого — на чёрный рынок оружия на блошином рынке, чтобы купить пистолет.

У самого входа на рынок нищеты Хелена встретила свою старую коллегу Диану, рыжеволосую мать-одиночку, с которой она когда-то работала в фирме «Ache daad», упаковывая пластиковые бутылочки в картонные коробки — то есть упаковку в упаковку.

Диана издала книгу стихов. Она сказала, что была безмерно счастлива, когда издатель позвонил ей и сказал, что опубликует её стихи — при условии, что она найдёт идеальное название для книги. Название должно было быть, как они сказали, «звучным, убойным, из нескольких слогов».

Диана два дня искала идеальное название для своей книги, но безуспешно. На вторую ночь, где-то около 3:30, она проснулась, и ей пришло в голову блестящее название — психотика. А потом она ввела его в святой Google и обнаружила хэви-метал группу, которая уже много лет так называется.

Тогда однажды вечером она напилась водки и решила назвать книгу алкоголика. И это название уже было занято.

«Metallica». Есть.

«Borderline society». Есть.

«Life, inc». Есть.

«Black bird in the desert». Есть.

«White bird in the desert». Есть.

«White bird in the black desert». Есть.

Сотни тысяч людей до неё пытались пробиться. Сотни тысяч людей до неё были оригинальными, остроумными, умными, интересными. Миллионы дошли туда, куда вообще способен дойти человеческий ум, и не спрашивали о цене.

Что мне нужно, чтобы почувствовать вдохновение?

Героин. Давай.

Анальный секс. Давай.

Мухоморы, клептомания, самоповреждение, депривация.

Давай, давай, давай, давай.

— В конце концов мне просто остопиздело стараться ради чего-то, на чём я не заработаю ни копейки. — сказала она.

В общем, когда она уже отказалась от всех бесполезных усилий, она положила локоть на клавиатуру, позволила названию напечататься самому и назвала книгу стихов ghbbbbbbbbbbnnnnnnnn.

— Тебе нравится? — спросила Диана Хелену.

— Офигенно! — ответила Хелена совершенно искренне. — Книга под названием ghbbbbbbbbbbbbnnnnnnnn — это именно то, что я бы точно хотела прочитать.

Жизненное произведение Дианы было продано всего в двадцати пяти экземплярах.

Двадцать пять раз по три доллара — это семьдесят пять долларов. Из этого Диана получила десять процентов.

Её жизненное произведение принесло ей семь с половиной долларов.

Все двадцать пять покупателей сказали, что купили книгу только из-за названия. Стихи выглядели как что-то, над чем автор слишком старался, а слишком много говна приводит к тому, что содержимое унитаза переливается через край.

Хелена предложила ей в следующий раз писать стихи тоже локтем.

Диана сказала, что следующего раза не будет.

— Я же тебе говорила. — говорит Хелена.
Диана только пожимает плечами.

— В древние времена... — продолжает Хелена — ...в племенном устройстве все днём выполняли одну и ту же скучную работу, чтобы вечером собраться у костра, рассказывать истории, ставить представления и петь песни. Все были и рабочими, и писателями, и поэтами, и актёрами. Совсем не нужно было бороться ещё с девятью миллионами людей за трон. Все были блокбастером и бестселлером. Все были и актрисой, и певицей. Им вовсе не нужно было выбирать одну вещь, которой они хотят стать, когда вырастут. Никто не был знаменит. Никто не был лучше других потому, что белый или красивый или удобный. Не было государств, жители которых лучше других только потому, что находятся внутри границ обетованной земли. Вообще не было нужды, чтобы кто-то другой чувствовал себя проигравшим, чтобы ты мог быть победителем. А мы называем их примитивами! А посмотри на нас!

Диана кивает.

— Сегодня существуют границы вокруг обетованной земли, где ты можешь стать кем угодно. — говорит Хелена. — Раз в год обетованная земля проводит лотерею на грин-карту. И вытягивает только одно-единственное имя. Сотни тысяч людей подают заявки и говорят: «Америка, спаси меня!». Сотни тысяч людей обращаются к своим же палачам, которые их бомбили, списывали, грабили, приватизировали, и говорят: «Америка, спаси меня от хаоса, который ты мне устроила». Единственное, что сегодня может спасти тебя от безумия, — это лотерея.

Диана кивает.

— Вот так оно и есть, психопат всегда играет спасителя нации. — говорит Хелена.

— Вот так оно и есть, только новый хаос может спасти тебя от старого хаоса. — говорит Хелена.

— Вот так оно и есть: если слишком рано открыть кока-колу, пузырьки выветрятся. — говорит Хелена.

Диана кивает. Она решает, что последняя мудрость отличная, потому что у неё хотя бы есть какая-то практическая ценность. Она приглашает Хелену на кофе. Когда-нибудь. Когда у них обеих будет время. Зайти в «Маурисиус». Познакомить её с Адамом.

Никто нормальный не хочет знакомиться с Адамом, думала Хелена. К тому же знакомить его с женщиной, которой нужна отцовская фигура для её детей, вообще не имеет смысла — Адам гей, подсел на траву (среди прочего) и уже девять месяцев дует в одну и ту же трубу. Некоторые за девять месяцев делают человека, а Адам, вот, дует в трубу и поёт:

«С маршалом Тито, героическим сыном,
нас даже ад не сможет остановить...»

Хелена только кивает. Она знакомит её с Адамом, конечно познакомит. Когда-нибудь, когда они обе будут свободны, вспомнят друг о друге и пойдут на кофе в «Маурисиус».

Словом — никогда.

Хелена будто на мгновение забыла, что пришла на рынок нищеты с определённой целью. Она нахмурилась и посмотрела на часы. Быстро махнула Диане и направилась к маленькому, спрятанному шатру.

Там её ждал сорокалетний мужчина с тёмной кожей, окружённый тремя толстыми коричневыми чемоданами. Он открыл первый чемодан и достал из него гладкий револьвер с барабаном.

— Для самообороны лучше всего купить револьвер. — сказал он Хелене. — Рекомендую магнум. Классика в мире оружия, как маленькое чёрное платье для женщины. Или чёрные туфли для мужчины. Или... в общем, стильный эвергрин. Хорош для новичков и для стрессовых ситуаций из-за минимальной вероятности ошибки. Просто нажимаешь на спуск, и при подходящих патронах нападающий обезврежен. А цена вполне приемлемая — M83 357, шесть дюймов, вес 1200 граммов, вместимость шесть патронов — всего 200 евро... Или если вам нужно что-то для абсолютных новичков, рекомендую стартовый револьвер M991 6 мм для сигнальных ракет, для тренировки... или чтобы отпугнуть животное выстрелом в воздух.

— Мне не нужен пистолет для самообороны. — сказала Хелена.

— В таком случае вам нужна хорошая охотничья винтовка. Охотничье ружьё с дробовым зарядом тоже модная классика, как ботинки Dr. Martens или знаменитая «вьетнамка». Рекомендую Beretta двенадцатого калибра, по цене 250 евро... — объяснял продавец.

— Мне не нужна дробь. — усмехнулась Хелена. — Даже если бы я смогла справиться с её весом, меня отбросило бы назад после первого выстрела.

— Ага, вам нужно что-нибудь впечатляющее для украшения дома! — заключил он. — Нет ничего лучше модного аксессуара, который соединяет фольклор и тренд. Калашников — сердце национальной традиции. Ретро-шик гармония на первый взгляд несовместимых тёмно-чёрного и светло-коричневого цветов. Незаменимая классика, как «Завтрак у Тиффани» на Западе или «Катюша» на Востоке, а сочетается даже с ручной вышивкой народного костюма.

Он говорил это, доставая из чемодана штурмовую винтовку.

— АК-47, то есть АКМ, лёгкий, компактный, патрон калибра 7,62×39 мм, с возможностью выбора режима огня и начальной скоростью 710 метров в секунду. Для вас — всего 400 евро. Имейте в виду, вы покупаете не только оружие, вы покупаете историю, культурную идентичность и, конечно, бизнес и стиль.

Он немного помолчал, сделал серьёзное лицо и подозрительно спросил:

— Молодая дама, а зачем вам вообще оружие?

Хелена улыbnулась и опустила голову.

— Мне нужен пистолет, чтобы убить политика. — сказала она спокойным, обычным тоном, словно говорила о прогнозе погоды.

— Как Гаврило Принцип? — засмеялся он, думая, что это шутка.

— Как Гаврило. Или как Роберт Де Ниро в начале карьеры. — пожала она плечами.

— В таком случае вернёмся к корням. — сказал он всё ещё смеясь.

Он достал из первого чемодана три-пять-семёрку. Чем дольше Хелена смотрела на неприметный револьвер, тем больше он ей нравился. Он был сдержанный и мощный, а к нему, за небольшую доплату, она получила и довольно большое количество патронов.

Теперь оставалось только найти тихую и просторную лужайку для тренировки.

Хелена незаметно положила револьвер в непрозрачный пакет, затем в большую женскую сумку из искусственной кожи. Она посмотрела налево-направо и быстрым шагом направилась домой.

Идя почти бегом, словно её гнала паранойя, Хелена думала о том, насколько тяжёлым на самом деле является её намерение.

Чтобы осуществить его, одного выстрела недостаточно.

Нужно два.

Её облило холодным потом.

Странно, как человек хочет умереть, пока не найдёт свой идеал, который его воскрешает; но если этот идеал требует умирания, возникает высший парадокс. Революционер до революции всегда умирает. Точнее сказать, революционер без революции сам приговаривает себя либо к смерти, либо к смерти в тюрьме. Или, как говорила Майнхоф: если брошен один камень — это нарушение закона. Если брошена тысяча камней — это политический активизм.

Хелена подумала, что то же самое относится и к пуле.

Пуля или камень — важно лишь, чтобы они были правильно направлены. Когда народ един, тысяча первый камень означает революцию и процветание. Когда народ враждует, тысяча первый камень означает раздор и войну. Конечно, славянские народы никогда не бывают едины. Они постоянно ведут контрреволюцию контрреволюции революции. Они ведут что угодно, лишь бы против. Они идут наперекор даже самому наперекору. Славянские народы — это и Красная Шапочка, и бабушка, и охотник, и злой волк, всё в одном лице! И потому естественно, что амийский революционер не может быть ничем иным, кроме как мёртвым революционером.

Из мыслей её вырвал звук завожачегося грузовика. Она заметила, что начала слишком драматично реагировать на обычные звуки. Иметь пистолет в кармане требует большой устойчивости к паранойе. Всё же реакцию на звук она контролировать не могла. Она повернулась на звук, и когда мозг понял, что звук безобиден, она вздохнула с облегчением.

Но другое удивление стояло прямо перед ней.

Это был огромный портрет военачальника, который показывал язык. Портрет был извращён всеми возможными способами: на нём стоял молодой человек в чёрной военной форме, с несколькими десятками советских значков и орденов и с нимбом вокруг головы. Внизу портрета было написано: «Покайтесь, грешники», а юноша высовывал свой толстый язык каждому, кто смотрел на его гротескное изображение.

Это было нечто среднее между католическим святым, генералом Баварской республики и уродливым Дорианом Греем.

И всё это не было бы ничуть странным, ведь современное искусство уже ничем не может ни удивить, ни вызвать отвращение, ни шокировать — если бы на картине был не кто иной, как Влад Фишар.

Продавец портретов схватил Хелену за руку и сказал:

— Только два евро для тебя, Хелена.

Её удивило, как он знает её имя. Продавец это заметил и сказал, что в гараже у него целая куча таких портретов и он с радостью покажет их ей. Влад, должно быть, позировал местному художнику за бутерброд и сигареты. Может, даже позировал голым.

Она пошла за продавцом из чистого любопытства.

— Я Давид, бывший руководитель эзотерического сектора Освободительной Постнационалсоциалистической Бригады.

— Освободительной... чего? —

— Армия для войны против системы. — сказал он совершенно серьёзно.

— У нас есть такое? В Амии существуют повстанцы? Я думала, Амия — страна счастливых обезьян.

— Точнее, существовали. Влад очень старался вокруг ОПБ...

— Подожди, Влад Фишар? Тот самый Влад Фишар? Кто он вам вообще? — удивлённо спросила она.

— Маг. Вождь. Ты не знала?

Давид рассказал ей, что Влад Фишар был одним из первых основателей Освободительной Бригады. Вся история началась с маленького сатирического блога. Потом они разрослись, блог превратился в целый журнал, существовал и информационный сектор. Официальной религией было вуду. Это придумал не кто иной, как Влад.

Люди вроде Влада были единственным, что удерживало рассеянную банду Освободительной Бригады вместе. Влад Фишар, говорит Давид, долго был в Африке, и нет ничего, что он понимал бы лучше, чем силу внушения.

— Поскольку мы, жители Малогорода и Амии вообще, духовно ближе к племенному спиритуализму, чем к гуманистическому обществу, Влад ввёл вуду в наше маленькое сообщество и устроил мотивационное чудо. Оказалось, люди работают лучше и организованнее, когда верят, что будут награждены близким знакомством с могущественными существами другого мира. К тому же вуду была религией рабов. А поскольку новое поколение амийцев в целом рабское, мы просто внедрили уже существующий культ в нашу систему. Не существует более гениального управления человеческими ресурсами, чем это — разве что когда у тебя есть деньги. Когда есть деньги, ты просто платишь людям за их работу. В противном случае приходится по-настоящему изворачиваться, чтобы поддерживать у них мотивацию. Для этого есть два способа. Первый — тот,

которым пользуется амийская политическая элита: угрозы, шантаж, страх. Второй — святой дух. Святой лоа. Папа Легба. Разговоры с Богом и жизнь после смерти. Бессмертие. Транс. — объяснял Давид.

Все, у кого нет денег, хотят бессмертия.

Все, кому бессмертие осточертело и кто начинает сходить с ума, хотят мгновенного облегчения. И вот тут нужен транс. Момент экстаза. Смысл жизни. Пара часов неизмеримого счастья как единственное, что можно получить в обмен на дни и недели тяжёлой и бессмысленной работы на пути в ничто.

— Транс спасал не только нашу маленькую организацию, но и всё человечество. Если бы не он, мы бы перебили друг друга меньше чем за месяц. — прошептал Давид.

Сначала Влад крошил ЛСД в кока-колу, которую давали членам Освободительной Бригады. Потом он понял, что они впадают в транс и без наркотиков — одной лишь силой внушения. Поэтому он заменил ЛСД разрыхлителем для теста и ввёл в организацию концепцию святого и нечистого.

— Что такое концепция святого и нечистого? — спросила Хелена.

— Фетишизм, — сказал он. — Фетишизм — это магическая вера в силу неодушевлённых предметов. В нашей организации эти предметы делятся на два типа. Первый тип — амулеты. Это в основном клювы, когти, куриные кости. Всё, что можем найти, лишь бы оно ещё не сгнило и не перемолото в паштет. Подойдёт и всё, что аутентично, уникально и не производится в Китае. Амулеты мы раздаём людям как награды, доказательства их ценности, заслуженные носители удачи, заслуги, ордена и отличия. Куриный клюв — работнику месяца, коготь — за особое усердие, куриная кость — за выдающийся вклад в общее дело.

Второй тип предметов — тотемы. Только примитивные племена считают, что священные вещи нельзя трогать, потому что священное одновременно и нечисто. Тотем — это бог, но бог, которого нельзя трогать, потому что он приносит несчастье. Зная амийцев, сначала мы решили, что нашим тотемом будет «Война и мир» Толстого. Лучший амийский тотем — это большая толстая книга: можно быть уверенным, что её никто не тронет. Однако наши люди оказались не настолько наивными.

Они вошли в гараж, полный компьютеров, за которыми когда-то сидели члены Освободительной Бригады. Давид объяснял Хелене, как это всё выглядело раньше.

— Видишь, поскольку наши люди в целом были не глупы, хотя и принадлежат к примитивному амийскому племени, у нас возникла только одна проблема — проблема тотема. Мы не могли найти такой тотем, который никто бы не трогал. А потом мы догадались! — объяснял Давид.

Тотем, который он показал Хелене, оказался статуей голого Влада Фишара.

— На самом деле он верховный бог! — рассмеялась Хелена. — Он ваш лоа, бог вашей маленькой организации.

— Бог, Сталин, Большой Брат... называй как хочешь — это не меняет того факта, что у нас был превосходный менеджмент человеческих ресурсов, и Влад Фишар был за него ответственен. Если бы он не заменил порции ЛСД разрыхлителем и внушением, мы бы давно обанкротились. А идея с амулетами и тотемами вообще оказалась попаданием в десятку.

Давид протянул ей руку и повёл её по жестяной лестнице на крышу гаража, откуда открывался вид на весь город. Он провёл рукой по воздуху — неопределённо и небрежно — так что ей не было ясно, показывает ли он ей организацию, Амию или всё небо.

— Видишь, все они хотят бессмертия, хотят вечного имени, хотят славы человека, оставившего след. Но настоящий вопрос — что они будут с этим делать? То же самое, что и с куриной лапкой, верно? Дело не в самой награде, дело в том, кто её вручает. И наши люди это знают. Поэтому для них куриная лапка от великого Влада Фишара значит больше, чем история, которую пишут клоуны Дазмоны Маридал. И думаю, если бы настоящий бог когда-нибудь посмотрел на них, он был бы им за это благодарен. К сожалению, Малоград — мёртвая зона для взгляда сверху нашего святого отца.

— Я всё это понимаю. — сказала Хелена. — Но на самом деле всё это действует мне на нервы. Код, клик, слово, предложение, холодная борьба через компьютеры, холодная борьба поэзией, которую никто не читает, бесполезное долбление по жалкой маленькой клавиатуре, чтобы завоёвывать мир так же, как завоёвывают новый рынок нищеты — клик, enter, клик. Я хочу всё поджечь. Хочу, чтобы всё исчезло, стало неподвижным, мёртвым, чтобы вечно молчало и навсегда замерло. Я ненавижу всё это. Ненавижу свою жизнь, ненавижу эту провинцию, этих людей, и нет ничего, что разные интернет-революционеры или типы, стреляющие в продавцов на бензоколонках, могли бы сделать, чтобы это изменить.

— Даже Влад? — спросил Давид, глядя ей прямо в глаза.

— Особенно не Влад.

Давид покачал головой.

— Есть одна вещь. — сказала она после долгой паузы, затем вытащила пистолет из кармана и положила его на холодный бетон между ними.

Давид ещё сильнее покачал головой. Нет. Нет, нет, нет.

— Я могла бы сказать тебе: отличная идея, давай, я буду писать твой javascript. Мы восстановим Бригаду. Будем бороться оружием прогресса. — говорила Хелена. — Я могла бы сказать: ладно, я буду координатором по безопасности, ассистентом сектора эзотерики, менеджером по связям с общественностью. Но

на самом деле я ничего этого не умею. Я человек, который так и не знал, кем хочет стать, когда вырастет. Я человек, который изучал мёртвые науки о социальном устройстве, которого больше не существует. Я человек, который изучал мёртвые науки, о которых все и так говорят, что это не настоящие науки. Я человек, который, прекрасно понимая, как мало он знает, стал тоненькой шестерёнкой, придающей легитимность парламенту. Я выдохшаяся банка кока-колы. Я пустой пакетик чипсов. Я упаковка, в которую упаковывают упаковку, в которую упаковывают мусор. Я куча дерьма и у меня нет другого выбора, кроме как стрелять.

Едва она это сказала, тонкий луч света скользнул по её лицу. Чердачная дверь открылась, и на крыше появился не кто иной, как — Влад Фишар.

4.

— Have no fear, Vlad is here. — сказал Влад, улыбаясь. Он раскинул руки, но Хелена, вместо того чтобы броситься ему в объятия, начала бить его по груди.

— Ты ужасный, больной... — кричала она.

— Да что с тобой? Я же сказал, что вернусь! — пытался он её успокоить.

— Ты оставил меня здесь! — сказала она.

Раскалённый уголь в её глазах горел безумием разумной женщины, оставленной в Малограде. Будь она животным — у неё выступила бы пена у рта. Будь она Йозефом К., она не отвечала бы за свои поступки по причине невменяемости.

— Я не оставлял, это было только временно... — оправдывался он, а потом понял, что разумнее будет замолчать. Всё, что можно было сказать, имело бы смысл только в том случае, если бы нашёлся кто-то, кто в это поверит. Теперь, когда есть только инстинкт и смерть, когда женщина знает мужчину, народ знает власть, а человек знает человека, всё лишнее. Верят только в неразоблачённую ложь, потому что правды больше не существует.

Поэтому, подумал Влад, остаётся ещё одна ложь, которую нужно разоблачить, обнажить и обвинить в колдовстве.

Он достал свой золотой европейский паспорт, поднёс к нему серебряную зажигалку с гравировкой лысого орла и — поджёг. Сухая бумага вспыхнула мгновенно, и Влад бросил её на бетон.

Хелена в тот же момент бросилась на пол и, лёжа на грязном бетоне, начала ладонями тушить горящий паспорт. Почему она это сделала — было непонятно даже ей самой. Золотой паспорт был всего лишь символом — если у тебя есть правильная национальная принадлежность, ты легко получишь разрешение, чтобы Великая Европа выдала тебе новый паспорт свободы. Спасать этот было бессмысленно.

И всё же Хелена, как безумное животное, бросилась спасать кусочек зелёной бумаги, спасая символ надежды, который ещё единственный удерживал амийцев от того, чтобы не поджечь Амию вместе с самими собой.

— Оставь его. — сказал Влад, поднимая её с холодного бетона. — Оставь, он не стоит того.

— Я не могу... — бормотала она. — Я больше не могу...

И тогда она наконец сломалась и заплакала.

Давид держался в стороне. Глядя на бессмысленные слёзы Хелены Вайс, он думал о том, что торжество справедливости вовсе не было бы проблемой, если бы большинство народа — да и вообще большинство человечества — не было

искренне против справедливости. Они могут терпеть глупца и подхалима у власти, потому что глубоко в душе хотят видеть его у власти, потому что отождествляют себя с человеком тех же качеств, что есть и у них самих: низость, провинциальность, испорченность.

Народу не нужен честный царь.

Зачем им честный царь? Чтобы они его не понимали? Чтобы он говорил языком каких-то добрых намерений? Что народ вообще знает о добрых намерениях? То же самое, что и человечество.

И откуда у того на кресте вообще взялась идея спрашивать, почему его оставил бог!

Почему бы и нет, мастер — дай хоть одну хорошую причину, почему нет!

Плач женщины в ночи был призрачно тихим. Влад усадил Хелену между собой и Давидом, а затем и сам сел. Долго молчали. Он смотрел на свой разрушенный храм, на свою голую статую самого себя, и его охватила тоска по погибшей организации. Он думал: она ведь не обязана была погибнуть — стоило только сделать что-то иначе, только другой шаг, или пятый шаг, или хотя бы... всего пять минут раньше... если бы они успели...

— Нет ничего, во что можно было бы верить. — прошептала Хелена.

— Нет. — сказал Давид.

Влад молчал. Давид курил, а Влад смотрел на звёзды, пытаясь заставить их ответить ему взглядом.

— Почему Бригада провалилась? — спросила Хелена.

— Знаешь... люди... — начал Влад.

Давид бросил окурок и оставил двоих любовников одних, спустившись в гараж. Он осматривал его, размышляя, как можно было бы возродить всю эту историю. Он качал головой и думал, что пришло отвратительное время. Время войны и бомбардировок — не самое страшное, что могло случиться. Самое страшное — время нулевого сопротивления.

Если бы он знал, что придёт время нулевого сопротивления, нулевого смысла, нулевой надежды — время ада и ожидания смерти, — он сделал бы что-нибудь... что-нибудь... что угодно.

Потом он сел на пол, понимая, что слова «что-нибудь» и «что угодно» ничего не значат. Он на самом деле не знает, что можно было бы сделать и можно ли вообще что-то сделать. Он может только прожить это — прожить, наблюдая слёзы новой Хелены Троянской, которая через христианство пришла к атеизму, поняв, что ничего нет и что это впервые в истории стало настолько ясным и непоколебимым, что человечеству должен прийти конец.

А почему бы и нет? Почему нации, которая выбрала Владимира Горда, не должен прийти конец? В мире нет нации, которая больше заслуживает конца, чем та, чьи предки погибали на виселицах за свободу, чтобы она теперь свободно выбрала Владимира Горда или кого-то ему подобного. А все, все, между кем Амия могла выбирать, были пугающе похожи на Владимира Горда.

— Скажи мне всё: почему Бригада провалилась? — спросила Хелена великого Влада Фишара.

— Ну... плохо начали. И плохо закончили. И плохо существовали. Что-то вроде Амии. Начали мы совсем просто. По принципу: «сорвал яблоко — съел яблоко». Потом кто-то сказал, что не у всех одинаковые способности к сбору яблок и что по-человечески — делиться. Тогда мы начали складывать все яблоки в одну кучу и делить их на равные части. Если понимаешь, что я хочу сказать...

— Это звучит разумно. Всем одинаковое количество яблок.

— Да, конечно. Но проблема была в комиссии по пересчёту яблок. Подкупные крысы! Они научились воровать быстрее, чем ребёнок учится говорить «мама». Тогда мы собрали все яблоки и начали делить их по справедливости и по закону.

— И что потом случилось?

— Бунт, конечно. Это, якобы, был какой-то тоталитаризм. Мне непонятно, какой же это тоталитаризм, если у всех есть столько, сколько им нужно, но ладно. Мы признали, что такая система должна была рухнуть, потому что все яблоки лежат в одной корзине. Если неправильный человек завладеет корзиной — это всё равно что отдать всё дьяволу... ну, понимаешь, о чём я. Нам нужен был коммунизм. Но и духовная свобода.

— Либеральная левая, конечно. Это единственная правильная позиция. — сказала Хелена.

— Но система свободного коммунизма не могла появиться за одну ночь. Единственный способ избежать злоупотреблений был вернуться к системе «сорвал яблоко — съел яблоко». Чтобы гарантировать, что и те, кто не может собирать, съедят хотя бы минимальное количество яблок, мы организовали систему принятия решений большинством. Полный провал! Те же самые подкупные типы, которые воровали при пересчёте яблок, теперь сладкими речами убеждали большинство, что лучше всего для всех будет, если корзина окажется в их руках. И люди на это велись.

— Велись?! — крикнула Хелена.

— О, насколько же большинство было глупым и наивным — безмерно! Я не знал, что означает слово «глупость», пока не увидел их. Глупость — это не низкий результат в тесте на интеллект. Глупость — это смесь невежества, безразличия и наглости. Добавь к этому мелкую корысть — и всё станет ясно. Дорогая, ты не можешь себе представить...

— Даже не вздумай называть меня «дорогая». — сказала она крайне решительно.

— В общем, да, да, да... — смутился он. — Суть была в том, что корзина с яблоками снова оказалась в неправильных руках.

— Почему вы не выгнали неправильные руки из организации?

— Слишком много неправильных рук.

— Вот тебе и эволюция. — засмеялась Хелена. — А может, именно всё это и есть доказательство дарвинизма. Выживают не самые умные и не лучшие, а те, кто идеально приспосабливается...

— Боюсь, сама эта теория может угрожать нашему выживанию. Если бы Дарвин знал... поверь мне, если бы он знал, какой фашизм вырастет из этого учения, он бы бросился со скалы... Но мы отклонились от темы. Итак, корзина с яблоками. Новая проблема была в том, что те, кто завладел корзиной, начали жрать как свиньи — то есть обжираться — тогда как многим не хватало даже минимального. И это была та самая семя уничтожения. Одни имеют слишком много + другие слишком мало = полный крах. Самая ясная математика, какая существует с тех пор, как родилась цивилизация. Конечно, я был в Африке, когда всё это происходило... пока Цезарь целует Клеопатру, республику целует дьявол.

— Не льсти себе. Ты не спас ни республику, ни Клеопатру. Более того, Клеопатру ты месяцами оставил в Амии без магического паспорта в руках, который помог бы ей выжить... Но об этом позже. Что в конце концов стало с яблоками?

— Когда я вернулся из Африки, всё было разрушено. Яблоки сгнили, корзина разваливалась, членов организации почти не осталось, а те немногие, что остались, в основном сидели и курили на пороге, тупо глядя в пустоту... Конечно, то, что нас осталось так мало, сначала казалось поражением, но позже я понял, что это не просто огромное преимущество, а единственная надежда любой человеческой организации. Несколько преданных идеалистов снова построили Бригаду. На этот раз я не хотел совершить ошибку — позволить различиям нас уничтожить. Я ввёл чёткие правила. Награды из куриных костей, поощрение внушением и разрыхлителем для теста, статую как символ иерархии и бессмертия как надежду для праведников, что существует мир, где нет ни костей, ни порошка, ни иерархии.

— Звучит разумно... что же произошло потом?

— Они разделились на Рим и Византию! У меня иногда было ощущение, что что бы ты ни придумал, большинству из них, ведомых глупостью и жадностью власти, нужен только повод, чтобы поссориться! Они даже статую разделили на две части. Потом мы её склеили, видишь... она была поперёк разломана по

поясу. Западная часть взяла голову, руки и грудь, а восточная — задницу и хуй, логично.

— Вот и пропал идеальный менеджмент человеческих ресурсов великого Влада Фишара.

— Ну да, это сразу стало видно. То есть он провалился в тот самый момент, когда был создан. Как наше поколение — родилось мёртвым. Хотя был тот один золотой период борьбы, когда я только вернулся из Африки, и по этому периоду все помнят Бригаду как единственное движение сопротивления, которое когда-либо существовало в аду молодой Амии.

— И скажи мне, если бы ты мог снова построить её с самого начала, что бы ты сделал?

— Ничего! Я всё оставляю в руках более умных людей, пока их дитя революции не захватят психопаты, как это всегда и происходит, а сам уеду на Северный полюс.

Хелена подняла взгляд и пронзила его сердце своими большими чёрными глазами.

— Конечно, я никуда не поеду без тебя. — сказал он, целуя её в лоб.

— Ты никуда не поедешь без паспорта. А ты его сжёг. — усмехнулась она цинично.

— Ах да, да, да... — пробормотал он. — В таком случае я никуда не поеду.

Хелена тайком взяла пистолет, которого Влад даже не заметил, и тихо засунула его во внутренний карман куртки.

То, что должно было быть сатирой и развлечением, перестало быть смешным и потеряло нить. То, что должно было быть принцем, оказалось безумной жабой-буфо, в которую она больше не могла верить.

Конечно, хотя эта любовь, как и всё развлечение, юмор и наркотик, которым она предавалась, в целом была бессмысленной, она всё равно не выпускала её из рук. Она знала: в тот момент, когда что-то сладкое и забавное выскользнет из её ладони, ладонь останется пустой — и эта ладонь возьмёт пистолет.

Она смотрела на Влада, спрашивая себя, зачем вообще положила все свои надежды на какого-то светловолосого мужчину, который курит сигареты с белым фильтром и играет в шахматы с пенсионерами, голосующими за Владимира Горда.

Прислонившись к его плечу, она больше не чувствовала того прежнего подъёма, который играл у неё в сердце, когда она думала, что он действительно хочет изменить их жизнь до основания, что всё это не просто фантазия, что он убежит с ней в новый рай, а стена, через которую перебегают разъярённые мексиканцы,

будет так далеко, что на их красивую простую жизнь не сможет повлиять даже нахмуренное лицо Ким Чен Ына.

Как же она увлеклась!

Никто не может жить независимо от выражения лица Ким Чен Ына и результатов президентских выборов в Аризоне, Техасе и Вирджинии.

И она снова плакала — плакала долго, неудержимо, призрачно тихо. Она плакала, спрашивая себя, почему любовь оставила их голодными, почему любовь их не любит, почему её нигде нет, и почему всё то, что в книгах называется магией, в реальности оказывается шизофренией.

Она плакала — злая, разорванная на части, но тихо, почти неслышно, с пугающе спокойным выражением лица, пока не уснула на бетоне, прислонившись к Владу Фишару, решив больше не поверить Владу Фишару ни единому слову.

5.

Была среда, и заря пробивалась сквозь складки синтетической занавески, вода пальцами по окну и рисуя очертания облаков. Хелена лежала в постели без сна, дыша полной грудью. Ей не нужно было спешить на работу. Сладкий воздух свободы, без оков бессмысленных рабочих заданий, наполнял её духовным исцелением. Сильная как конь и спокойная как ночь, она даже не думала о том, что вместе с рождением свободы она на самом деле потеряла доход, на который могла бы жить. Единственная свобода, которую она получила, заключалась в том, чтобы искать другую работу — ещё хуже прежней.

Она спрашивала себя, действительно ли те сто несобранных голосов стали причиной её увольнения. Потом она рассмеялась сама над собой.

Конечно нет!

Ошибка была в том, что она была неподходящей. Ошибка была в ней самой — в том, что она она, и потому ошибка эта неисправима и неизменна. Кто-то понял, что она неподходящая. Достаточно было два-три раза прослушать её телефон или заглянуть в её компьютер — и всё становилось ясно. Она ненавидела ППС.

Кто-нибудь поумнее, если такой вообще был, мог бы увидеть всё и просто посмотрев ей в глаза чуть глубже. Совершенно логично, что они её отбросили. Но жалеть не стоило — ничего не было потеряно, потому что на самом деле ничего и не было получено.

Хелена и так не была предназначена быть одной из них.

А привилегии, которые она получила... всё это случилось более-менее случайно. Те, кто вместе вращал колесо капитала, нанимали своих тёток, дядь и племянников, а у пролетариата было только два выбора: быть их слугой или быть их врагом. Конечно, второй вариант подразумевал, что ты станешь слугой их врагов.

Суть политической благонадёжности заключалась в постоянной готовности и полной покорности.

У Хелены не было ни того, ни другого.

К тому же с самого начала ей не нравилась вся эта квазиполитическая фарс-система. Она потеряла всё, что составляло её существо, и считала ППС — вместе с подкупленной интеллектуальной элитой и всем населением Амии, привыкшим к рабству — одним из главных виновников своего исчезновения.

В конце концов она подумала, что даже самые строгие монахи позволяют своим ученикам гулять и слушать щебет птиц, поощряя их к радости, тогда как ППС своим ученикам не позволяет ничего, кроме как невротически его бояться, и не даёт ничего, кроме постоянного, непрерывного унижения.

Но Хелена не хотела об этом думать. Она думала о прошлой ночи.

Прошлой ночью Хелена впервые за шесть месяцев и больше спала с Владом. Но вместо восторга любовников, встретившихся после долгой разлуки, они были как две замёрзшие сардины с зафиксированными, насильно раскрытыми глазами. Она не почувствовала ничего. Снова, как когда-то с её прежними любовниками, она почувствовала судорогу в руках и ногах, а затем и во всём теле. Когда её губы начали неметь и она не почувствовала его поцелуя, она поняла, что удовольствия для неё в этот раз, как и миллион раз раньше, не будет. Причина была одна и та же: когда она думает, что её партнёр — враг, и когда её партнёр — чужой.

В этом случае Влад был для неё чужим. Он стал другим и невесёлым, и его новые выражения лица были ей незнакомы. Он казался ей человеком в изгнании, политическим врагом, равнодушно примирившимся с неизбежной пулей, предназначенной ему судьбой, хотя Хелене было непонятно, чем мог кому-то насолить шахматист из белой и богатой Европы, у которого, казалось бы, нет никаких причин с кем-то ссориться.

Утро ещё было совсем молодым, когда Влад тихо пробирался по коридору, и Хелена услышала, как он наполняет стакан под тонкой струёй воды, а затем жадно выпивает его, гася водой огонь вчерашней ракии. Влад не спал рядом с Хеленой — она выгнала его из постели. Его присутствие, как она сказала, было бы для неё слишком навязчивым, и поэтому она отправила его в соседнюю комнату.

И всё же, под мерцанием зари свободы, она тихо выскользнула из кровати и подождала его у старой печи, в которой потрескивали тёплые дрова.

Сделав шаг к порогу, она поскользнулась на клочке бумаги, который, очевидно, выпал у кого-то из кармана. Она подняла его, чтобы выбросить, но её взгляд остановился на заголовке документа.

В заголовке было написано:

Владимир Ильич Фишаров.

Хелене не понадобилось много времени, чтобы сложить всё воедино: это было настоящее имя человека, который представлялся ей как Влад Фишар — маг, революционер и шаман, который играет в шахматы и живёт на государственные дотации.

Значит, Влад был русским. Его полное имя было Владимир Ильич Фишаров.

С самого начала он ей лгал.

Возможно, диссидент. Человек в изгнании. Может быть, шпион. Какой-нибудь странный активист. Может быть, разорившийся предприниматель девяностых или выпускник философского факультета с купленным паспортом, который моет посуду в Париже или Берлине, чтобы выжить.

Как бы то ни было, Хелена считала, что у него нет никакого оправдания, чтобы лгать ей и устраивать спектакли.

Сердито она вошла в кухню.

Влад сидел за старым столом, в расстёгнутой гавайской рубашке с множеством ярко-зелёных пальм, вышитых на ней, и играл военным ножом. Она подозрительно посмотрела на него. Кроме рубашки, на нём не было ничего шизофренического. Его безумие было сыграно.

Хелена подумала, что и магия, вероятно, тоже была сыграна.

Его русские голубые глаза любопытно посмотрели на неё.

Хелена взяла бумагу и яростно бросила её перед голубые, сонные глаза Влада Фишара.

— Ты русский. — сказала она.

Из радио доносился какой-то народняк, прерывая неловкую тишину между ними. Женский голос был:

«Всеее... я была тебе любовницей, любовницей и сестрой, и другом;
Я дала тебе свои крылья, чтобы ты перелетел и север, и юг;
У дверей спала, как собака;
Сквозь века горела из-за наааас...»

Если бы постмодерн был фильмом ужасов, подумала Хелена, он заканчивался бы этой сценой.

— И что с того, что я русский? Человек как человек. — спросил он.

Все его поступки на мгновение показались ей разумными. Она знала славянский менталитет лучше, чем саму себя. Она чувствовала его уже почти инстинктивно, научившись со временем улавливать его в воздухе, как заяц улавливает запах лисы.

— Не переводи разговор. Ты мне лгал. — сказала она.

— А что я должен был сказать? Я здесь по делу. — оправдывался Влад.

— По какому делу?

— Ах... обычные наши восточные дела, дорогая. Знаешь, как это бывает: то тебя немного бьют, потом ты немного убегаешь в Вену, потом тебя опять немного бьют, потом немного запирают в учреждении... В общем, сама знаешь, как это здесь происходит... когда ты славянин, ты всё время кому-то виноват за то, что умный. Знаешь ли ты, что колонии не назывались колониями, пока мы сами не стали одной из них? Когда они увидели, что происходит с внутренним вопросом государств на Балканах, они придумали слово колония от английского

слова colon, что означает «кишка»... так что мы получили имя по толстой кишке. Но о чём это я говорил? Ах да, славянское восстание.

На Западе проблема бунта решена очень аккуратно: людей научили игнорировать серьёзные социополитические вопросы великих философов, а правительства научились отвечать на эти вопросы деньгами. Это тот самый знаменитый принцип кнута и пряника. Западная система работает на награде. Когда система платит тебе за то, что ты умный, когда награждает тебя за то, что ты её критикуешь, ты уже не видишь причин её критиковать. Система признала твою ценность — значит, она, возможно, и не так уж плоха. Как только такая мысль поселяется у тебя в голове, система уже втянула тебя в себя.

Конечно, Восток другой. Восток решает свои проблемы наказанием и потому похож на собаку, гонящуюся за собственным хвостом, или на великого вождя, занимающегося автофелляцией. И поэтому, только поэтому, Восток постоянно терпит неудачу. Наказание всегда порождает либо убийство, либо самоубийство. Или, что ещё хуже, перестройку. Или, ещё хуже, пятое октября.

— Но ты не понимаешь... —

— Чего, дорогая? — посмотрел он на неё, застенчиво улыбаясь.

— Кто бы ни послал тебя в Амию, он приговорил тебя к смерти. Ты в Амии потому, что на самом деле ты и есть как Амия. Ты прогнившая душа, которая подписала пакт, и тут не так уж много магии, чтобы приправить суп. Ты полумёртвый, как и Амия, а полумёртвые супов не варят. Я смотрела на тебя как на спасение, а ты, оказывается, потерял где-то между мирами... Но ты должен, должен понять — посмотри на это холодное, кровожадное лицо Владимира Горда и осознай: то, что ты здесь, в этом городе, в этой стране, означает, что ты больше никогда не будешь жить.

Она сжала его руку, охваченная ужасом и глубоко убеждённая, что они уже оба мертвы только потому, что находятся в Малограде.

— Это лишь временно... завтра придёт день, когда мы... — бормотал Влад.

— Что мы? Что мы сделаем? — перебила его Хелена. — Что мы вообще когда-нибудь сделали? Мы извратили марксизм — лучшую идею о человеческом процветании — позволив ему превратиться в государственный капитализм и задушить все маленькие клапаны агрессии, из-за чего народ бросился в объятия рабовладельцев в чёрных цилиндрах ради джинсов и кока-колы! Мы были голодными, нас сажали, нас унижали до безумия, и мы боролись как звери, поднимали флаги и побеждали — чтобы в конце снова быть голодными, снова сидеть в тюрьмах и снова быть униженными.

То, что мы делаем, — это даже не собака, гонящаяся за собственным хвостом. Это попытка автофелляции импотентного бесхребетника.

И что же прекрасного из этого вышло?

— Хммм... — задумался Влад. — ...красивая литература?

— Это правда, мы мастера красивой литературы. Но разве это не утешение потому, что мы неспособны жить?

Теперь Влад стал горьким и злым. Глаза Владимира Ильича налились кровью. Он яростно вонзил военный нож в деревянный стол. Дерево треснуло под ударом рогов чёрного быка в его сердце. Влад тяжело дышал, а пальцы сводило безнадёжностью. Его взгляд на мгновение вспыхнул и встретился со взглядом Хелены.

Она его не боялась. Она была настолько ожесточена, что ей даже не было неловко.

И тогда Влад начал объяснять.

— Все битвы, которые ведутся публично и исход которых поддерживают мейнстримные медиа, — фарс. Но война идёт, и это вечная война против классового неравенства. — говорил он. — Всё, чему мы дали имя, всё, что нам представляют как врага, — это набор букв, которые ничего не значат. Нации, расы, религии, атеизмы, антиатеизмы, демократии, наука, даже социал-демократические партии, популярность которых сегодня стремительно растёт — всё это ложь, потому что над всеми этими наборами букв висит кулак психопата.

Психопат сегодня — римлянин, который мучает мальчиков и убивает христиан; завтра — христианин, который мучает мальчиков и убивает язычников. Психопат в мирное время демократ, а на войне — фашист. Он священник, который становится яростным атеистом, он даже марксист, если это нужно. Если он достаточно умен, он станет и врачом, который вылечит тебя от смерти только для того, чтобы потом иметь возможность тебя убить.

Психопат хочет только власти и станет кем угодно, чтобы её получить. Потому что власть — точнее, сила — это состояние божественного экстаза, в тысячу раз сильнее героиновой эйфории. Допамин, который даёт власть, — это немыслимый поток чистейшего нектара богов прямо в вену, прямо в кору мозга, в прогнившую душу, во всевидящее око. Наркоманы власти готовы сделать всё и стать кем угодно ради этого допинга.

А классовое неравенство — прямой источник власти, который никогда не иссякает, и потому оно необходимо.

Интересно, сколько сегодня среди обычных людей этих антиатеистов, которые думают, что борются против великого инквизитора и тратят столько энергии, чтобы результатом их борьбы стали два закрытых монастыря и три бедные монахини со сломленной верой на улице. Или семейные люди, которые думают, что спасут метастазированный фундамент общества, если не позволят нескольким гомосексуалам вступить в брак.

Сколько потраченной впустую энергии! Сколько энергии на неправильной стороне войны!

Всё, что нужно, — это бесклассовое общество. Материально это возможно. Материально мы это уже переживали. Духовно — никогда. Духовно мы пленники правящей касты, слепые, глухие и парализованные. Литература обрублена у корня, как и философия, и гораздо сильнее, чем это делалось при сталинизме. Всё искусство, которое получает награды, напрямую заискивает перед правящей кастой, ударяя кулаком по любой попытке классового равенства, которое на короткий момент вспыхнуло в славянских государствах.

И всё это происходит потому, что угнетённые сохраняют свою роль, потому что взамен им дали немного развлечений без ответственности. Конечно, после первого лопнувшего презерватива за это развлечение приходится платить: потом приходят брак и дети, и все дальнейшие битвы сводятся к выживанию.

Даже низшие организмы в плохих условиях прекращают размножение. Бактерия в неблагоприятной среде стремится к самодостаточности. Крыса перестаёт плодиться, когда чувствует, что это больше не нужно — но не человек.

Человек, в самом глубоком духовном гниении, находит смысл в размножении, как какой-нибудь насекомый, обрекая своих детей на такую же жизнь — жизнь без выбора и без бунта, в системе статус-кво, направленной на бессмысленное физическое выживание.

Мы ведём себя так, будто выживание вида — единственная цель на свете! Мы ведём себя как жуки, как крысы, как самые жалкие мелкие вредители, для которых высшее достижение — перебраться с более бедного поля на более богатое, чтобы и его опустошить.

И всё это время мы остаёмся невеждами и глупцами, остаёмся теми, кто не способен распознать психопата, если он не отмечен набором идеологически окрашенных слов.

И знаешь — во всём этом главная проблема даже не те свиньи, которые правят. «Скотный двор» был бы вполне успешным проектом, если бы не овцы.

То, что мы в большинстве своём невежды и глупцы, — вот главная причина, по которой мы живём в говне.

Единственное спасение для человечества, если вообще есть какое-то спасение, — это возненавидеть самих себя. Это условие для того, чтобы начать развиваться. Человек, который в какой-то момент не ненавидел себя, как и верующий, который в какой-то момент не ненавидел Бога, никуда не идёт.

Влад говорил глубоким и серьёзным голосом. Он говорил впервые, будучи уверенным в истинности своих слов, энергично пытаясь достучаться до Хелены. Но её ожесточение только росло. Она видела бесконечную пустоту без конца, дыры в собственном теле, которое исчезает, и надвигающуюся войну, масштабы

которой она даже не могла представить, но знала, что закончится она тем, что враг пожмёт руку союзнику. Это произойдёт на глазах у публики, и та же самая публика всё равно не поймёт, что на самом деле они никогда и не были врагами — они были братьями по власти, а их собственные народы служили им лишь шахматными фигурами.

Грин Коридин, конечно, был бы точно таким же, если бы умел играть в шахматы. Или в «мице». Или в «таблич». Или во что угодно.

— Ладно. — сказала Хелена. — Если война действительно существует, кто другая сторона?

— Всегда те, кто получает пулю.

— Тогда они уже мертвы. Разве не ясно, кто победитель?

— Когда становится ясно, кто победитель, война уже не ведётся. Стираются границы и устанавливается сверхдержава. В истории ещё никогда не случалось, чтобы какое-то государство стало сверхдержавой. И мы позаботимся о том, чтобы этот ад на земле никогда не произошёл. Мы будем бороться, потому что это наша судьба. Мне жаль, что моя судьба — не рыбалка на норвежском озере, глубоко жаль, но это не так. Моя судьба — рыцарская. — пробормотал он сквозь зубы, зажигая сигарету.

Он втянул дым и посмотрел на неё исподлобья.

— Знаешь, почему существует нищета? — спросил он. — Все знают, что технологии настолько продвинулись, что утопия более чем возможна. У каждого мог бы быть домик с садом, люди могли бы эффективно работать четыре часа в день, а бюрократия могла бы сократиться наполовину, если не исчезнуть совсем. Но тогда правящая элита потеряла бы легитимность. Всем прекрасно ясно, что легитимность правителей сегодня не происходит из наивности масс. Никто не настолько глуп. Легитимность происходит из послушания белых воротничков и государственных служащих.

Значит, люмпен-пролетариат и синие воротнички существуют лишь как угроза белым воротничкам. Бедность — это пропаганда. Она служит как плакат, на который вы смотрите, пока правящие элиты говорят вам:

«Вот во что вы превратитесь, если не будете подчиняться нашим правилам.

Если не слушаете начальника — потеряете медицинскую страховку.

Если не голосуете — победит большее зло.

Если не женитесь и не размножаетесь — останетесь одинокими.

Если не подчинитесь — будете грязными, уродливыми и больными».

Бедный народ служит лишь политическим лозунгом — чтобы убедить тёплый средний слой, что он счастлив. Конечно, этот слой ни счастлив, ни несчастен, ни богат, ни беден, ни образован, ни невежествен, ни холоден, ни горяч. И таким образом он становится сердцем так называемой конформистской психопатии.

Обычный человек голосует за правящую элиту в обмен на пачку сигарет. За немного табака, бутылку водки и пакет масла он сегодня голосует за фашистов, завтра за большевиков, послезавтра за социал-демократов. За несколько долларов та же самая голова появится в толпе, чтобы слушать речь Понтия Пилата и восторженно аплодировать, а через два месяца та же самая голова по той же причине будет слушать речь Иисуса Христа и восторженно аплодировать.

Более серьёзный и привилегированный обычный человек делает то же самое — только не за пачку сигарет, а за работу, диплом, несколько нулей на банковском счёте. И это считается нормальным, потому что так делают все — даже Хелена Вайс.

Но это вовсе не нормально. Это болезнь нового времени. Это зло, которое тихо торжествует. Это конформистская психопатия, это суть системы, которая нас поработила. Потому что те, кто правит, становятся идолами тех, кем правят, и все начинают стремиться вести себя как правители — пока психопатия не распространяется как чума и не пожирает собственных детей.

Потому что именно это пожирает своих детей, а не революция! Революция лишь спасает то, что ещё можно спасти от Содома, который своей коррупцией косит не только живой мир вокруг себя, но и самое важное — воплощённый дух.

Система, конечно, в конце концов съест сама себя. Сначала она выблюет тех, кто ей подчинился — этих тёплых конформистских психопатов, которые всегда сидели на стуле победителя, кем бы этот победитель ни был.

Поэтому, дорогая Хелена, не будь ожесточённой. Ты спасена. Ты спасена в тот момент, когда вместо того, чтобы становиться на колени и сосать какому-нибудь богатому банкиру, решила встать.

Правда, многие всё ещё видят в тебе проданный мешок пакли, но у них нет никакого права так думать. Они слепы. Они считают, что работать на олигарха морально чище, чем работать на Грина Коридина. На самом деле они даже этого не думают. Они довольствуются работой в кондиционированном офисе и утешаются, глядя на синего рабочего, обречённого на три смены, летнюю жару и шум машин.

И если бы я сказал им то же самое, что сказал тебе сейчас, они бы даже не удивились. Они бы лишь холодно спросили:
«А что мне ещё делать? Я же должен на что-то жить!»

Вот тут и видны настоящие масштабы эпидемии конформистской психопатии. И это доказательство того, что справедливый, умный и эмансипированный царь не появится, пока под ним не будет справедливый, умный и эмансипированный народ.

А это высший парадокс — потому что такому народу уже не нужен никакой царь.

— Но, Влад! Мы всего лишь маленькие люди — что вообще можно сделать против эпидемии конформистской психопатии?

— Для начала перестаньте травиться погоней за физической красотой. Я замечаю, что люди, встречаясь на улице, больше не спрашивают друг друга, как они, как их дети, внуки, собаки или утята. Молодые женщины спрашивают друг друга, поправились ли они или похудели. Молодые мужчины спрашивают друг друга о спортзале и бицепсах. Это всё, что новое поколение может предложить? Всё это так превосходно глупо. Красота — в какой бы форме она ни была, самой простой или художественной, самой сложной — не спасёт мир. Мир спасёт знание. — сказал он и потушил сигарету о сломанный стол.

— Но что я на самом деле знаю? — спросила Хелена. — Я закончила какие-то амийские школы. Они — ничто. Они учат нас, что деньги — это законное средство платежа, обеспеченное золотом, и что собственность, которая одновременно и ничья, и общая, обречена на гибель.

— Кто вообще когда-нибудь получал знание в школах?! А ты знаешь больше, чем сама себе хочешь признаться. Я бы хотел это тебе доказать. Я бы хотел, чтобы ты что-нибудь написала для нас — так я тебе это и докажу. — сказал Влад уже гораздо спокойнее, улыбаясь левым уголком губ.

— Я — писать? — рассмеялась она натянуто. — Влад, что мне писать? «Как стать лузером, прикованным к провинциальной дыре, который живёт от выходных до выходных, чтобы нажраться вина из пластикового бочонка, и тратит свой талант в гнилых пастях медлительной бюрократии, подрабатывая между делом за три-четыре доллара написанием инструкций к ректальным термометрам?»

— Я слышал, что тебя награждали за твои литературные работы. — упрямо сказал он.

— Награждали, пф! Вес награды зависит от того, кто тебя награждает и зачем. Меня награждали за тексты, которые ничем не отличаются от школьных сочинений на тему «осень на моей улице» и «красота женщины в народных песнях». Всё, что имеет ценность, они отвергают. Награждают посредственность. Меня награждали только тогда, когда я писала половиной мозга, стараясь выбирать банальные и аполитичные темы. И ощущение было такое, будто я получила железный крест и пакет резиновых конфет в форме маленьких свастика или американских бомбардировщиков.

— Мне нравится твой цинизм. Он как удобрение для очень красивых цветов.

— В том, о чём я говорю, поверь мне, нет красивых цветов. Красивы стихи о любви, о родине, о небе и золотых звёздах, о белом фарфоре с бирюзовыми цветами, в который налит тёплый чай из ежевики... но что с ними делать, если они ни к чему не служат... красиво это — где-нибудь в Швейцарии, в золотом дворце роскоши, писать пейзажи и читать о чаях, дорогом вине и занятиях любовью. Но в системе, которая разваливается и снаружи, и изнутри, искусство — грязное. Оно грязное, оно перезаряжает и стреляет. Наше искусство всегда

было варварским, грязным и безумным — и в этом его ценность. Может быть, и мы, славянские народы, такие же, и, возможно, в этом наша ценность. Но всё равно остаётся вопрос: существует ли вообще какая-то ценность. Если она зависит от внешнего наблюдателя, а внешний наблюдатель её не видит, о какой ценности тогда вообще стоит говорить?

— Если меня спросить, искусство, которое не грязное, — вовсе не искусство. — заключил Влад.

Глядя на Хелену своими голубыми глазами, которые из яростных быстро стали тёплыми, он так её умилил, что его гавайская рубашка — похожая на те, какие в девяностые носил кандидат в президенты Ник Слотер — показалась ей красивее всех дорогих костюмов и брендовых галстуков её бывших любовников.

Владимир Ильич Фишаров был человеком, который внушал надежду. Если надежда вообще существует, она не в пролах — она во Владимире Ильиче.

Даже когда он от всего сердца поёт
«братских народов союз вековой»
или
«счастья народов надёжный оплот»,

запутавшись в, казалось бы, противоположных идеологиях, но испытывая одинаково сильное чувство справедливости и гордости, которое вызывает в нём эта песня, Владимир Ильич Фишаров был единственным подлинным борцом за человечество, которого Хелена когда-либо встречала.

Поэтому она всегда была готова броситься ему в объятия, хотя и твёрдо придерживалась теории, что он, как и все праведники, в конце концов погибнет.

Хелена открыла ящик стола и достала из него несколько листов бумаги. Она протянула ему листы с напечатанными рассказами, которые написала несколько лет назад, и сказала:

— Вот, прочитай, если хочешь. Но предупреждаю: там нет ничего особенного.

Влад решил прочитать все рассказы. Он разложил листы перед собой и зажёл ещё одну сигарету. Хелена тоже курила и наблюдала за выражением его лица.

Влад нахмурил брови и начал читать название первого рассказа...

Первая история
Somnium — исповедь королевского слуги

Доктор Уильям Галл
Уайтчепел, Лондон
Лето 1888 года

Головная боль короля была невыносимой. Непривычный к жаркому лету в обычно дождливой Британии, он держал большой и указательный пальцы на лбу и массировал больную голову, одновременно принимая какой-то порошок из полыни и пчелиного воска. Это не помогало. В висках глухо и зловеще пульсировала боль. В руке он держал письмо и просил придворную даму Джейн Лавелс охлаждать его лоб тряпкой, смоченной в спирте.

Джейн несколько раз окунула тряпку в жидкость и провела ею по королевскому лбу, наблюдая его почти вытаращенные глаза, после чего в панике послала за врачом королевской семьи.

Доктор Уильям Галл, врач королевской семьи, велел Джейн подать королю ложечку сахара с несколькими каплями настойки. Открыв глаза, король выпил стакан холодной воды и, всё время массируя голову, болезненно пробормотал:

— Джейн, дорогая, оставь нас наедине.

— Он на ней женился! — яростно обратился король к растерянному доктору Уильяму. — Альберт... мой сын... женился на ней, на кабацкой нищенке, бордельном сироте! На шлюхе!

— Аннулируйте брак принца Альберта, Ваше Высочество. Втайне.

— С большим удовольствием, дорогой Уильям, с большим удовольствием! Но... они знают. — сказал король, устремив на доктора Галла кровавый взгляд, полный отчаяния и бессилия.

— Кто знает?

— Они... другие... проститутки. — сказал король, поднимая письмо, которое висело у него в руке. — Мэри Энн Николс, Энни Чепмен, Элизабет Страйд и Кэтрин Эддоуз.

— Они вам угрожают? — спросил доктор.

— Шантажируют. Мы должны их устранить.

— Мы?

— Точнее, вы, доктор. — сказал король почти спокойно, хотя его глаза всё ещё были кроваво-фиолетовыми.

— Я? Разве я палач? — растерялся врач.

— Вы самый надёжный человек короны. Я не могу поручить эту задачу никому, кто мог бы продолжить цепь шантажа. А поскольку я знал, что вы откажетесь от этого поручения, я распорядился выселить вашу жену. Даю вам слово — вы не увидите её, пока эти четыре ночные дамы не будут обезглавлены.

Доктор медленно и совершенно спокойно покинул королевские покои. В голове у него звучал звук тряпки, с которой стекает спирт и капает в жестяной таз.

С таким же спокойствием он дошёл до своих комнат и прислонился к окну, наблюдая сияние луны и ясное июльское небо. Лето было не британским, не дождливым, а имело тот континентальный запах цветов и свежести, который Уильяму доводилось чувствовать, путешествуя по Европе.

Он бодрствовал, вдыхая тишину ночи и думая о самоубийстве. Но что решило бы самоубийство? Оно не спасло бы Мэри Тор Галл, его любимую супругу. Её бы убили. Возможно, даже пытали. Монархия лишь ссылагается на крест — на деле же она беспощадна. Все и всё прикрываются крестом и короной, даже величайшие садисты, лицемеры и параноики. Дешёвая шлюха целует крест, дорогая — целует корону.

Изменится ли когда-нибудь этот порядок жизни?

Так размышлял доктор Уильям Галл, разразившись беспомощным плачем отчаявшегося человека.

И вдруг, в два часа после полуночи, одна знакомая семьи, госпожа Молин, яростно постучала в дверь докторских покоев. На руках она держала молодую девушку, почти зелёную лицом.

— Почки отказывают, доктор. — сказала она так тихо, что её сухие губы едва двигались, приликая друг к другу.

Доктор покачал головой, а ребёнок госпожи Молин испустил дух уже на следующее утро.

Но после тех двух часов ночи Уильям Галл спал как младенец до самого полудня. Он разрешил свою дилемму: решил, что совершит убийства проституток из-за отсутствия выбора, но у каждой возьмёт сувенир — внутренний орган, который можно будет пересадить и тем самым спасти чью-то жизнь.

Уже на следующий день доктор Галл связался с известным учёным, доктором Парлингом, который уже некоторое время занимался исследованиями, связанными с пересадкой органов. Квартира Парлинга на чердаке была тёплой и пахла мёртвыми крысами и гарью. Сам доктор Парлинг имел необычайно тёмные круги под глазами и выглядел совсем не радостным при виде своего уважаемого коллеги Уильяма.

— Это важно. — коротко сказал Уильям, после чего Парлинг неохотно приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы тот мог войти.

Был ровно час после полуночи.

— У меня есть тело, которое может тебе пригодиться. Девушка мертва меньше двадцати четырёх часов. Если пересадить орган кому-нибудь как можно быстрее, жизнь можно будет спасти.

Глаза доктора Парлинга загорелись заинтересованностью.

— У меня есть ещё ровно четыре женщины, которые, как я полагаю, скоро умрут. Я извлеку у них органы, положу их в стерилизованную коробку для инструментов, наполненную льдом, и доставлю их в твою чердачную квартиру ночью. Так ты сможешь провести важнейшие эксперименты своей карьеры — спасти четыре новые жизни.

— Сколько ты хочешь? — спросил Парлинг, растягивая в ухмылке свои тёмные круги под глазами и кривые тонкие губы.

— Ничего. Мне не нужны деньги. Я делаю это во имя науки.

— Существует большая вероятность неудачи. — подозрительно сказал Парлинг.

— Если мы этого не сделаем, вероятность неудачи будет абсолютной.

Парлинг зажёл сигару, сел и на несколько мгновений замолчал. Он думал о том, какой обман может скрываться за этим предложением. Затем, вспомнив безупречную репутацию семьи Галл, глубоко вздохнул. Выпустил ещё одно облако дыма, прищурился сквозь тёмные круги под глазами и утвердительно кивнул.

Тридцать первого августа 1888 года в Уайтчепеле Уильям Галл шёл между домами, в глубоком чёрном цилиндре, кожаных перчатках и с ящиком для инструментов. Ровно в три часа после полуночи Мэри Энн Николс выходила из подозрительной квартиры на чердаке в Ист-Энде.

Уильям Галл, хорошо знавший анатомию, оглушил проститутку и убил её ударом ножа. Он вскрыл её живот по довольно неточной хирургической линии и начал извлекать органы. Кишечник был зеленоватым, очевидно поражённый болезнью, поэтому он просто перекинул его через шею женщины. Почки были в отличном состоянии. Уильям отрезал их, аккуратно положил на лёд и спокойным шагом направился к квартире доктора Парлинга.

В квартире доктора Парлинга его встретили знакомые тёмные глаза, утонувшие в бессонных подглазьях, запах падали и табачного дыма. Парлинг спокойно попыхивал сигарой, запивая её каким-то спиртом. Уильяма в комнате ждали стул и небольшой стол из тёмного бука, на котором стояли стакан спирта и стакан воды.

Доктор Галл сначала выпил алкоголь, а затем и воду почти одним глотком. Парлинг внимательно наблюдал за ним.

— Почему у тебя мокрые волосы? — спросил он.

— Пот... ночь тёплая... — отвечал Уильям, словно извиняясь за что-то. А затем, чтобы сменить тему, он ногой подтолкнул ящик с инструментами, наполненный льдом, и пробормотал:

— Всё там.

Он чувствовал, как у него немеют ноги, как он едва выходит из квартиры на тёплые лондонские улицы. Воздух душил его острым враждебным запахом, и Уильям едва покинул чердак. Он вздохнул с облегчением только в своих покоех. Ночь он провёл без сна, непрерывно обливаясь потом, пока на шёлке не осталось огромное влажное пятно от пота его густых волос.

Утром король не вызвал его на разговор. Более того, он даже не обратился к нему, хотя дневные газеты были полны сообщений о психотическом, кровавом убийце и женоненавистнике. Королевское молчание Уильям воспринял как знак хорошо выполненной работы.

Убийства следовали одно за другим, всегда по одному и тому же сценарию — в тёмном Уайтчепеле, с чёрным цилиндром и ящиком для инструментов. Уильям Галл, подавляя совесть, которая часто прорывалась страшной дрожью и потом, выполнял поставленные самому себе сроки этих кровавых убийств.

Элизабет Страйд и Кэтрин Эддоуз были убиты в одну и ту же ночь — довольно неловко и неосторожно. Доктор Галл уже был на грани нервного срыва. СМИ гудели о мизогинии, серийных убийствах и психопате, ненавидящем проституток. Полиция проявляла особый интерес к этим преступлениям, и доктор Галл всё больше сомневался в своей безопасности.

Король его не защитит. Он умоет руки так же легко, как от крови и ликвора.

К счастью, появлялись всякие безумцы, представлявшие ложными исполнителями этих убийств. Это уводило Скотленд-Ярд по совершенно ложному следу и до совершения последнего преступления сохраняло доктора Галла в безопасности.

Последнее убийство было совершено 30 сентября.

Первого октября Уильям Галл провёл дождливую лондонскую ночь со своей любимой супругой Мэри Тор Галл.

Спустя чуть больше месяца, поскольку медийная буря вокруг кровавого убийцы не утихала, король вызвал Уильяма в свои покои. Он смотрел на него искоса — одновременно подозрительно и шутливо, но всё же с долей серьёзности и осторожности. Снимая белые перчатки, он намазывал руки каким-то кремом, похожим на жидкий воск.

— Почему ты просто не сделал то, что тебе было сказано? — спросил король доктора Галла, растирая намазанные кремом руки.

— Я сделал.

— Нет, не сделал. Ты попытался сделать доброе дело. Ты превратил рутинные убийства в комическое представление, привлёк к себе внимание и притащил мораль туда, где её никак не может быть. Ты что, какой-то божий человек? Разве божий человек убил бы — или позволил бы судьбе пожертвовать его женой? Ты пожертвовал четырьмя жизнями ради одной, а это не имеет абсолютно никакого смысла перед Богом, перед которым мы все равны. Почему, Вилли, почему, ради Бога, ты просто не слушаешь, что тебе говорят? Есть власть и есть слуги — таков вечный мировой общественный порядок. Тот, кто делает то, что ему сказано, и не играет в божественные игры, живёт хорошо. А тот, кто играет в сына Божьего, заканчивает на кресте. Небо хочешь, Уильям? Небо хочешь?

Доктор Галл молчал спокойно.

— Я скажу тебе кое-что о твоём небе. Парлинг продал органы аристократическим семьям. Ни один организм не смог принять пересаженный орган — тело отвергло его, как пришитый демонический хвост. Все умерли, а Парлинг разбогател.

Доктор Уильям Галл чувствовал лишь лёгкие сумерки перед глазами. Пот капал на носки его начищенных чёрных ботинок. Пытаясь выбраться из живой могилы, он не сделал ничего, кроме как разбросал кровь и кишки по всему Ист-Энду.

Он медленно вышел из королевских покоев, стараясь не потерять сознание. Даже не попрощавшись со своей любимой Мэри, он взял чёрный цилиндр, ящик с инструментами и ножами — но безо льда — а также трость, на которую опирался из-за всё усиливающейся головной боли и головокружения.

Он бродил по Уайтчепелу, ища совесть или потерю совести, рай или ад — всё равно.

Доктор Уильям Галл прислонился к металлической ограде, снял цилиндр и платком вытер пот. Ящик с инструментами он поставил за ограду, стараясь не думать о нём. Он думал о прогулке вдоль Темзы, о том, как вдохнуть её благотворную прохладу, и о том, что не заслужил вдохнуть её.

Молодая женщина, прошедшая по Ист-Энду с другой стороны ограды, остановилась рядом с ним, подчёркивая грудь, и спросила:

— Вы сегодня одиноки, сэр?

— Нет. Да. Не знаю.

— Вам нужна компания? — спросила она, наклоняясь ещё ближе.

— Как вас зовут, мадам?

— Мэри Джейн Келли, сэр.

— Мэри — прекрасное имя, дорогая. Как вы думаете, допустимо ли убить, чтобы спасти другую жизнь?

— Не знаю. Обычно мне таких вопросов не задают.

— Я убивал, пытаюсь спасти. Я играл в математическую игру «жизнь за жизнь». Я лишил смысла бессмыслицу. Превратил в карикатуру и без того слишком карикатурный институт власти. Сам выстрелил себе в спину. — говорил доктор Галл.

— Я вас не понимаю... — сказала Мэри Джейн Келли, медленно отступая.

— Как ты думаешь, сколько стоит твоя жизнь? Удалось ли им убедить тебя, что она стоит меньше жизни короля или королевского врача?

— Вы богохульствуете! — вскрикнула она испуганно.

— Нет. Я не богохульствую. Перед Богом мы все равны.

Мэри Джейн Келли тогда заметила чёрный цилиндр и трость, о которых гудели все газеты, но не заметила ящика с инструментами. Ящик уже в следующую секунду оказался в руках доктора. Через полсекунды нож уже был воткнут ей в живот, а затем и в левую руку. Тело было почти изрублено, но Уильям Галл сохранил достаточно контроля, чтобы оставить его целым и тем самым сделать его легко переносимым. Он оттащил его в заброшенный мотель неподалёку, положил на матрас и продолжил расчленять часть за частью тело молодой проститутки Мэри.

Он смотрел на своё дело и думал: без всякой причины. Без всякой осмысленной причины. Без какой-либо, вообще какой-либо причины. Какая вообще могла быть причина? Обстоятельства. Судьба. Бессмыслица. Всё — хаос без порядка, и никакое добро не разрушит вечный порядок мира и вечную устойчивость власти. Рабовладельческой власти, точнее. Власть — это психопатия. Власть — это мания. Власть — это аффективное расстройство. И хуже всего то, что власть — это паранойя.

Доктор Уильям Галл вернулся домой, пока его жена Мэри спала крепко, как труп. Он смыл с себя кровь и телесные жидкости, надел чистый костюм, надел цилиндр и, опираясь на отполированную трость, чтобы не упасть от головокружения, отправился на долгую прогулку. Он вдыхал спокойную ноябрьскую прохладу, гуляя вдоль Темзы. На рассвете он бросился в полузамёрзшую реку.

Доктор Уильям Галл покончил с собой 10 ноября 1888 года.

Тело так и не было найдено, а имя кровожадного массового убийцы вошло в историю под именем — Джек Потрошитель.

Вторая история Путь в Эльдорадо

Александар Алекс Берзин — неприятный человек. Под его искусственной улыбкой скрывается странная патология. Хотя он производит впечатление вполне нормального человека, от него исходит дыхание паранойи, страха и какого-то рода необходимой, оборонительной жестокости. Если вы достаточно долго находитесь в одной комнате с господином Берзиным, эта паранойя начинает окутывать вас, словно некая невидимая, зловещая тень.

Александар скрывает свою неприятность чрезмерной вежливостью и оборонительным страхом. Хотя он на самом деле не знает ни чего именно боится, ни от чего защищается, его поведение в присутствии других людей всегда остаётся необычным. На его лице внезапно появляется судорога и холодная петля враждебности, даже без какой-либо причины. Трудно сказать, обращаются ли люди с ним плохо именно поэтому, или же ситуация обратная — что Александр стал таким потому, что люди плохо обращаются с ним. Единственное, что несомненно и очень заметно, — это насмешливый и унижительный тон, которым люди ежедневно обращаются к господину Берзину, из-за чего у него развилось амбивалентное отношение к людям, которое постепенно перерастает в ненависть.

Хотя ему тридцать шесть лет, у Александра Берзина мальчишеское лицо. Его внешний вид наивный и растерянный и совершенно не соответствует его мудрости. Но люди, как правило, не видят его проницательности, а видят лишь его мальчишеский облик и именно так к нему и относятся. Его вид беспомощности делает его жертвой чьего угодно стремления к доминированию и власти и, разумеется, жертвой чьей угодно глупости. Мысль о том, что Александр Берзин мог бы установить над кем-то власть и господство, всем казалась особенно смешной, потому что для них он был мальчиком, похожим на девочку, которому, как таковому, не место среди лидеров. Даже образование Берзина не могло ничего изменить. Единственное счастье, за которое Александр мог быть благодарен, заключалось в том, что он хотя бы не женщина, потому что в этом случае унижение, которое он терпит, было бы ещё сильнее. Ему казалось, что тогда было бы невозможно скрыть поток безумия, паники и убийственных мыслей, которые бурлят в нём. Так же он каким-то образом умудрялся держать себя под контролем, прежде всего благодаря сильному страху. Хотя сам он называл этот страх разумом и контролем воли, было ясно как день, что страх исходит из глубин его существа, которые не имеют никакого отношения ни к воле, ни к разуму.

Александар Берзин прожил все свои тридцать шесть лет в маленьком городе на востоке Сербии. Город полностью выглядел так, как и назывался — Пропать. Иногда Берзин проходил мимо местной свалки Пропати, на которой дети рылись в мусоре, пытаясь найти что-нибудь, что можно было бы продать или обменять на хлеб. Тогда он думал о Пропати как о какой-то червоточине, в которой время потеряло смысл. Ему казалось, что и он сам потерял смысл. Единственное, что он оставит своему городу после смерти, думал он, — это пожелтевшее свидетельство о крещении и некролог.

Место рождения: Пропась.

Место смерти: Пропась!

Его мучило безыдейное отчаяние.

Все эти ужасные чувства, которые горели в этом человеке, словно очень искусно скрывали сами себя. Большую часть своей жизненной энергии он тратил на то, чтобы скрывать своё состояние. Обычно ему это удавалось. Однако иногда его самоконтроль давал сбой, и происходило это чаще всего тогда, когда он был слегка пьян или не выспался. Александр Берзин становился особенно неприятным, когда был уставшим, а в последнее время это случалось всё чаще.

В эту среду, пятнадцатого ноября, он спал всего три с половиной часа с перерывами. Всю ночь он смотрел фильмы. Особенно его завораживала история о Владе Сажателе на кол — румынском князе — и его идее кровавого осуществления правосудия, поэтому фильм о Владе Цепеше, самой известной фигуре династии Дракулы, он смотрел не реже одного раза в месяц.

И всё же ничто он не любил так, как фильм о Ганнибале Лектере. Юродивый Hannibal the Cannibal — доктор-сверхчеловек, высший манипулятор, интеллектуальный альфа-психопат, который пожирает человеческое мясо с икрой и «кьянти», — типичный дешёвый продукт американской индустрии развлечений, персонаж, созданный без какого-либо художественного заряда, а лишь с целью шокировать и развлекать.

И что же такого завораживающего в Ганнибале, что одухотворённый Александр Берзин смотрит этот фильм по меньшей мере раз в месяц с таким вниманием и восхищением? Всё предельно просто: Ганнибал — это высшее воплощение желаний Алекса. Он властвует над всеми и каждым, он владеет душой любого человека и одними лишь словами может склонить другого к самоубийству. Без методов Тепеша и без формальной власти он правит лишь потому, что он есть то, что он есть. Он не чувствует страха. Он — сила. Его бояться все. Чрезвычайно опасен. Всё это было тем, чем Алекс хотел быть, но не умел.

И именно в среду, пятнадцатого ноября, когда Алекс почти утонул в буре своих самообвиняющих и исполненных презрения к себе чувств, произошло нечто неожиданное. Когда он пришёл на работу, перед входом в офис местной экспортно-импортной фирмы его перехватил незнакомый человек. Это был смуглый сорокалетний мужчина мелкого телосложения с восточными чертами лица. У него были раскосые глаза и азиатский нос, а губы — полные и чёрные, как у воина банту. Он выглядел так, словно имел японское, индийское и африканское происхождение, и обладал совершенно необычным генетическим кодом, который можно было бы отнести к какой-то новой и до сих пор неизвестной расе.

Когда он увидел Алекса, он уверенно и надменно подошёл к нему и спросил, где можно найти Александра Берзина.

— Я Берзин, — ответил Алекс, ожидая нового утреннего унижения от этого человека.

Вместо этого сорокалетний мужчина вздрогнул, опустил голову, словно кланяясь, и прошептал:

— Ох... господин... это вы! —

Алекс онемел от изумления. Какой ещё, к чёрту, господин?!

Сорокалетний мужчина не осмеливался поднять взгляд и лишь тихо декламировал:

— Простите, господин, я не всё вам как следует объяснил. Видите ли, меня зовут Майор, и я прибыл из Эльдорадо.

— Из чего?! — спросил Алекс с саркастической улыбкой.

— Эльдорадо — это остров в Тихом океане, он находится к востоку от южноамериканского континента и в настоящее время переживает тяжёлый экономический кризис. Я пришёл за вами, чтобы вы спасли нас от гибели! Наша Матрица, наша высшая власть, избрала вас, чтобы вы нас спасли.

— Я?! Вы... вы... ошиблись! — закричал Александр.

— Нет, нет, нет... вы этого не знаете, но наша Матрица избрала вас верховным командующим Эльдорадо. Поэтому прошу вас пойти со мной к нашей Матрице.

— Я... верховный... кто?! — Берзин не мог прийти в себя от шока.

Он подумал, что это какая-то извращённая и крайне глупая шутка его коллег. Коллеги были у него как заключённые на каторге: они любили издеваться над кем-нибудь просто чтобы скоротать время. А этим «кем-нибудь», как обычно, был Александр Берзин.

Алекс потребовал твёрдого доказательства того, что Майор действительно прибыл из Эльдорадо, и сказал, что не сдвинется с места ни на один-единственный миллиметр, пока не получит это доказательство. Майор понял серьёзность ситуации. Он ожидал такой реакции. Поэтому он достал из своей сумки инструмент, похожий на ножницы.

Инструмент находился в специально изготовленном футляре с точными, почти королевскими украшениями. Александру показалось, что это превосходит и креативность, и чувство юмора его коллег. Возможно, это вовсе не их шутка, а какой-то более серьёзный обман. А возможно, Майор действительно искал какого-нибудь племенного вождя и командира, но по ошибке вышел на обычную канцелярскую мышь Александра Берзина.

Как бы то ни было, специальные ножницы, которые достал Майор, выглядели довольно опасным оружием, и Алекс задрожал от страха и неопределённости. Однако Майор направил ножницы не на Александра Берзина, а на себя.

За несколько секунд он раскрыл ножницы, поместил указательный палец между лезвиями и — щёлк! — отрезал себе палец.

Он оставался холодным, словно ничего не почувствовал, хотя боль наверняка была палачески сильной. Бледный как смерть, он перевязал рану бинтом со специальным дезинфицирующим средством, которое остановило кровотечение всего за несколько минут. Он перевязал себя с поразительным спокойствием и почти больничной точностью и протянул отрезанный палец своему «господину» — маленькому чиновнику и незаметному человечку Александру Берзину.

Алекс держал чужой палец и смотрел на него, как на саму смерть.

Доказательство — и какое!

Александр Берзин, бледный как тряпка и почти истощённый от шока, отправился с Майором к Матрице Эльдорадо, чтобы объяснить, что, несомненно, произошла какая-то ошибка, что он не является и не может быть никаким господином! Он скажет им, думал он, что польщён этой честью, но что они, увы, ошиблись. Они послали жертву указательного пальца не тому человеку.

Алекс полагал, что Матрица — это какая-то институция, Совет старейшин, комитет или комиссия. Он ожидал холодное и богатое помещение, в котором его ждут несколько мудрых стариков, которые, едва увидев его, поймут, что произошла ошибка, и отпустят его жить своей маленькой, дерьмовой жизнью в переходном болоте своей маленькой, дерьмовой страны.

Но вместо совета старейшин Алекса встретила одна-единственная женщина, и притом в скромной комнате хостела. Она была в сопровождении Майора и ещё одного более молодого мужчины, похожего на него. Похоже, они были её телохранителями. Хотя они были небольшого роста и на первый взгляд казались безобидными, они обладали навыками ниндзя и самурайской дисциплиной. А она была не кто иной, как — Матрица.

Матрице было около тридцати пяти лет, и она была очень красивой. У неё было примерно двадцать пять килограммов лишнего веса, но держалась она как самая красивая женщина на свете. В Эльдорадо она именно такой и считалась. И не только самой красивой, но и самой мудрой. Для Эльдорадо Матрица была священным тотемом, божеством, верховной императрицей и богом на земле.

Как Алекс позже узнал, Эльдорадо была цивилизованной страной: у неё были университеты, высокие технологии, парламентское устройство, наука и искусство. И всё же в ней господствовало удивительное магическое суеверие, характерное для племён. В Эльдорадо существовал сильный культ личности, и их фараоном была именно Матрица.

— Меня зовут Би, как пчела, — сказала она спокойным и глубоким голосом. — Я выбрала тебя верховным командующим Эльдорадо. Это нечто вроде премьер-министра нашего правительства. Ты будешь человеком, который принимает все решения, обладает полной властью, полным изобилием и полной защитой.

— Меня будут защищать эти твои ниндзя, которые отрезают пальцы? — спросил Алекс с сарказмом.

— Это не ниндзя. Это ассасины. Лучшие воины в мире. Готовые к самоубийству без колебаний, неспособные чувствовать боль, сверхинтеллектуальные и абсолютно дисциплинированные. Нигде в мире не существует таких телохранителей. Ассасины — это генералы, которые выиграли бы любую войну против любой армии. — Она говорила так серьезно, что Алекс снова побледнел до смерти.

— Позволь объяснить... — продолжила Би. — Вот в чём дело: в Эльдорадо Матрица — это нечто вроде фараона, верховная и абсолютная власть, человек на границе между богом и человеком, святыня и абсолют. Разумеется, Матрица всегда женщина и её зовут Би, как я уже сказала, Би — как пчела. Матрица — это должность, которая наследуется, подобно монарху. Титул Матрицы может унаследовать только женщина. Матрица размножается до тех пор, пока не родит дочь, даже если ей придётся иметь двадцать детей. В нашем народе существует убеждение, что если Матрица не родит дочь после первых трёх детей, государство впадает в кризис. Тогда Матрица должна выбрать другого мужа, точнее, самца. Она может выбрать его из любой страны мира, любого человека, который придёт ей в голову. Решения Матрицы не подлежат обсуждению, и на ней лежит ответственность за то, чтобы самец, которого она выберет, был наилучшим выбором для неё и её народа, потому что он автоматически становится верховным командующим. Я выбрала тебя.

— Ради бога, почему именно я?! — спросил Алекс в отчаянии.

— У меня есть свои методы и причины.

— А что если я не сделаю тебе дочь, а снова трёх сыновей?

— Тогда ты остаёшься в Эльдорадо как обычный гражданин. Разумеется, немного более привилегированный, чем обычные, потому что автоматически получаешь условия для жизни по своему желанию. Ты можешь снова учиться, работать, выбрать дом, в котором хочешь жить, и все прочие условия жизни, о которых в этой твоей стране переходного периода ты даже мечтать не можешь.

— Звучит заманчиво. А что если я откажусь?

— Ты возвращаешься к своей маленькой, дерьмовой жизни и к своей маленькой, дерьмовой конторе в своей маленькой, дерьмовой стране.

— Откуда мне знать, что я могу тебе доверять? — допрашивал её Алекс.

— Ты не можешь этого знать. Но какой риск ты принимаешь, если тебе нечего терять?

Би была права. Это было предложение, от которого не отказываются. Берзин даже не успел моргнуть, как уже оказался в самолёте рядом с Би, потягивая «шардоне» в первом классе между дремотой и чтением книги — прямо по пути в Эльдorado.

Какая это была страна! Земля обетованная! Фантастические плантации южных фруктов, какао и кофе тянулись между ухоженными лесами с чудесными деревьями, усыпанными разнообразными плодами экзотики. Третью острова напоминала городское поселение с ухоженными парками, стереотипными домами и скромной дорожной сетью. Большинство жителей ездили на велосипедах, и воздух был незагрязнённый и чистый. Остров был размером с большой город, а называли его государством. Здесь говорили на английском и испанском языках, с множеством вставленных древних слов североамериканских и южноамериканских индейцев.

Александр Берзин был размещён в апартаментах местного отеля, а на ужин ему подали рыбный деликатес с морепродуктами и ананасовым соусом. Чистая роскошь!

— Александр! Это имя вождя! Это судьба, несомненно. Я рождён быть вождём, дорогая Би, — говорил он в восторге.

— Никакой судьбы нет, дорогой. Всё — дело случая. Может быть, ты и глуп, и безумен, но этого не видно, пока ты не приходишь к власти, — говорила ему Би своим глубоким, ровным голосом, который каждому, кто его слышал, внушал ощущение полного спокойствия. Вибрации этого голоса струились через нервные нервы Александра в правильном ритме. Никогда прежде он не чувствовал себя так приятно. Хотя эта женщина не была мировым идеалом красоты, она была настолько полна спокойствия и уверенности, что это его завораживало.

Алекс заметил, что Би ведёт жизнь, которую проще всего было бы описать как интеллектуальное праздное существование. Она ложилась и вставала поздно, ела очень обильно, не утруждала себя украшением или внешним видом вообще. Она читала разнообразную научную литературу и занималась искусством. Би очень редко пользовалась косметикой, не занималась регулярно физическими упражнениями и не практиковала никакие ритуалы красоты, которые современные женщины навязывают себе.

Хотя весь Эльдorado знал, кто такая Би, за ней не гонялись папарацци и журналисты, её не воспринимали как знаменитость, её не обсуждали, особенно негативно. Она была табу. Святая и нечистая. Она была древним божеством, несовершенство которого подразумевалось само собой и чьи человеческие потребности и качества не скрывались, но из-за своей естественности она была ничуть не менее любима. Более того — она была обожаемым тотемом.

Алекс наблюдал, как она живёт: она ела руками, обильно и почти по-свински; справляла нужду с открытой дверью и довольно громко; чесалась всякий раз, когда у неё что-то зудело, и где бы это ни зудело, прямо перед толпой своих телохранителей-ассасинов, а перед ними же часто прогуливалась и нагой; вообще она не испытывала стыда из-за того, что она человек.

Алексу было не совсем ясно, зачем ей вообще телохранители, ведь никто из народа Эльдорадо не желал ей вреда, но со временем он понял, что они не только защитники её божественности, но прежде всего важная символическая часть режима и всеобщий образец.

— А почему ты вообще важна, Би? Что, чёрт возьми, такое Матрица и, в конце концов, что ты вообще когда-нибудь делаешь?! — расспрашивал Александр Берзин свою невесту Матрицу.

— А что вообще делает Бог? Что делает английская королева? — сказала она.
— Я символ.

— Магический символ?

— Нет, Александр. Я символ жизни. По тому, каким является идеал народа, можно увидеть весь его потенциал. В твоём государстве идеалом является туповатый мужчина с большим количеством грязных денег. Поэтому вы и погибаете. У нас же идеалом является мудрость женщины и восприятие женщины как личности. Поэтому мы и создали всё это, что ты видишь вокруг себя.

— А почему же тогда вы в кризисе? — снова сказал он с сарказмом.

Майор вмешался в разговор, объясняя ему, что кризисы — естественное явление. В несчастьях важно «удалить опухоль», то есть заменить больную ткань здоровой.

— В случае твоего государства первым шагом для выхода из кризиса была бы замена идола — нувориша и глупца мужского пола, который разбогател на сомнительных делах и считает вершиной жизни кокаин и трахание большого количества женщин с силиконовыми грудями. Необходимо заменить этого идола умной и доброжелательной Матрицей, которая по совести выбирает премьер-министра, а тот, в свою очередь, по совести проводит меры социального благосостояния, — объяснял ему Майор.

— То есть так же, как я должен принимать меры социального благосостояния в Эльдорадо? — спросил Алекс.

— С помощью профессиональных советников, да, конечно, — сказал Майор. — Вот, приведу тебе пример: пятьдесят лет назад нас поразила страшная рецессия. Матрица была замужем за верховным командующим Хайлером и как раз родила третьего сына. Поскольку она проходила через тяжёлое послеродовое восстановление, Хайлер проводил многие меры самостоятельно, без советов и предложений Матрицы. Произошло несколько критических ошибок. Ассасины

потребовали его отставки, а Матрица — замены самца. Однако он возгордился в тот период, когда Матрица находилась в послеродовом кризисе. Всего за двенадцать месяцев Хайлер устроил полный хаос.

— Разумеется, мы здоровое общество, и у нас хаос длится гораздо меньше, чем в твоём государстве. Наш народ бунтует и борется. Бунтует и борется! Наш народ в большинстве своём воспитан по самурайским принципам: люди не существуют любой ценой и защищают честь личной жертвой. Здесь убеждения защищают серьёзными революциями и протестами, которые не заканчиваются крахом. Когда человек здесь решает бастовать, он идёт до конца, он не сдаётся. Это вопрос чести. Протест может закончиться только самоубийством. Проще говоря: наши люди не трусы, и все знают, что с ними нельзя шутить. Просто иногда какой-нибудь верховный командующий увлекается, и тогда наступает кризис.

— Как сейчас? — спросил Алекс.

— Да, как сейчас. Би в прошлом году неожиданно заболела, и мы не знали, выживет ли она. Сразу после рождения третьего сына болезнь усилилась и месяцами держала её прикованной к постели. За это время её супруг попал в похожую ловушку жадности и опьянения властью, как и Хайлер. Возможно, это случайность, что всё это всегда происходит после того, как Матрица рождает трёх сыновей, а возможно, в этом магическом веровании действительно есть доля истины, я не знаю. Но я знаю одно: мы благословлены выздоровлением нашей Матрицы и получили второй шанс исправить этот ущерб.

— А что случилось бы, если бы Матрица умерла? —

— Гибель Эльдорадо. —

— Ну ладно, ладно... — пробормотал Александр Берзин. — Давайте сначала посмотрим, в каком именно кризисе вы находитесь.

— Этот кризис в народе называется кризисом «круга идиотов», — сказал Майор. — Видишь ли, у нас верховный командующий назначает и снимает президента государства, который выражает доверие или недоверие министрам, а те проводят меры социального благосостояния. Цель этих мер — искоренение бедности. Логика ясна: чтобы в стране не было бедных, сначала и прежде всего не должно быть богатых. Вот и вся философия. Очень просто, не правда ли?

— Но проблема возникает тогда, когда какой-нибудь верховный командующий зазнаётся и увлекается и создаёт кризис «круга идиотов». «Круг идиотов» означает следующую ситуацию: верховный командующий решает назначить своего брата или сестру президентом государства. Этот его брат назначает министрами свою жену, невестку, зятя, дядю, свояченицу и тётку. И вот теперь министры всегда могут выразить недоверие верховному командующему и потребовать его замены, если считают, что он работает плохо, но поскольку они состоят в родстве, они этого никогда не делают. Президент не снимает министров, потому что они его родственники, а верховный командующий не снимает президента, потому что он его брат. В таком случае все правят

пожизненно, потому что все друг другу племянники, невестки, свекрови, тётки и дяди. Вот это и называется кризисом «круга идиотов».

— Но если они устроили ситуацию, в которой могут править вечно, значит, они вовсе не идиоты, — усмехнулся Алекс.

— Идиоты. Потому что как только Матрица выздоравливает, она снимает верховного командующего и отдаёт его под суд справедливости. Обычно его вешают. А если Матрица не выздоравливает, народ более чем готов линчевать верховного командующего вместе со всеми тётками, свояченицами и родственниками, — объяснял Майор. — Хотя существует легенда, что одна Матрица всё-таки умерла, но её тогдашний муж был человеком столь большого духа и мудрости, что множеством личных подвигов и жертв сохранил Эльдорадо. Говорят, что его следующая жена стала Матрицей и оказалась более чем выдающейся. Но это всего лишь легенда.

— А что если Матрица ошибётся? Что если она станет жадной? — продолжал расспрашивать Алекс.

— Матрица обучается из поколения в поколение, так же как и ассасины. Воспитание Матрицы очень строгое и высоконравственное. Она просто не может оступиться. К тому же она женщина. У нас существует убеждение, я бы даже сказал научная гипотеза, что у женщин меньше слабостей, чем у мужчин. Это, конечно, не означает, что каждая женщина ценнее любого мужчины, а лишь то, что Матрицу — умную женщину — легче научить самодисциплине и нашей системе ценностей.

— Всё понятно... — пробормотал Алекс. — Всё это понятно, кроме... того, что я человек без цели и без идеи.

Все посмотрели на него с любопытством.

— Я не понимаю... — сказал Александр Берзин, — ...где вы, ради бога, меня откопали?! Я не генерал и не верховный командующий. Я не человек с целью, я не выносливый, я не дисциплинированный. Я даже не достойный человек.

Я полный кретин.

Александр Берзин, маленькая канцелярская мышь из города Пропasti, привык к своей новой жизни неожиданно быстро. Он лежал рядом с Матрицей и рассказывал ей о своём восхищении землёй обетованной. Всё было настолько иным, чем на востоке Сербии. Всё было таким справедливым, искренним и таким по-человечески тёплым. На каждом шагу словно возникала возможность быть человеком, тогда как в городе Пропasti тебя встречали лишь непрерывные поражения и саботаж. Здесь не было борьбы за выживание. Выживание подразумевалось само собой.

Но Алекс всё равно чувствовал, что время стоит на месте.

— Я не чувствую течения времени, — говорил он Матрице. — Я не чувствовал его и в Сербии. Я замечал его только по смене дня, ночи и времён года, иначе я бы его вообще не заметил.

— Время не имеет значения, кроме того, которое ты сам ему придаёшь. Если бы ты умер сейчас, во вторник в 6:30, а затем полетел вокруг планеты против направления её вращения так, что через два часа оказался бы на другой стороне планеты, где в этот момент вторник 6:15, был бы ты жив или мёртв? Вот видишь, тебе даже кошка Шрёдингера не нужна, чтобы попробовать.

— Время не влияет на события. Поэтому я его и не чувствую. Время определяют не события, а переживания. У меня нет переживаний, которые придавали бы течению времени какое-то значение.

— Или у тебя вообще нет чувств, или у тебя есть постоянные чувства, которые не зависят от того, который час. Если вообще возможен хотя бы один из этих двух вариантов.

— В Сербии я постоянно смотрел на часы. Так я поддерживал себя в живых. В двенадцать я ждал, когда пройдёт тринадцать, в тринадцать ждал, когда пройдёт четырнадцать. Двенадцатого декабря я считал дни до двадцатого, двадцатого считал дни до тридцать первого. Но я не ждал какого-то конкретного дня, никакой цели, никакого достижения. Когда я достигал одного желаемого момента во времени, я начинал считать минуты до следующего. Совершенно без всякой причины! Ещё три минуты до перекура, ещё два дня до Рождества, ещё пятьдесят три года до могилы. Можно было бы сказать, что мне было скучно, но это не так. Напротив, всё время я был напряжён.

— Теперь у тебя есть чего ждать. Пора начать своё правление, — подбадривала его Матрица.

И действительно, править оказалось намного легче, чем казалось. Два года всё шло как по маслу. Александр Берзин, верховный командующий Эльдорадо, проводил меры благосостояния по указанию Матрицы Би. После этого родилась дочь. Казалось, Би вполне хорошо перенесла роды. В тот период Матрица была активной и весёлой. Она восстанавливалась гармонично и обычно.

А затем произошло нечто совершенно неожиданное.

В субботу, 15 декабря, Александр Берзин проснулся около половины первого дня. Он знал, что Матрица встанет только через два — два с половиной часа, но ему нестерпимо хотелось разбудить её. Его мучило нечто необычное. Дело в том, что для него вдруг стало существовать время.

Он влюбился, как подросток, а поскольку вырос в Сербии, его переживание этой любви было совсем иным, чем того ожидали в Эльдорадо. Проблема заключалась вот в чём: Матрица Эльдорадо всегда имела право вступать в любовные отношения с другими мужчинами. Пока эта любовь была лишь развлечением и не имела целью рождение детей, ей было позволено всё. То, что

в Сербии считалось бы роковой женской изменой и предательством, в Эльдорадо считалось развлечением.

С другой стороны, муж Матрицы не смел даже смотреть на другую женщину. Вообще, в Эльдорадо всё было как будто перевёрнуто. На женскую «измену» смотрели благосклонно и находили для неё множество оправданий, тогда как мужчинам не позволялось даже смотреть на других женщин. В Эльдорадо не существовало стриптиза. Мужская проституция была распространена гораздо больше, чем женская, и многие мужья терпели от своих жён то, что им самим даже не приходило в голову делать.

Насколько всё это казалось несправедливым и жестоким для человека традиционного, то есть упрямого, вроде Алекса, излишне говорить. Поэтому в ту субботу, 15 декабря, он хотел разбудить Матрицу немного раньше и поговорить с ней о том, что так его мучило и ранило. Он надеялся только на её мудрость, только на то, что она поймёт — ведь она должна понять. Он надеялся, что она пощадит его хотя бы настолько, чтобы солгать ему и хотя бы притвориться верной.

А в конце концов, если она и не пойдёт ему навстречу, он надеялся, что со временем привыкнет к этим необычным и женолюбивым обычаям Эльдорадо.

И действительно, что же было такого неправильного в обычаях Эльдорадо? Разве остальной мир не делает то же самое, только иным способом? В Эльдорадо существует власть женщин вместо власти мужчин. Здесь магически верят в женщину-фараона, тогда как в остальном мире люди верят, что судьба записана в звёздах. К власти в Эльдорадо приходят посредством бессмысленного вытягивания человека из шляпы фокусника — верховную власть получает мужчина, который понравился какой-то Матрице! Но разве в остальном мире способ управления хоть сколько-нибудь более легитимен? Разве и там не ставят у власти чьи-то марионетки и пешки, готовые на всё, лишь бы сохранить эту власть?

Пока Алекс мучительно размышлял обо всём этом, было уже половина пятого. Би всё ещё не вставала. Ассасины начали проявлять беспокойство. Алекс едва слышно постучал в дверь.

— Би... — прошептал он. Ответа не было.

— Би... Ты больна?

— Би?

Ответа всё ещё не было. Алекс вошёл в комнату.

Это было совсем как в кино. У Матрицы была совершенно холодная кожа, большие пожелтевшие белки глаз и бледное лицо. Она была мертва уже несколько часов. Никто не знал почему. Её сердце просто остановилось.

«Полная власть» — теперь это выражение имело для Александра Берзина совершенно другое значение. И хотя он чувствовал печаль, гнев и тревогу, любовь к Би всё равно оставалась в тени словосочетания «полная власть», которое звенело у него в сердце и в голове. Полная! Абсолютная!

Ассасины не произнесли ни слова. Они спокойно ждали неизбежной гибели.

В восемь тридцать, когда смерть уже стала совершенно окончательной и когда больше никто не верил, что Матрица проснётся, Александр Берзин обратился к народу Эльдорадо. Он сказал, что все глубоко скорбят о смерти любимой королевы, но это ещё не окончательный конец. Новая Би, дочь умершего божества, через пятнадцать лет достаточно повзрослеет, чтобы принять свою обязанность.

До тех пор будут введены временные меры.

Эти временные меры означали, что обо всём будет решать верховный командующий.

Первые шесть месяцев правления Александра всё было спокойно. Ассасины были уверены, что это затишье перед бурей. Народ был разделён. С одной стороны ощущалась какая-то зловещая тень, обещающая гибель. Эта тень была не чем иным, как суеверием — слепой верой в легенду о том, что конец Матрицы означает конец всего. С другой стороны всё больше людей, особенно молодых, переставали верить в эту легенду. А вместе с исчезновением веры в легенду, вместе с исчезновением уважения к тотему, исчезало и уважение ко всему остальному, что делало этику Эльдорадо такой сильной. Чувствовалось дыхание хаоса.

Нельзя сказать, что Эльдорадо погибло и перестало существовать в день смерти Матрицы. Но Эльдорадо, каким оно было до этого, умерло менее чем за шесть месяцев. Эльдорадо стало чем-то другим — чем-то мрачным и неопределённым, чем-то затянутым тучами, как небо перед катастрофой, и напряжённым, как нерв перед разрывом.

Александр знал, что существует только одно решение, которое он должен принять. Он мог начать внешнеполитическое сотрудничество с Бильдербергской группой и ввести Эльдорадо в классическую демократию и неолиберальный капитализм. Это означало бы, что Эльдорадо станет Сербией, так же как Югославия стала Сербией. Это не могло быть принято.

Вторая возможность заключалась в том, чтобы править самостоятельно, пока Матрица не вырастет, и попытаться сохранить землю обетованную. Для Александра, который знал Сербию, это была единственная возможная опция.

Поначалу всё функционировало хорошо, хотя в народе уже чувствовалось дыхание раскола. Молодёжь хотела ложного либерального устройства, потому что была молода и глупа. Просто невозможно объяснить подростку, что страну нельзя продавать охранникам неолиберальных концлагерей за пиво и чизбургер.

Из-за неопределённости, из-за дурного предчувствия, которое витало над Эльдорадо как проклятие мёртвой Матрицы, из-за какой-то странной напряжённости, жилы города наполнялись яростной кровью. Казалось, будто каждый житель Эльдорадо внезапно стал сиротой — без защиты и без уверенности, с угрожаемой жизнью и слишком рано столкнувшийся с пугающей чернотой реальности. И сколько бы многие ни утверждали, что не верят в легенду о гибели Эльдорадо, мать нации была мертва, и это ощущалось глубоко, долго и повсюду.

Алекс действительно старался. Он поддерживал старую, добрую систему Эльдорадо, пытаясь ярмарками и концертами развлечь народ и смягчить раскол. И это вполне работало — до первого преступления.

На третьем году после смерти Матрицы произошло чудовищное преступление, какого в Эльдорадо никогда не было. Это было изнасилование женщины. В отличие от других стран, где, несмотря на все демократии и свободы, мизогиния всегда находит себе дорогу, в Эльдорадо это считалось осквернением святыни.

Александр Берзин отреагировал действительно достойно своей должности верховного командующего и санкционировал исполнение смертной казни для виновных в этом злодеянии.

Тем не менее у Александра были свои особые убеждения. Когда-то, ещё будучи маленькой канцелярской мышью в Сербии, он разговаривал с одним стариком Владимиром Ивановичем, которого должны были приговорить к смертной казни. По стечению обстоятельств, перед самым исполнением приговора смертная казнь была отменена, и его помиловали. Приговор был заменён сорока годами тюрьмы. Иванович дожил до освобождения.

Когда он оказался на свободе, он потерял сознание от шока. Александр Берзин тогда случайно оказался на улице и, увидев человека, падающего в обморок, поспешил ему на помощь. Тогда же, тоже совершенно случайно, он услышал историю старика. Алекс очень хорошо запомнил, что старый каторжник сказал: момент, когда ты узнаёшь, что умрёшь через неделю, — это величайшее наказание, какое только может вообразить живой человек. И после всего, что он пережил, он утверждал, что это была самая страшная неделя в его жизни.

Из-за встречи с этим стариком Александр был убеждён, что величайшим преступникам следует устроить именно такую неделю жизни. Поэтому Берзин отложил казнь преступников, чтобы из-за тяжести их злодеяния продлить их агонию ожидания неминуемой смерти.

Ошибка оказалась роковой. До исполнения приговора один из преступников, Владислав Кирт, сумел сбежать и повторил преступление, оставив после себя ещё более густое дыхание зла, которое распространялось по Эльдорадо, как бешенство.

Хотя беглый преступник был пойман, хотя смертные приговоры были приведены в исполнение и справедливость, казалось бы, восторжествовала, ярость и отчаяние продолжали кипеть в жилах Эльдорадо.

Первая жертва изнасилования была чрезвычайно сильной — словно ассасин, словно сама Матрица — и боролась со своим демоном мужественно и стойко. Со второй жертвой всё было иначе. Она была чувствительной и плаксивой женщиной тихой и меланхоличной натуры. И, чтобы было ещё хуже, вторая жертва носила в себе последствие своего несчастья: она была беременна.

По неизвестной причине она не захотела прерывать эту беременность. Жители говорили, что встречали её в магазине или на улице, что она всегда молчала и спокойно ждала забвения. Казалось, что время принесёт покой и ей, и Эльдорадо.

Однако совершенно неожиданно, через несколько дней после родов, вторая жертва Владислава Кирта бросилась с крыши двенадцатиэтажного дома с ребёнком на руках, и они оба погибли на месте.

По Эльдорадо распространялась паника.

Александр Берзин был потрясён и глубоко ранен как человек. Его охватывала паранойя правителя — ощущение, что все плетут против него заговор, что существуют тайные службы, совершающие злодеяния лишь для того, чтобы имя верховного командующего Берзина осталось в истории как имя того, кто принёс гибель земле обетованной.

Он знал, что должен искоренить зло.

— Зло распространяется как чума, как бешенство. Достаточно одного крыса! Всего одного. Достаточно одного укуса этого единственного крыса, чтобы заразить невинную женщину. Тогда у невинной женщины есть два выбора: либо продолжать распространять зло на людей вокруг себя, на тех, кто от неё зависит, на плод, который она носит, либо убить и себя, и плод и предаться внеземному и вне-временному исполнению справедливости. Там, наверху, кто-то сотрёт всё ластиком. Там, наверху, кто-то может исцелить рак зла. Там, наверху — космическая справедливость, и её исполнение начинается в момент смерти. —

Так думал Александр Берзин. И не только думал — он был в этом убеждён, готов пожертвовать каждым и всем ради идеи осуществления высшей, внеземной и космической справедливости. У Александра Берзина была идея исцелить страдание жертв зла смертью.

— Идея такова: и преступника, и жертву мы должны передать космическому суду, — говорил Алекс ассасинам. — Когда происходит какое-нибудь отвратительное преступление, преступление против природы и человечности, вы должны казнить жертву и семью жертвы так, чтобы никто из них ни на мгновение не почувствовал боли или осознания того, что умрёт. Они должны страдать как можно меньше и как можно короче. Лучше всего усыпить их сразу после преступления. Скажите им, что вводите какой-то лекарственный препарат, а затем подвергните их эвтаназии. И самое главное — ни в один-единственный момент они не должны знать, что умрут. Всё должно быть безболезненно, как в сказке, счастливый конец в царстве тихого детского сна!

Ассасины холодно и послушно слушали приказы.

— С другой стороны... — продолжил Алекс. — Преступнику сразу после ареста сообщите, что он умрёт, и приведите приговор в исполнение ровно через неделю после этого сообщения. Это будет самая страшная неделя его жизни и вполне достаточное осуществление земной справедливости, прежде чем мы передадим его космическому суду.

Так всё и происходило. Этот закон исполнялся годами — беспрекословно и в тишине. Александр Берзин ни разу не поколебался. Он твёрдо верил, что зло заразно и что каждый, кто соприкоснётся с ним, сам станет злом. Станет яростным, страдающим, отчаявшимся, испуганным и тем самым безрассудно опасным.

На девятом году правления Берзина в Эльдорадо осталось около сотни жителей. Народ — точнее то, что от него осталось — находился на грани нервного срыва. Было лишь вопросом дней, когда начнётся революция.

— Александр, так больше продолжаться не может! — ассасин Майор восстал первым. Впервые он повысил голос, впервые обратился к верховному командующему по имени вместо того, чтобы назвать его господином, впервые ад был так близко, что уже ощущался запах аммиака и серы.

— Как?

— Это бесчеловечно! — осмелился сказать Майор.

— А когда что-нибудь вообще было человеческим? Каково твоё определение человечности? Только радикальные меры могут нас спасти, даже если нас останется всего двадцать! — говорил Алекс. — Нет ничего более нечеловечного, чем человечество! — кричал он, и его голос становился таким глубоким и хриплым, что даже тренированные ассасины почувствовали нечто похожее на страх.

— Это должно прекратиться! Должно! — настаивал Майор.

Неизвестно, что в тот момент промелькнуло в сознании великого вождя Александра Берзина. Бунт. Предательство. Опасность. Зло. Его взгляд потемнел, а лоб покрылся мелкими каплями горького пота. Он взял пистолет и выстрелил Майору прямо в голову.

Самый верный ассасин, великий Майор, сильнейший символ государственного устройства земли обетованной, лежал мёртвый, в то время как у ворот бушевала народная революция. Те немногие жители Эльдорадо, что ещё оставались, подожгли резиденцию. Ассасин Рутьев схватил девочку-Матрицу и вместе с Алексом выпрыгнул в окно.

Они бежали через лес, наблюдая, как распространяется пожар и как горит весь город. Народ, бросившийся в погоню за ними, не успел даже дойти до пригородного парка, когда его поглотил жадный огонь.

Было ясно, что в Эльдорадо больше не осталось ни одного живого человека. Единственными людьми на острове были Александр Берзин, его дочь Матрица Би и ассасин Рутьев — преданный до последней параноидальной ошибки своего господина.

Два мужчины и девочка стояли на склоне и смотрели, как огонь пожирает землю обетованную.

В этот момент девочка споткнулась и упала со склона на прибрежные камни. Александр бессильно и в шоке смотрел на мёртвое тело ребёнка. Пока он приходил в себя, ассасин Рутьев уже совершил ритуальную критику.

Крита была ритуалом, похожим на японское харакири. Когда ассасин совершает критику, он убивает себя ради защиты воинской и человеческой чести. Ассасин пронзает себя острым кинжалом в живот. Рутьев был исключительно хорошо обучен и убил себя опытно и профессионально, словно уже несколько раз совершал самоубийство прежде.

Александр Берзин остался последним человеком на острове. Проклятие исполнилось. Эльдорадо исчезло, его поглотили огни крови и ада. Безжизненная девочка-пчела, вспоротый воин и запах нефти и пепла довели Алекса до неконтролируемой рвоты. Он рвал желчью и кровью.

Теперь он впервые почувствовал, что Владимир Иванович солгал ему. Существует душевное состояние хуже, чем знание о том, что ты умрёшь через неделю — это знание о том, что ты умрёшь последним, и знание о том, что ты умрёшь виновным.

Что космическая справедливость собирается сделать по этому поводу?

После гибели Эльдорадо время остановилось. Каждый день снова была среда. Или пятница. Александр Берзин каждый день страдал от нервной рвоты. Он почти ничего не ел, его рвало лишь кислотой и кровью изодранного желудка. Он не осмеливался покончить с собой. Он бесцельно бродил по городу, снова не ощущая течения времени. Он даже не замечал, день сейчас или ночь. Континуум пространства и времени растворялся в червоточине полного бессмысла.

Дни проходили. Возможно, прошло два месяца, а может быть три. Или год. Или две недели. Александр не знал. Нет ничего хуже отсутствия времени. Нет ничего хуже вечной жизни. Поэтому Алекс убивал. Он убивал из лучших побуждений. Он убивал потому, что хотел, чтобы всё текло, а смерть всё-таки определяет время.

Разве ему не было так необходимо ускорить всё! Может быть потому, что Берзин понимал всё быстрее остальных, и потому ему было нужно ускорение

каждого процесса (даже процесса жизни!) прежде чем он станет пугающе предсказуемым. А может быть потому, что сила — это просто масса, умноженная на ускорение.

Если Александр Берзин параноик, почему же тогда ему нужна сила, чтобы хоть что-то почувствовать? Все гипертрофированные чувства паранойи настолько противоречат ощущению остановки времени, которое испытывал Александр! Параноику никогда не бывает скучно. Для параноика время не стоит. У него даже нет времени думать об этом.

Но если Александр Берзин не был параноиком, если он не был безумцем, чем тогда можно объяснить его смертолюбивые методы и желание ускорить каждый час, каждую жизнь, всё? Разве он просто нетерпелив? Нетерпелив настолько, что хочет, чтобы всё поскорее закончилось и чтобы он мог уснуть? Ему не нравятся законы физики? Он хочет, чтобы кошка одновременно была и мёртвой, и живой?

Дни перестали проходить. Александр просто сидел — без выбора и без будущего. Он мог вернуться в Сербию, но это было бы хуже, чем оставаться одному в чёрной дыре мёртвого Эльдорадо.

И вдруг, однажды — неизвестно когда — из нулевого состояния Александра вывел женский голос.

Кто-то был здесь. Кто-то существовал.

Это была девушка амазонского телосложения, с чёрными волосами и приятным лицом. Она казалась такой же сильной, какой и выглядела. Алекс пошатнулся от головокружения, и она поддержала его. Он почувствовал, что её руки пахнут яблоками и молодым луком. И тогда от этого сладкого и острого запаха жизни он начал плакать и рыдать, сжимая сухую землю и пепел потерянного Эльдорадо. Девушка обнимала его и шептала, что всё хорошо и что всё будет хорошо.

И тогда всё стало ясно: как и смерть, пепел не был концом.

Эльдорадо снова родится из пепла.

Третья история
BDSM как последняя стадия капитализма

«Самое главное — умереть напрасно»
Jesus G Christ

Прокуратор сидел в чёрном кожаном кресле. Напротив него, отделённый большим письменным столом, на маленьком стуле сидел молодой человек в военной куртке. Рядом с молодым человеком стоял господин в тёмной форме и мягко держал его за плечо. Каждый раз, когда юноша пытался пошевелить плечом, хватка становилась крепче.

— Итак, Дуракович, — обратился прокуратор к юноше, — ты основатель движения «Шестьдесят девятая Амия»?

— Основатель... похоже, что так, — пробормотал молодой Дуракович.

— А почему именно шестьдесят девятая, Дуракович?

— Поза, господин. Да и все остальные числа уже заняты.

— Поза, клянусь твоим богом?

— Мы атеисты, господин, мы не верим в бога, — неуверенно пробормотал юноша.

— Ах вот как? А если вы не верите в бога, кто же тогда вам платит? — спросил прокуратор.

— Никто, господин.

— А, никто? В таком случае вы весьма удобная сторона для переговоров. — сказал прокуратор и достал из ящика лист бумаги. Это было открытое письмо, написанное молодым Дураковичем. Он прочистил горло резким кашлем и начал читать:

«Уважаемое президиум, уважаемые депутаты, дорогие друзья, сыновья Египтя;

Прежде всего вам следует отдать должное. Ваша деятельность впечатляет, а способ убить человека тупым ножом, которого не существует, доведён почти до нулевой ошибки. Но здесь есть одна маленькая проблемка. Дело в том, что каждый хороший статистик, господа сыновья Египтя, знает: нулевой ошибки не существует. В данном случае проблема ещё и в том, что ошибка появляется всё чаще, а просто нет столько денег, чтобы подкупить каждого человека, который рождается, уже зная, что он раб. Точнее, можно сказать об этом так же просто и эффектно, как это делает господин В: вы можете убить (или подкупить) человека, но вы не можете убить идею.

И нет, сыновья Египтя, вы не сделали ничего неправильного. Вы — идеальные психопаты, вы настроили весь мир так, чтобы он функционировал по системе большинства, по системе 50+1, и позволили вине, которая больше не может

быть направлена на государственных деятелей, правителей или тиранов, свободно парить в воздухе, пока она не вернётся к тому, от кого исходила, создавая бумеранг-депрессию жертвы, которую вы подсовываете как мазохизм. Но и вы, и мы знаем, что мазохизма попросту не существует.

Момент начала краха вашей системы — это, разумеется, момент её рождения, потому что она гнила уже в самой своей основной теории. Но момент, когда вы окончательно запечатали её неминуемую смерть, был тогда, когда вы начали утверждать, что те, кому ваша система нанесла несправедливость, — мазохисты, которые любят свою роль жертвы. Это, конечно, неправда. Вы правите не потому, что мученики любят быть мучимыми. Вы правите потому, что только вам было настолько скучно, что вы могли развлекаться лишь иллюзией абсолютной власти. Вы вербовали подобных себе, недоумков-садистов и бывших уголовников, освободили подонков планеты и дали им власть, чтобы иметь возможность играть в шахматы человеческими фигурами.

Нормальные люди получают подобный уровень адреналина, играя в видеоигры, обычно в какую-нибудь стрелялку или файтинг. Но не вы, сыновья Египтя, не вы! Вы — ограниченные наркосы, долбанутые в голову, с тонной кокаина в носу и иллюзией владения каким-то островом на бумаге, духовно фригидные, как кубики золотого льда в ваших дорогих коктейлях. И вы готовы провести кокаиновый кризис в бункере, три месяца питаясь консервированным тунцом, пока снаружи бушует мировая война, и всё это лишь ради этой глупой игры во власть. Непонятно только, почему кто-то из вас думает, что, выйдя из бункера, он не встретит либо пулю, либо тонны и тонны разлившейся нефти при ограниченных запасах кислорода. Вот вам вся нефть этого мира, которую вы так отчаянно хотели, ваш *harpy meal* — горячий, как американский пирог в соусе из клюквы и крови третьего мира, спасибо и приходите к нам снова!»

Но я говорю слишком эмоционально, возможно, всё это и не будет именно так. Пока существует человеческая глупость, будете существовать и вы — правители легальных мафиозных картелей и ростовщических публичных домов, которые вы называете какими-нибудь благозвучными именами корпораций и банков. А ваш Иисус, которого вы присвоили себе и злоупотребляете им с тех пор, как пришли к власти, — такой терпеливый и смиренный, опирающийся на Бога как на сломанную костыль-опору, которая выскальзывает из-под него, — ваш Иисус, совершенный мазохист, готовый вынести всё, в действительности проявится в духе того, кем он и был: человеком, вовсе не богочеловеком и вовсе не мазохистом, человеком, который до последнего мгновения думал, что спасётся, и, конечно же, человеком, который боролся именно против институции власти.

Тогда вам придётся признать, что совершенно непонятно, каким образом вера в Иисуса оказалась прибежищем «правого» политического крыла и скатилась к тому, что называют клерофашизмом. В изначальном христианстве, как и в самом Христе, нет ничего национального и уж тем более ничего фашистского. Христианство, по сути, является одной из первых справедливых социальных идей — идеей о том, что все люди равны (перед Богом), и борьбой против классовой репрессии и гедонизма римских правителей.

Сжѣгши старый мир до основания, христиане, чьѣ сердце билось в ритме идеологии и жажды справедливости, забыли одну вещь, которую забывают и сегодня: хороший лидер почти любую идеологию превратит в хорошую практику; плохой лидер любую идеологию превратит в ад; массы из всего сделают хаос. После того как хороший лидер возглавит революцию, он создаст период мира и процветания, но затем на сцену выходят нарциссические психопаты и наркоманы власти — те, кто любыми средствами захватывает власть и присасывается, как паразиты, к стволу нового мира. Чтобы разрушить институцию «Вождя», а вместе с ней и саму институцию власти, именно против этих паразитов и нужно бороться прежде всего, независимо от цвета пальто, под которым они спрятались.

Соответственно, Христос, будь он рождѣн в другое время и при других общественных обстоятельствах, мог бы быть атеистом, а Бакунин — возможно, буддистом. Каждый из них мог быть кем угодно и ничем. То, что действительно важно в их идеях, — это учение человека, который стремился к свободе, но получил пустоту, сопровождаемую вечной иронией: праведники умирают замученными, бедными, больными и одинокими. Потому что в конце концов, когда складываются все годы крови и террора, игру выигрывают психопаты, а человек, разжигавший огни свободы, висит на кресте и смотрит в пустоту, причѣм ему ни разу не приходит в голову, что пустота и есть его единственный бог.

И почему всё это происходит? Потому что, боясь различий, окрашенных цветами мнений, наций, партий и прочего, люди, столь страстные в своих заблуждениях, упускают возможность распознать того, кто желает им добра. Не сумев сделать первый шаг в борьбе — распознать тех, кто своим умом и добрыми намерениями способен способствовать установлению социальной справедливости, — они совершают ошибку: начинают слушать любого идиота, появившегося на телевидении, или, что ещё хуже, не слушать никого и ничего.

Разделившись вымышленными различиями между собой, хотя на самом деле они отличаются лишь тем, что слушают разных идиотов, люди становятся разобщѣнными, несмотря на общий интерес. И тогда исчезает главная суть борьбы за справедливое общество — единство.

Неприятная тишина разрезала воздух.

— Что это такое, Дуракович? — прокурор перешѣл к делу.

— Открытое письмо. — ответил Дуракович.

— То, что оно открытое, я вижу. И то, что это письмо, тоже вижу. Но скажи-ка, ты что, умный какой-то, Дуракович?

— Ну... не знаю, господин, так... — говорил юноша, спонтанно пытаясь выдернуть плечо из рук человека в форме.

— Видишь ли, мой хозяин считает, что ты всё-таки умный, и поэтому решил сделать тебе щедрое предложение...

— Предложение, господин?

— Пятьдесят тысяч плюс звание писателя. Взамен твое народно-освободительное движение должно спонтанно угаснуть.

— Что вы имеете в виду, господин?

— Спонтанную рыночную демократию, что же ещё? Накалякаешь какую-нибудь книжку, чтобы народ смеялся, а остальное мы сделаем сами. Мы даже устроим тебе прекрасную биографию: молодой Дуракович, сын шахтёра и матери-домохозяйки, показал на собственном примере, что талант невозможно скрыть и что любой труд вознаграждается для тех, кто верит в себя!

Прокурор посмотрел на полицейского, а затем начал смеяться как безумный. Полицейский скромно усмехнулся.

— Может быть, добавим ещё, что у тебя была тройка по литературе? Что-нибудь вроде: «верьте в себя — у меня была тройка по литературе, двойка по креативному письму, а теперь я успешный автор бестселлеров». Нет ничего, что лучше заняло бы время наивных людей, чем вера в то, что если они будут достаточно стараться, то станут кем-то важным. Итак: движение революционеров исчезает, наивные люди тратят время за клавиатурой, веря в успех, которого не существует, Дуракович молчит, а статус-кво сохранён.

— Или, может быть, ты хочешь стать художником? —

— Как скажете, господин.

— Вот и отлично, будь художником! Нарисуешь чёрную точку на синем холсте, мы скажем, что твой гений спасает мир, потребление масляных красок вырастет, соответственно вырастет и валовой общественный продукт, наивные люди будут тратить время, мазюкая всякую чепуху по холстам... великолепно! Разве я не придумал это умно?

— А, господин... а если я откажусь? — робко спросил юноша.

— А зачем тебе отказываться? — прокурор посерьёзней. — На кого ты работаешь?

Рука на его плече вдруг стала грубее, а её хватка — непреклонной.

— Ну... из-за... идеалов, думаю... что потом... у этого нет будущего...

Прокурор расхохотался.

— Что ты там бормочешь? — подозрительно спросил полицейский, пристально глядя на него.

— Слушай, парень, это страна Амия, — сказал прокурор. — Когда здесь вообще было будущее? Не болтай глупостей и не забивай себе голову целями, которых просто не существует, потому что к ним нет пути. А даже если бы путь и был — зачем тебе дорога, по которой никто не хочет идти... Видишь ли, парень, мы — дерьмо. Такой уж мы народ. Может, и все народы такие — не знаю. Но у нас таких, как ты, с идеалами, печатают на футболках и прославляют посмертно. А это «посмертно» обычно наступает довольно быстро...

— А что будет, когда денег не останется? Что тогда делать с теми, кто всё поймёт — как их подкупить? — спросил Дуракович.

— Пусть едут в Германию и работают уборщицами. Что до меня — можешь и ты в Канаду, поджигай там киоски и будь их проблемой.

— А если им не удастся уехать в Германию и они устроят хаос?

— Тогда мы — в сейф, а потом в Швейцарию.

— Хорошо придумано... а если всё-таки... —

— Да не философствуй, Дуракович. Если всё сгорит, пустим дикарей передрасться между собой. Арабы — китайцев, русские — немцев, белые — чёрных и наоборот, классика... Кому вообще нужны все эти люди? Чего сегодня стоит человеческая жизнь? Пачка жвачки, пакет арахиса — вот столько стоит человеческая жизнь! Этот момент, Дуракович, этот момент — триумф! Этот момент — высшая стадия капитализма. Идеальная точка во времени, в которой найден идеальный уровень рабства, при котором довольны и раб, и рабовладелец. Раб — потому что у него есть развлечения без ответственности, а рабовладелец... ну, не знаю, как тебе объяснить. Это такой уровень наслаждения, который вы, сыновья шахтёров, не поймёте, даже если вам окажут такую честь, что ваши туповатые лица напечатают на банкноте...

— Я понял. — прошептал Дуракович.

Прокурор протянул руку и сказал:

— Тогда у нас есть договор?

— Есть, только... — замялся Дуракович.

— Что тебе теперь непонятно?

— Да всё понятно, просто... — смущался он, но в конце концов всё же поднял голову, решительно посмотрел собеседнику в глаза и сказал:

— Семьдесят, господин прокурор. Семьдесят тысяч!

Четвёртая история

Используйте эту страницу, чтобы написать четвёртую историю на одну из нижеприведённых тем:

1. Путь терний от Еврипида до Стивена Кинга: литература как духовная мастурбация и развлечение для бедных
2. Менеджмент риска несуществующей материи капитала: швейцарско-кипрская дилемма
3. Team building и recruiting в анархо-синдикализме
4. Хорошее настроение на улицах капиталистической Европы как надёжный показатель аффективных психозов
5. Туалет под названием постмодернизм — как снова повернуть человечество к настоящей литературе
6. Life-coaching как окончательная смерть прикладной психологии
7. Впечатление от каникул

Пока Влад читал рассказы, Хелена замечала, как у него то хмурятся брови, то расширяются зрачки. Иногда он даже громко и от души смеялся. В такие моменты она испытывала гордость. Она мечтала о том, как люди читают её слова. Представляла себя человеком, чей голос слышен, человеком, чья профессиональная жизнь имеет смысл и не сводится лишь к тому, чтобы засовывать бумаги в ксерокс в бывшем здании Комитета, у которого прогнил пол, а туалет пахнет аммиаком и лимонным санитарным средством.

— Как тебе рассказы? — спросила она.

— Первые два мне кажутся скучными. Третий, напротив, настолько хорош, что заслуживает театрального сожжения. В любом случае, мне кажется, что все эти рассказы ждёт плохая судьба. При власти нарциссических психопатов, где остальная нация должна состоять из конформистских психопатов, писатель должен быть шизофреническим психопатом.

Странно, твои герои — антисоциальные самаритяне. Это настолько изысканный абсурд, что, возможно, даже прошло бы, но всё равно здесь есть патетика, есть депрессия, есть наигранные попытки эмпатии. Есть человек. А в искусстве сегодня человека быть не должно, если только он не вытаскивает член или не подставляет зад.

Проблема в том, что ты не хочешь подставляться, члена у тебя нет, да и к тому же ты вообще не шизофренический психопат, потому что у тебя нет равнодушия к будущему — ни к своему, ни к будущему мира.

Подведём итог: тебе не хватает члена. Тебе не хватает и равнодушия — равнодушие сейчас в моде. Тебе не хватает рейва. И пофигизма. Литература сегодня — это претенциозное прикалывание. Рынок пожирает всё, что вызывает амбивалентность, лишь бы буриданов осёл сдох от голода раньше, чем решит сдвинуться с места.

— Весьма ободряюще! Но я не хочу быть писателем, я хочу быть борцом. — засмеялась она.

— И это ещё спорно.

— Хочешь сказать, что я не искренний борец? — спросила она.

— Ты не веришь в победу. — ответил он. — Для тебя победа — это смерть.

— А смерть — это покой.

— А твой покой находится далеко, далеко от всего человечества. Для тебя Эрос — дьявол, а Танатос — ангел. С государством всё просто — его нужно лишь освободить от оккупации. Но ты, Хелена... что бы ни случилось, ты будешь радоваться только новому рождению духа, которое начинается в момент смерти.

— Так я, выходит, страдаю депрессией нового времени? — спросила она.

— Возможно, дорогая. А возможно, ты просто страдаешь идеологической путаницей. В этом и есть трагедия нашего поколения. Они точно знают, против чего борются, но не знают — за что. За что бы они ни ухватились из альтернативных идей, они видят коррупцию, которая извратит любую из этих идей. Мы пропитаны коррупцией. Мы пропитаны несчастьем, которое нам подсунули в упаковке с надписью, что у нас есть право на поиск счастья.

На самом деле у нас есть всё, кроме этого права. Мы просто хотим не быть угнетённым классом — и всё, а с этой точки зрения это кажется невозможным. Если ты освободишься в материальном смысле и добьёшься финансовой безопасности, ты окажешься закован в цепи духа. Если освободишься духовно — тебя выплунут среди проллов, на беспощадный рынок труда и выживания. И действительно кажется, будто надежды нет.

— Нет никакой надежды! — она закрыла лицо руками в приступе страстной патетики. — Это государство всегда будет пограничной республикой. Эти люди всегда будут такими же фригидными, как и я! Ах!

— Ты фригидна? Тогда что же было между нами... раньше... до того, как я покинул страну... это... игра? — спросил Влад.

— Ах, это была лишь краткая вспышка Эроса. После неё приходят годы серости и холода. Такая уж я, Владимир Ильич, такая! Я как Амия — для меня тоже нет надежды. — сказала она жалостливо, пока Влад едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

— А я — русский человек нового века и борец. Даже если надежды нет, даже если научно доказано, что надежды нет, даже если Бог откроет небесный свод, выглянет из него и скажет, что надежды нет и никогда не будет — я всё равно буду бороться, пока не создам её!

Как только он это сказал, Хелена почувствовала, как некая молния пронзила её внизу живота. Она смотрела на его пальцы, играющие рукояткой военного ножа так же, как когда-то играли чёрной королевой на шахматной доске. А затем она посмотрела ему в глаза, в лицо — немного некрасивое и неправильное, но снова знакомое и дорогое.

И вдруг, ниоткуда, она вскочила на него и поцеловала так страстно, что даже Брежнев и Хонеккер постыдились бы. Всегда умеющий не упускать хорошие возможности, Влад обвил её талию своими длинными пальцами, незаметно скользнув ими под свитер и касаясь её голой, мягкой кожи.

— Скажи мне... что-нибудь... по-русски, — вздыхала Хелена.

— Пожирать плоть капиталистов? — сказал Влад, пока его руки скользили под её юбкой.

— Что это... значит?

— Это значит: мы едины. По крайней мере, так написано в Твиттере, — засмеялся он.

Тем утром небо вспыхнуло целых три раза, и Хелене казалось, что любовь, как и надежда, обманчива и непредсказуема, а её пепел плодороден, как пепел бессмертной птицы.

6.

— Владимир Ильич Фишаров! — работник крематория произнёс его имя. Хелена вошла в небольшое помещение, где выдавали прах покойников, превращённых в пепел.

— Пожалуйста. Мои соболезнования. — сказал работник крематория. Этот работник был типичным амийцем — крупный и высокий, одновременно озлобленный своей работой и благодарный за неё, наполненный противоречивыми чувствами, как шар перед взрывом. Его звали Саша.

— Владимир Ильич, русский? — спросил Саша, заполняя какой-то бланк.

— Да, русский. — ответила Хелена.

— Вероисповедание?

— Атеист, наверное.

— Ах, русский коммунист! — усмехнулся Саша, но тут же откашлялся и вернул серьёзное выражение лица, продолжив дежурный опрос: — Причина смерти?

— Не знаю. Была среда, восемь вечера, он сидел и читал книгу «как умер русский коммунизм», когда ему внезапно на голову упала двадцатипятикилограммовая африканская вуду-маска. Это считается несчастным случаем?

— Ха-ха! Как умер русский коммунизм? Да так же, как и русский коммунист! — засмеялся Саша, не замечая неуместности смеха в крематории.

— А как это умер русский коммунизм? Тем, что ему на голову упало двадцать пять килограммов чёрного дерева? — спросила Хелена.

— Или полтонны кокаина, рок-н-ролла и комиксов «Алан Форд»!

— Ах, тут нет ничего древнерусского. Так умер любой коммунизм. — махнула рукой Хелена.

— Некоторые дома рушатся, когда падает одна стена. Некоторые начинают разрушаться, когда строится одна стена. — изложил Саша свою философию, глядя вверх. — Всё искусство жизни — оказаться по правильную сторону стены...

— Или подальше от стены, на которой висит двадцатипятикилограммовая деревянная маска.

— Но это Амия. Здесь маска может упасть четырьмя способами: на пол, на потолок, сбоку или наискосок — в зависимости от того, где находится тот, кому она должна... ну, вы понимаете... — сказал Саша и покраснел.

— Погибнуть? — подсказала Хелена.

— Да... погибнуть. Я... простите... — ему стало неловко. — Я знаю, что не должен так говорить, когда вы столкнулись с потерей вашего... кем он вам приходится... вашего русского, но я не злой человек. Я так говорю, потому что смерть для меня действительно не что-то чужое. В конце концов, я работаю в крематории.

Хелена кивнула в знак понимания.

— Я хочу сказать, что... — продолжал Саша, — когда у тебя есть выбор между амийским гетто и смертью, иногда лучше... впрочем, вы знаете, как говорили в народе: лучше война, чем пакт. В те дни кризиса мы с ребятами каждый день играли в шахматы, в карты и жили, не думая о завтрашнем дне, а сейчас... сейчас ты идёшь на работу, чтобы бить по проклятой кассе, пока начальник, как надзиратель Алькатраса, издевается над тобой без всякой причины; ты ешь абсурд, срёшь абсурд, куришь рак, мочишься кровью и пьёшь нитроглицерин, а день тянется бесконечно в сером бесконечном продолжении до далёкой и недостойной смерти. Да, здесь демократия, здесь нет ГУЛАГа, мы свободны. Мы свободны, но вся страна — один большой ГУЛАГ, если вы согласны. Разве не лучше было бы, если бы тогда маска просто обрушилась нам на голову... если вы понимаете...

Она ещё раз кивнула, и Саша замолчал. Он протянул руку к какому-то регистратору, вложил туда данные Влада и поставил печать. Затем взял урну и протянул её Хелене. Это был округлый белый сосуд, на котором был изображён трёхголовый пёс, а над ним каллиграфическим почерком было написано английское слово «горе». Внутри находились посмертные останки Владимира Ильича Фишарова.

По дороге домой Хелена высыпала прах из окна автобуса. Она не плакала — не только потому, что больше не о чем было плакать, но и потому, что просто не чувствовала в этом потребности. Тогда она поняла, что все её прежние слёзы были слезами гнева. Ни печали, ни радости больше не существовало.

Северный ветер был сильным, и Хелена лишь холодно смотрела, как Владимир Ильич Фишаров исчезает в вихре азота, смога и пыли от автобусных колёс. Призрак некоего забвения обнял обгоревший остаток одной идеи — и никому не было до этого дела.

Спустя пятнадцать минут всеобщей апатии, холодного ветра и неизбежных сумерек, Влад Фишар не просто испарился — его как будто никогда и не существовало. Как и любое усилие и любая идея, существование Влада могло быть интересно людям лишь до тех пор, пока они извлекают из него пользу. Когда они его исчерпывают, он остаётся отброшенным, ненавидимым и незначительным, а люди убеждены, что он принёс им больше вреда, чем пользы.

— Эй! — пронзительный голос вырвал Хелену из мыслей. Это была Майя Кристина, старая школьная подруга Хелены Вайс. — Милая моя! — закричала Майя Кристина и трижды поцеловала её в щёку: сначала в левую, потом в

правую, а затем снова в левую. На щеках Хелены остался розовый блеск с блёстками. — Ой! — Майя Кристина подпрыгнула от ужаса. — Милая моя, да ты поправилась!

— Майя, извини, я правда не в настроении.

— Да ладно тебе, что с тобой? Чего ты такая мрачная? — визжала Майя Кристина.

— Мой друг ушёл.

— Друг как — мужчина? — загадочно спросила она, приподняв брови. — Ах, да ерунда! Найдёшь другого. Этот не единственный. Но как ты могла позволить себе поправиться? Расслабилась, да? Видишь, у меня такого не бывает. Женщина всегда должна быть красивой. И ради бога, что это за мешок у тебя вместо куртки? Наверняка «по паме»! Ха-ха! Ой, мне надо нарастить ноготь, у меня сломался ноготь. А где твои ногти? И вообще, куда делся этот твой друг? Я и не знала, что у тебя есть друг...

— Он ушёл в урну. — ответила Хелена.

— Урна? Это где-то в Европе? Впрочем, неважно. Такие уж мужчины. Они любят свободу, они не как мы. Они другой вид.

— Другой вид, да... — нахмурилась Хелена.

Пронзительный голос Майи Кристины становился всё более неясным и далёким. Она думала обо всех тех часах, потраченных на утреннее питьё кофе в офисах, под разговоры об идеальном водороде для осветления прядей, которые сменялись скучными часами партийных собраний, на которых лишь констатировали, что молодёжь — наше будущее. Она думала обо всех часах, потраченных на Майю Кристину — женщину нового времени, свободную выбирать и быть выбранной.

Хелена знала, что у неё есть все условия, чтобы быть счастливой — в век антидепрессантов, кофе навынос и технологической праздности, — но её настроение упало настолько, что превратилось в гнетущую тесноту. Её грудь стала тесной для дыхания, которое стремилось вырваться наружу. Сердце билось, как козёл, который бьёт рогами в мышечную, красную тряпку внутри кожи, пытаясь вырваться из кандалов человеческого присутствия. Страстный вопль о одиночестве никак не отражался на её лице: выражение оставалось равнодушным, лишь слегка нахмуренным.

Автобус остановился в центре, и Хелена вышла. Порыв свежего воздуха не принёс облегчения. Теснота становилась ещё тяжелее, ещё сильнее. Ослабленное тело, отравленное людьми Малого города, тянулось по изношенному бетону прогулочной улицы.

Нет свободы для Амии, думала Хелена. Все те, кто кричат «по pasaran!», лишь впустую надрывают голос и не имеют никакого намерения что-либо изменить.

Все те, кто ведут разговоры о великих полководцах и падении Бастилии, не собираются предпринимать никаких действий, потому что бюрократическая трата времени для них — не бремя, а лёгкое развлечение.

Нет свободы в славянской бедности и в славянской судьбе вечного слуги и конюха, думала Хелена. Выбор профессии по принципу меньшего зла, учёба, на которой никто ничему не учится, офисы, где целыми днями перекладывают бумаги и проводят бессмысленные собрания, — всё это не было бы столь гнетущим, если бы не существовали люди, которым это нравится и которые стараются продлить эту праздность до бесконечности, потому что она даёт им ощущение значимости.

И это не только в Малойграде. Весь мир продал свободу. Разница лишь в том, что другие продали её дорого, а Малоград — за бесценок.

Когда она наконец добралась до своего дома, Хелена вошла в комнату и достала из ящика сначала пистолет, а затем и чёрную тетрадь гибели. Исписанные, измученные листы лежали перед ней, готовые сгнить в забвении, как только она испустит на них свою душу. Ей было непонятно, почему она всё ещё пишет карандашом, а не на клавиатуре. Возможно, это было желание вернуть время — вплоть до детства, которое не было ни радостным, ни безопасным, до детства, познавшего бомбы, но всё же такого детства, которое дало бы ей возможность начать сначала.

Хелена всё ещё была убеждена, что если бы она больше старалась, если бы сильнее заставляла свою голову пройти сквозь стену санкций и колючей проволоки на границе, то как-то смогла бы добраться до жизни вне Малого города. Она словно игнорировала тот факт, что могла уехать из Малого города уже завтра: она откладывала этот отъезд так, будто откладывает разочарование, которое сломает её, если она узнает, что весь мир — это один большой Малоград.

Она схватила карандаш и начала писать, заполняя последние страницы своей чёрной тетради гибели:

«Пистолет даёт тебе одно и то же ощущение власти, независимо от того, направляешь ли ты его на другого или на себя. Пока ты держишь его — нежно, как младенца, и осторожно, как стекло — в тебе просыпается чувство, что ты снова контролируешь происходящее. Ни один наркотик не может сравниться с этим ощущением. Наркотики — это лишь глупая иллюзия для детей, которым скучно. А этот маленький — это чистое счастье. Это настоящая вещь.

Тот, кто держит пистолет, всегда прав. Если он скажет тебе ползти — ты будешь ползти. Если скажет молиться — ты будешь молиться. У него есть власть. Самая чистая форма власти и самая прямая форма шантажа. У него есть всё. И причина, по которой у него есть всё, — в том, что ты боишься. Если бы кто-то приставил пистолет к твоему лбу и сказал: плачь — ты бы плакал. Если бы сказал: смейся — ты бы смеялся. И Грин Корицин тоже бы смеялся, плакал, ползал и молил. В этом разница между тобой и мной. В этом разница между Грином Корицином и мной.

Я бы стояла.

Я бы сказала — давай.

Убей меня».

«Я не трус. Я не пизда. Убей меня — потому что почему бы и нет? Чем я это заслужила — жить любой ценой и вне зависимости от цены? Чтобы каждый понедельник нить о понедельнике, чтобы считать дни до отпуска, радоваться золотой цепочке на Рождество, биг-маку на обеденном перерыве и зарплате первого числа каждого месяца? Блоха вселенной. Человек, который ничего не изменил и никогда не изменит. Человек, который думает только о деньгах, трахе и своей жирной заднице.

Последнее, что ты получаешь, — это знание. Знание того, что ты не важен. Всё, чем ты был и чем являешься, — это калий-натриевый насос. Мир разваливается, а ты не собираешься делать ничего, кроме как кликнуть на баннер, который борется за какую-то цель вместо тебя и светится вместо тебя. Мир разваливается, потому что все бегут от ответственности. Люди спокойно спят после того, как отправят СМС на благотворительный номер 1234. Думают, что их два евро уходят в рай, чтобы помочь жертвам торговли людьми или детям, которым нужны деньги на операцию. А дети всё равно умирают, женщины всё равно продаются. Вы никому не помогли. Вы просто сбросили это со своей спины. Сбросили это со своей совести, даже не вставая с кресла. Вы стали лучше человеком, пока смотрели свой любимый сериал и скучали во время рекламы.

Мир разваливается потому, что вы отдали два евро на спасение человечества, а две тысячи евро — за туфли “Christian Louboutin”.

Из-за тех, кто думает, что надо быть счастливым, потому что всегда может быть хуже, — именно поэтому и становится хуже. Мир разваливается из-за конформистов, которые обосрались от страха и продают сказки о том, что надо быть счастливым, потому что счастье внутри тебя, а психопаты, которые ежедневно тебя уничтожают, не могут помешать тебе быть счастливым, если ты этого действительно хочешь. Херня. Отмазки. Куча дерьма. И трусы, которые жуют это дерьмо с фальшивым удовольствием, лишь бы не пришлось бороться. По крайней мере, не во время любимого сериала.

Мир разваливается из-за тех, кто боится.

Сдохни, пизда.

Лучше умереть, чем бояться своих угнетателей. Лучше умереть, чем любить статус-кво. Умри достойно. Люди за пределами твоего прекрасного государства умирают каждый день — на помойке бедности, на пепле забытых военных героев, на хуе Владимира Горда, на хуе немецкой канцлерки. Люди просто умирают тупо и рождаются тупо. Почему ты должен быть другим? Почему ты

должен быть привилегированным? Перед стволом пистолета привилегированы только те, кто ползут. Ты хочешь быть таким — тем, кто ползёт?»

«В таком случае — тряси задницей, yeah yeah, тряси, oh oh, тряси задницей.

Этой ночью мне приснился мой красивый серебряный пистолет, сверкающий у лба Грина Коридина. Пот капает с него на мраморный пол барочного здания, где проходят заседания парламента. Слюна собирается в уголке его рта, сияя как бриллиант, пока он открывает дрожащие губы и шепчет:

— Пожалуйста, не надо, я дам тебе всё, что захочешь, скажи, чего ты хочешь — работу? Деньги?

— Я хочу вернуть свою жизнь, ты можешь это сделать? — говорю я ему, пока всё во мне горит от ненависти и ярости.

— Я дам тебе пять процентов, прости, это не я виноват, Портос мне не сказал... я не знал... вот, пять процентов налоговых поступлений — твои. Я вообще беру десять процентов, отдаю тебе половину!

— Засунь свои пять процентов себе в жопу.

— Ты понимаешь, сколько это денег? — говорит он, и в его глазах вспыхивает вечная жадность при одном только упоминании денег.

— Хм, я уверена, найдётся способ, чтобы они все туда поместились.

— Но чего ты хочешь, чего ты хочешь? — он начинает паниковать.

— Я хочу сжечь Рим. Потопить Содом. Я хочу мести.

Грин Коридин только теперь осознаёт серьёзность ситуации. Сквозь его чёрную шёлковую рубашку я вижу, как его желудок сжимается и скручивается. Он корчится так же, как корчился мой — каждый раз, когда они унижали меня, как дворнягу, пока я работала на них.

Грин Коридин действительно, по-настоящему испугался. Это не шутка. Это пистолет у его лба. И над ним не какой-то наивный зелёный человек, который будет издали стрелять в бронежилет дрожащими руками. Над ним тот, чьи руки в одно утро просто перестали дрожать. Над ним тот, кто не будет играть, а выстрелит всего один раз — прямо в голову.

Грин Коридин дрожит.

Грин Коридин дрожит так же, как дрожала я каждый раз, когда меня неподготовленную бросали в огонь под предлогом, что так закаляется сталь.

Хотели сталь? Вот вам сталь.

Вы получили женщину, настолько твёрдую, что ей больше нельзя угрожать ни изгнанием, ни пощёчинами, ни падением с лестницы, ни хуями, ни злой судьбой,

ни божьей карой. Вы получили женщину, настолько привыкшую выживать, что ей уже плевать на ваши мелкие офисные делишки, ваши дисциплинарные взыскания и ваши смешные увольнения. Вы получили женщину, которая никого не любила, никого не родила и ей нечего терять. Вы получили аноргазмию. Вы получили ангедонию. Абсолютную невозможность чувствовать что-либо, кроме слёз ярости, которые становятся всё реже и реже.

Лицо Грина Коридина уже не белое. Оно серое, как порох. Он не так представлял себе конец. Он был уверен, что проживёт сто тридцать лет и пятнадцать раз пересадит молодое сердце в полость своей гнилой, самовлюблённой груди.

Белый свет вспыхивает перед моими глазами, как фейерверк в темноте. Звук выстрела не успевает за светом — и я просыпаюсь.

Так бывает со снами: просыпаешься ровно в тот момент, когда становится хорошо».

Хелена опустила карандаш, взяла пистолет и встала перед зеркалом. Она подумала, что совсем не похожа на Де Ниро в «Таксисте», потому что её большая грудь мешала ей держать пистолет ровно. Сиськи мешают ей быть и Клинтом Иствудом в «Хороший, плохой, злой». В отличие от голливудского фильма, её вид был гротескным и смешным — как гротескна женщина с пенисом, интеллектуал в Малограде или революционер до революции. Пистолет ей ничем не помогает. Никто никогда не воспримет её всерьёз. Маленьких женщин никто никогда не воспринимает всерьёз. Их место — на кухне или в учительской какой-нибудь начальной школы в маленьком городке рядом с Малоградом, с зелёными тенями на веках, за третьей чашкой кофе, обсуждая каталоговую косметику.

Какая смешная сцена! Женщина, которая хочет, чтобы её мнение уважали так же, как мнение мужчины, использует ствол револьвера как плохую замену пенису. Возможно, и самой Хелене не было ясно, зачем ей нужен пенис. И всё же это общество лишь снаружи выглядело как такое, которое больше уважает авторитет пениса. На самом деле оно уважало только авторитет денег. Это делало всю сцену ещё более смешной.

Мелкие дыры на стопах Хелены становились всё многочисленнее, и она время от времени теряла равновесие. Чтобы этого не происходило, она надела сапоги с толстой подошвой, которые шнуровались до колен. Но и колени сдавали. В обоих коленях были дыры диаметром около трёх сантиметров. Скрывать исчезновение и его последствия становилось по-настоящему трудно. И всё же Хелена была полна решимости довести своё дело до конца. Она, как человек и как гуманист, не могла позволить, чтобы кто-то, способный коррумпировать новый мир, прокрался в новое общество, как коварный червь в глупое яблоко. Хелене даже не приходило в голову, что этот процесс, возможно, невозможно остановить. Этот процесс — сама суть проникновения: коварный пестик оплодотворяет глупые тычинки, и всё продолжает существовать — ядовито пустое, как и прежде.

Хелена нервничала из-за исчезновения. Оно делало её беспомощной. Она села, чтобы немного успокоиться. По той же причине она снова начала что-то черкать в своей чёрной тетради погибели.

«Первое, что ты теряешь, — это стыд», — написала она. «Твоё существо, в попытке стать похожим на нарциссических психопатов, действительно таким и становится, но поскольку оно не может этого выдержать, оно переживает психический коллапс, нервный срыв. Оно начинает одновременно видеть сны и бодрствовать, и приятный сон и кошмар становятся одним и тем же. Стыд, ещё после первородного греха, сделал тебя человеком. Теряя стыд в попытке стать политиком или бизнесменом, ты теряешь то первое человеческое, что делало тебя человеком. Теряя это, ты теряешь смысл, почти не ощущая этого.

Следующее, что ты теряешь, — это иллюзии. Иллюзии подобны декорациям на фотографии, где центральный мотив — модель в купальнике. Если за полуобнажённой моделью — пальмы и море, ты подумаешь, что она успешная супермодель на роскошном отдыхе. Если за ней дешёвый гостиничный номер, ты подумаешь, что перед тобой проститутка. В какой-то момент иллюзия рассеивается, и ты остаёшься за кулисами, понимая, что роскошное море — это всего лишь картина на стене дешёвой гостиничной комнаты, и что мы все — проститутки.

Следующее, что ты теряешь, — это здравый смысл. Ты спрашиваешь себя, сумасшедший ли ты или все остальные. Ты впитываешь историю, пытаешься учиться на ней, ищешь в ней общественные правила и свою судьбу. Но твоя судьба — судьба «Вартбурга», которого сожрали свиньи. Ты родишься, потому что порвался презерватив, умрёшь, потому что похмельный мастер плохо прибил африканскую маску к стене, будешь жить, барахтаясь в попытке это принять, убеждая себя, что ты не сумасшедший. Но мы существуем только в глазах других. Малоград знает, кто ты, лучше любой науки, даже если наука утверждает, что ты не сумасшедший. Для Малограда ты сумасшедший, и не пытайся быть чем-то другим. Малоград знает, что ты и не можешь быть ничем другим, и он сильно злится и оскорбляется тем, что ты вообще хочешь быть чем-то. Как Великий Вождь Владимир Горд, Малоград знает, что для тебя лучше, и заставит тебя мыслить позитивно, даже если ему придётся выбить тебе зубы кулаком, пока не выжмет из тебя улыбку.

Следующее, что ты теряешь, — это всё. Ты потратил миллионы и миллиарды часов, обучаясь во всяких высших школах и посещая скучные семинары по менеджменту и бизнесу. Миллионы часов на украшение себя, на какие-то связи с людьми, на какие-то ложные воспоминания и мёртвые любви, миллиарды часов, потраченных на создание идентичности, которая разлетается, как брошенная петарда, — чтобы понять, что никакой идентичности не существует, и ты теряешь всё. В какой-то момент ты чувствуешь себя освобождённым, потому что потерял всё, как и говорил Тайлер. Но ты теряешь и цель. Теряешь идеологию, которой у тебя никогда и не было. Ты мечешься в постели с кем-то, чьё имя тебе неизвестно, глотаешь экстази, веришь, что псилоцибин откроет тебе двери восприятия, играешь в покер с призраками, задыхаешься самым собой, пока не выкуришь жизнь, как пакетик сухой травы. Ты потерял всё, ни во

что не веришь, и тебе ни капли не весело. Твои эмоции почти не существуют или едва тлеют. Но страх ты всё ещё чувствуешь — остро.

Последнее, что ты теряешь, — это страх. Ты принимаешь, что умрёшь. Ты принимаешь, что умрёшь безымянным. Ты принимаешь, что умрёшь завтра или через сто лет — и что это не зависит от тебя. Может быть, тебе повезёт, а может — нет. Ты не боишься чужой шизофрении, темноты, глубокой воды или крыс. Ты не боишься подозрительной рожи, которую большинство выберет на следующих выборах. Ты не боишься ада народной воли. Ты больше не боишься даже Великого Вождя.

Все эмоции исчезают, живут лишь в следах бетонных воспоминаний. Как Владимир Ильич Фишаров, они шевелятся под известкой с рук дорогого вождя и ползут под аммиаком народной воли, хотя на самом деле никакой народной воли не существует — кроме воли народа упорно ненавидеть и уничтожать самого себя.

Все эмоции исчезают, кроме ярости. А потом...»

Хелена выронила карандаш. Мелкие дыры на правой стороне её лица всё больше сливались, превращаясь в антиматерию. Она встала и направилась к зеркалу. Шла тяжело, замечая большую дыру в середине своего левого колена. Ей понадобилось почти шесть минут, чтобы дойти до зеркала и остановиться перед ним. Она расстегнула рубашку и медленно позволила юбке соскользнуть на пол. Подняла взгляд и устремила его в серебряную поверхность большого зеркала — но её отражения в нём больше не было.

7.

Хелена исчезла. Точнее, это нельзя было назвать исчезновением в полном смысле этого слова; скорее это было исчезновение тела, тогда как от духа остался облак зелёного тумана, пахнувший уральскими соснами и амийским снегом, но всё ещё способный мыслить. Этот дух теперь оказался у подножия Урала, хотя сама она не знала, как туда попала. Рядом с Хеленой, которая теперь была туманом, остановился старый жёлтый «фи́ћа», похожий на те из «Национального класса», вызывавший неодолимую югностальгию. Синий дым водителя открыл дверь машины и сказал ей:
— Запрыгивай.

Она вошла и села, а её ноги зацепились за плюшевого медведя, у которого вместо глаз были пуговицы. Одна пуговица, то есть глаз, была оторвана, и из медведя высыпались таблетки валия. Синий дым, который когда-то был человеком и исчез так же, как и Хелена, сказал:

— Я взял машину у каких-то балканцев, которые бежали через границу в девяностых. Наверное, это и объясняет медведя, набитого валиям.

— Кто ты? — спросила его Хелена.

— Я немертвый, как и ты, — ответил он. Хелена всегда думала, что быть немертвым — это нечто ужасное, вроде вампира, наказанного вечной жизнью у подножия Урала и вечным голодом, который не утоляется ни на мгновение.

— Мы теперь будем жить, запертые в пещере, в грязи и без неба свободы, на которое могли бы смотреть? Мы теперь наказаны? — спросила она.

— Нет! Мы теперь бессмертные. Мы — музы. — смеялся синий дым.

— Это не ад?

— Да нет! — смеялся всё громче. — Нет большего ада, чем мир человеческих существ. Даже бог это знает, хотя никогда об этом не говорит.

— Бог существует? Тогда почему он ничего не делает, чтобы нам помочь? — удивилась Хелена.

— Знаешь, свободная воля. Вечно эта свободная воля.

— Что мы тогда, проваленный проект? — спросила она с любопытством.

— Хм, не уверен. У этого бога, который нас под своё крыло взял, есть старый каменный колодец, и на его дне всегда есть вода, и в отражении в этой воде он смотрит на мир так, будто мир — это его фантазия, проецируемая на круги, которые расходятся по воде, когда в неё бросают камешки. Каждый круг представляет другую эпоху. И он каждый раз тревожится, несмотря на то, что края каждого круга сходятся и всё в итоге, после множества битв и поражений, приходит на своё место. Он тревожится, какую бы эпоху ни смотрел. Знаешь, плачет, бросает вещи, как будто его аутичная стена пробита мощным звуком

бессонницы, боевых самолётов и вступительной заставкой новостей на CNN. Сейчас он всё меньше смотрит на эти круги. Всё больше занимается своими делами. Отключается от потока, на который не имеет влияния. Играет на тамбуре. Читает.

— Он отказался от нас? — продолжала спрашивать она.

— Не уверен. Он никогда об этом не говорит. — синий дым зажёл сигарету, а затем понял, что дым не может втянуть в себя другой дым. Он затушил сигарету и прокомментировал: — Ну что ж, привычка... так вот, как там теперь внизу? Дерутся?

— Как обычно. Медийная война. Восемьдесят девять процентов людей работают за тридцать центов, чтобы создать ядерное оружие стоимостью восемьсот миллионов, которое потом бросают в море. Можно было сразу раздать нам по 30 центов, а оставшиеся 800 миллионов выбросить в воду — и соревноваться, какая страна больше зелёных купюр утопит, не тратя время на бесполезную работу.

— Есть причина, по которой они этого не делают, — сказал синий дым.

— Наверное, потому что людям нельзя давать свободное время, чтобы они не планировали бунты.

— Неверно! — крикнул синий дым. — Видишь ли, люди, у которых есть время, в основном бесконечно смотрят сериалы и фильмы, пока в какой-то момент не понимают, что все сериалы и фильмы — это на самом деле один и тот же фильм. Тогда они начинают читать. А потом начинают думать о прочитанном. Глаза устают от наготы, и многие люди, просто от скуки, начинают искать в интернете, скажем, Поля Гогена. Можешь мне не верить, но это правда. В общем, люди, которые начинают наблюдать и размышлять, перестают верить в древние мифы. Они поднимают голову и видят, что по небу летит не дракон, а жестяная банка с чёткой надписью F-117, и управляет ею человек, которому платят вполне конкретную сумму за его странную работу.

— Но при чём тут дракон и бунт? — спросила Хелена.

— При самом прямом, потому что как только ты понимаешь, что Великий Вождь — это миф, как и дракон, что никакого вождя и правителя не существует нигде, кроме как в нашем страхе, ты перестаёшь в него верить. В тот момент, когда ты перестаёшь верить в вождя, вождь перестаёт существовать. Он, как и большинство других вещей на земле, существует только в твоём уме. Дело в том, что никакого бунта в итоге не будет, и ничего окончательно не решится бунтом — всё решится самым пониманием.

— Значит ли это, что и бог перестанет существовать, когда мы перестанем в него верить?

— Вопрос поставлен неправильно. Надо спросить: перестанем ли мы существовать, когда бог перестанет верить в нас, когда вода успокоится и колодец перестанет танцевать, или когда исчезнут круги...

— Так перестанем или нет? — улыбнулась она.

— Да что с тобой? Я что, «Детское всезнание»? — он махнул рукой, а потом всё же ответил: — Думаю, мы скорее перестанем существовать, перестав верить в самих себя, точно так же, как...

— Как я... — закончила Хелена. — Или как страна Амия, ветхий старый замок, у ворот которого стоит народ — прямо на линии вечного фронта, на крайнем востоке Европы и на крайнем западе Азии...

— Да ладно тебе, у вас хотя бы нефти нет, чтобы тратить время ещё и на неё, как у нас, — попытался утешить её синий дым. — Ну что, будем дальше болтать ни о чём или тебя посвятить в нашу работу?

— У нас есть работа? У нас есть рабочее время? Сверхурочные? Несколько начальников? Правила, кодексы, нормы, уставы? Ты уверен, что это не ад? — запаниковала Хелена. — Синий дым, в чём наша работа?

— Наша работа — это покой, — сказал он. — Наша работа — это абсолютный покой. Время от времени нам, поскольку мы — музы вдохновения, нужно лишь вдохнуть в какого-нибудь живого несчастного дыхание художественного озарения, пока он спит. То есть вся твоя работа — оседлать спящего, пока он в фазе REM, и поцеловать его дыханием тревоги и пожизненного несчастья. В этом и состоит вся суть настоящего вдохновения. Вот и всё — делаешь это раз в десять лет. Остальное время можешь проводить, летая. Можешь и лежать — как захочешь. Или болтать с Богом. Хочешь, познакомлю тебя с Богом?

— Не уверена, что он тот, с кем я хотела бы познакомиться, — ответила она.

И всё же, когда «фи́на» въезжал в горную пещеру, он проехал совсем рядом с Богом, и Хелена не смогла удержаться от любопытства и внимательно его разглядела. Бог не был канцлером Демона Маридала. Бог был азиатом с голубыми волосами, возможно монгольского происхождения, в белой греческой тоге, и он играл на тамбуре, напевая:

— Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Интересно, бог был босиком и с усами. Синий дым объяснил ей, что это лишь одно из облиций Бога, который на самом деле — дым и туман, как и все нёмёртвые.

— Какого цвета Бог? — спросила Хелена.

— Всех цветов. Он вмещает в себе все цвета, и поэтому мы не можем его видеть, потому что на самом деле не способны увидеть все цвета сразу. Но оставь это.

Посмотри вверх, — сказал синий дым, указывая на бескрайнее пространство неба.

— На что смотреть?

— Тсс, смотри! — произнёс он с особой серьёзностью. — Сардины облаков плывут на юг.

Хелена была польщена тем, что бог послал ей такую хорошую компанию. И всё же, какой-то частью своего тумана, ей хотелось, чтобы её вёз Достоевский. А потом она вспомнила, что Достоевский из-за эпилепсии не мог водить. Возможно, думала она, было бы лучше, если бы вместо синего дыма пришёл чёрный дым Толстого или серый дым Кафки. Впрочем, с Толстым она бы разговорилась и не добралась бы до места назначения ближайшие девяносто лет. Точнее, говорил бы только он. Кафка же казался крайне ненадёжным. А как насчёт фиолетовых дымов суффражисток? Ей хотелось бы увидеть и красные дымы Спайса и Парсонса — у них наверняка есть что сказать. Может быть, найдётся и какой-нибудь местный дым? Хелена надеялась, что это не окажется каким-нибудь продажным амийским дымом, который меняет цвета, как рождественские гирлянды — такого она бы с трудом вынесла за рулём. Впрочем, так захотел бог. И хотя эта фраза не внушает особого доверия среднестатистическому землянину, в данном случае божественная воля была реализована с довольно убедительной долей легитимности.

Хелена часами размышляла о том, кого из духов истории она хотела бы увидеть больше всего. В конце концов она решила, что это её старый такс, которого, за неимением фантазии, семья назвала по первым словам, увиденным в программе национального телевидения той майской недели — пса звали «Манчестер Юнайтед», сокращённо Манчи.

Три дня спустя её посетил бог в облике африканца, который теперь пел «Purple Haze». Он сказал ей, без особых намерений, что, возможно, она поспешила с исчезновением, и предложил ей вернуться к живым. Бог подумал, что было бы интересно отправить Хелену обратно ещё на несколько лет, чтобы она ещё немного потеряла время под кислотным дождём и ядовитыми облаками тёмного амийского неба.

— Можешь подумать несколько дней, если нужно, в конце концов, ты всегда сможешь вернуться... — объяснял ей бог.

— Хмм... — бормотала Хелена, — ...вернуться в свою земную жизнь, в город Малоград, на юго-восток страны Амий?

— Не обязательно возвращаться в Амию, — отвечал Бог. — Можешь поехать в Нью-Йорк. Можешь стать маркетинг-менеджером в «Clockwise Corporation». А может, хочешь в Париж? В Лондон? Я могу отправить тебя куда угодно.

— Хмм... — кивала Хелена своей головой из зелёного дыма. — А можно я отвечу сразу, господи боже святой отец и всё такое?

— Конечно! — улыбнулся бог, показывая блестящие белые зубы и добродушный взгляд своего нынешнего облика.

Хелена подняла голову, глядя на сверкающие пещерные кристаллы и вдыхая пыльный воздух скучной старой горы, и выпалила как из пушки:

— Слушай, ты, бог — ни хуя!

Конец.